

СКОПИРОВАННЫЙ

Эрин Боуман

Пришло время противостояния.

Грей Везерсби со своей группой повстанцев вознамерился обрушить Франконианский Орден. Но возможно уже слишком поздно. Орден как никогда близок к своей конечной цели — построению непобедимой армии — и каждое новое поколение Копий становится более изощренным, сложнее выявляющимся и беспощадным, чем раньше.

Теперь Повстанцы объединили свои силы с новыми союзниками — Экспатами. Но когда тебя окружают даже знакомые лица, никому нельзя доверять: Грею придется действовать осторожнее, если он хочет добиться успеха... или выжить.

Оригинальное название: Forged

Автор: Эрин Боуман / Erin Bowman

Серии: Заложник #3 / Taken #3

Перевод: dias, Kelas, 375447726279, mariya0812

Редактор: Светлана Дианова

Эрин Боуман

Скопированный

Часть первая: Шпионы

ПЕРВАЯ

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИЯ никогда не думал, что такое может случиться. Я думал, что теперь-то мы что-то предпримем в сторону прогресса, двинемся на Таем, будем угрожать Франку. *Но ничего.* Совсем ничего. Нет никаких движений вперед или я их не вижу. Мы затянуты в рутину, в которой комфортно себя чувствуем. Мы позволяем нашим дням протекать в таком ритме, как будто у нас слишком много свободного времени.

Я выражал недовольство — сначала вежливо, потом без обиняков. Они постоянно твердят одно и то же: *«Мы планируем. Планирование занимает много времени»*. Насколько я понимаю, чем дольше мы сидим на месте, тем больше преимуществ мы даем Франку.

— Я опять сегодня завел этот разговор, — рассказываю я Блейну. — Это просто смешно. Мы должны быть там, делать что-то. А не заниматься посевом урожая.

Он прекращает рыхление почвы, которую он только что обрабатывал, и облакачивается на ручку граблей.

— Ты просто подливаешь масла в огонь.

— Может быть это надо поджечь.

Он понимающе вскидывает брови, затем потягивается и достает руками до серого, сегментированного участка теплицы. Теплица с этими разделениями похожа на гигантскую мокрицу. Стерильную. Непривлекательную. Гул искусственного света заполняет пространство между нами.

— Прошло уже два месяца, — говорю я, — а все, что мы делаем — это сидим на нескольких собраниях и выдергиваем сорняки.

— И что, как тебе кажется, мы должны делать? Вломиться к Франку? Постучаться и спросить, не желает ли он покинуть свой пост и не позволит ли он кому-то взять узды правления в свои руки?

— Это было бы лучше, чем ничего не делать.

— Это было бы опрометчиво. — Он возвращается к рыхлению почвы. — И смертельно опасно.

— Черт, Блейн. Его Орден только крепнет, пока мы здесь сидим. Приготавливается, пока Адам и Элия придумают что-нибудь с Виком. Я готов украсть винтовку из магазина и собрать свою собственную команду, чтобы отправиться на восток.

— Я не помню, чтобы ты был таким кровожадным.

— И я не помню, чтобы ты был таким довольным от ничего неделания. Чтобы позволял всем остальным принимать решения за тебя. Особенно важные. Разве ты не скучаешь по Кейл?

— Конечно, скучаю.

— Ну ты, возможно, дурачишь меня.

Блейн не клюнет на приманку по поводу его дочери. Не огрызается, не кричит или даже не дает мне хороший пинок. Он просто хмурится.

— Ты все еще хочешь поговорить об этом?

— *О чем?*

— Что бы ни случилось во время миссии с Па, это вызвало отчуждение между нами.

Я улавливаю краем глаза Сэмми и Бри. Они работают через два ряда от нас и оба остановились, подняв головы из-за моего повышенного тона.

— Здесь не о чем разговаривать, — бормочу я Блейну и возвращаю свое внимание к почве.

Он не спорит. По крайней мере, его ненависть к конфронтации остается неизменной. Кажется, это единственное, на что я могу рассчитывать в эти дни.

У нас было все хорошо первые несколько недель после нашей встречи у Сильвии — в убежище Экспатов к западу от границы — мы были ослеплены радостью оказаться вместе спустя столько времени врозь. Потом начались трения. Неловкие молчания. Моменты, когда я понял, что понятия не имею, о чем он думает. Ситуации, где мне нужна была его поддержка, а он меня не поддержал. Подобных той, как с этим срывом из-за бездействия. Мы так хорошо можем понять настроение друг друга и даже если мы не всегда согласны с чем-либо, мы все понимаем. Как бывает только у братьев — *близнецов*. Но теперь я иногда ловлю на себе его взгляд — брови приподняты в недоумении, губы скривились — что больше похоже на то, что он меня не узнает. За то время, что прошло между моим отъездом из Долины Расселин и нашей встречей, что-то изменилось. Что-то радикальное.

Мне, наверное, не стоит так удивляться. Да и как бы меня мог понять Блейн? Он не видел, как застрелили Па и как он ушел под воду вместе с "Кэтрин". Ему не пришлось убивать Копию собственного родного брата или смотреть на то, как его друзья умирают вокруг него. Он не просыпается каждое утро, зная, что половина смертей Группы А на его счету из-за его решения о союзе с Экспатами.

Неудивительно, что мне сейчас комфортно с Сэмми. И с Бри. Всегда с Бри, хотя она такая же обходительная, как кирпичная стена, с того момента как мы покинули Сильвию и двинулись в Пайк. Они все-таки понимают меня, потому что они прошли через все это вместе со мной. Они знают истинные масштабы безжалостности Франка, и что Копия может

быть беспощадной и хитрой. Это стало практически частью нас, те ужасы. Это как быть свидетелем того, как они заползает тебе под кожу и впиваются в твою душу.

Образ Эммы, какой я видел ее в последний раз, мелькает в моем мозгу — ее Копии с суженными глазами и с пистолетом, прижатым к затылку Ксавье. Франк все-таки получил ее — ее *настоящую*. В его руках Эмма и Клейсут под его ладонью. Мод и Картер, и Кейл. Кейл с ее белокурыми локонами, маленьким носиком и пухлыми пальцами. Я не думаю, что я ценил, как это здорово быть ее дядей, пока между нами не появилось расстояние.

Я вспахиваю землю под ногами. Жесткий кусок почвы крошится на мелкие частицы. Связь между Блейном и мной не полностью разорвана, потому что он чувствует мое настроение.

— Просто подожди, что скажут завтра, хорошо? Сегодня у Клиппера день рождения. Давай наслаждаться этим.

Напоминание о дате — последний день февраля — только расстраивает меня. Мы находимся в Пайке, работая с Экспатами уже два месяца, и нам нечем похвастаться. Хотя я и *занимаюсь* сельским хозяйством в середине зимы. Что впечатлило бы кого угодно в Клейсуге.

— Я даже поддержу тебя, когда придет время, — предлагает Блейн. — Но ты за это сегодня вечером улыбайся и будь *приятен* в общении с ребенком, если сможешь сдержать себя в руках. Все вероятно оценят это, и не только Клиппер. Что скажешь?

Я одаряю его продолжительным взглядом, а потом возвращаюсь к рыхлению почты.

— Это не было «да», — говорит Блейн.

— Это также не было и "нет".

Мы работаем в тишине, слышен лишь стук инструментов, создающий ритм для нашей работы. Я краем глаза наблюдаю за Бри. Она остановилась, чтобы помассировать свое левое плечо.

— Привет, ребята! — Голос эхом проносится по теплице. Я распрямляюсь, увидев Джулс, племянницу Адама, бегущую к нам навстречу. Она симпатичная и она это знает, и хотя я видел ее только на нескольких собраниях, строчащую заметки по просьбе Адама, она думает, что мы с ней лучшие друзья.

— Эй, — запыхавшись, говорит она снова, пока, наконец, не доходит до нас. Ее темные волосы прилипают к шее. — Вам следует ускориться. Адам устраивает собрание.

Это привлекает всеобщее внимание.

— Зачем? — спрашивает Сэмми.

— Понятия не имею. Хотя это о чем-то важном. Он сказал мне собрать вас всех немедленно, всех из команды Элии.

— Может мы, в конце концов, чем-нибудь *займемся*, — говорю я, собирая инструменты.

Джулс смеется, будто я выдал смешную шутку. Откидывает голову назад и все такое. Ей может быть и восемнадцать, но я могу поклясться, что она ведет себя на десять в большинство дней.

— Ты присоединишься к нам потом? — спрашивает ее Блейн. — Клиппер сегодня стал мужиком. Мы все будем праздновать.

— Бедный ребенок, — отозвался Сэмми. — Он пережил намного больше дерьма, чем любой тринадцатилетней парень, которого я знаю. А вы говорите о потере невинности.

— Как сентиментально, — невозмутимо произносит Бри.

— Сентиментально? Я просто говорю, что предполагаю, что он может перебрать со спиртом, как старик, учитывая все, через что он прошел. Сколько раундов как вы думаете, он выдержит?

Блейн кидает взгляд на Сэмми.

— Ему *тринадцать*.

— И ты тот, кто обозвал тринадцатилетние знаком мужественности. Прошу прощения за мое желание быть уверенным в том, что он выпьет стопочку. Или семь.

Они продолжают спорить о ритуалах, когда мы убираем инструменты. После двух месяцев работы днем в теплице, мы квалифицированно укладываем инструменты в исключительно маленький сарайчик, где они все у нас помещаются. Все Экспаты должны внести свой вклад в обмен на комнату, и не проходит и дня, чтобы я не жалел, что меня не приписали к работе на базе. Конечно, наши утра мы проводим в тренингах — по стрельбе по целям и в тренировках — но обрабатывание почвы каждый день оставляет меня в неведении от остального. Помимо нескольких собраний, на которые мы были приглашены, все, что мне удалось узнать, что кожа моих рук не так груба, что руки не покроются мозолями от работы мотыгой, и что от искусственного освещения человек может вспотеть так же круто, как и находясь под солнцем.

К тому времени, когда инструменты убраны подальше, Сэмми принимает ставки по поводу того, какое количество алкоголя Клиппер выпьет сегодня вечером. Мы направляемся к выходу, и Джулс пихает меня локтем.

— Ты присоединишься к вечеринке Клиппера? — спрашивает она. У нее самые длинные ресницы, какие я когда-либо видел.

— Я еще не решил.

— Давай. Развлекись немного. — Она обхватывает мое запястье обеими руками, как будто это меня убедит. Она потная после своей пробежки. — Я куплю тебе выпить. Даже пару раз. — Она наклоняется, понижая голос. — За исключением, если ты к тому времени уже не будешь хорош.

Я отмахиваюсь от нее. Вероятно, немного более агрессивно, чем нужно. Ей, кажется, это не нравится.

— Я дам Адаму знать, что вы идете, — объявляет она всем. Затем она поворачивается и выбегает. Она напоминает мне лань, такая же худощавая и стремительная. Но с упорством ястреба.

— Грей, ты походу спугнул ее, — говорит Блейн. Я кидаяю на него взгляд и понимаю, на что он намекает.

— Я не заинтересован. — Мой взгляд переходит на Бри, но она занята тем, что чистит свои штаны. — Кроме того я не понимаю, почему Джулс не прицепится к тебе вместо меня, — говорю я Блейну. — Мы одинаковые и ты по крайней мере хороший.

— Я думаю, ей нравятся задумчивые.

— Все девушки любят задумчивых, — встречается Сэмми. — Но я думаю, что единственных, кого они любят больше — это очаровашек. С чувством юмора. Симпатичных. Высоких и накачанных, с зелеными глазами и с убийственными бицепсами...

Бри фыркает над описанием Сэмми самого себя.

— Что тебе это не нравится?

— Самовлюбленность — это беда.

— Кто говорил про самовлюбленность? Я описываю физические качества, Нокс.

Привлекательные черты. Все остальное — суэта. — Он расплывается в улыбке. — Ты не можешь действительно винить меня за это, не так ли?

Бри закатывает глаза.

— Так что ты думаешь, что Адам от нас хочет?

— У меня нет идей, — говорю я. — Но я знаю, какие надежды у меня от этой встречи.

— Я тоже. Я сыта по горло этим сидением на месте.

Я вижу как она трет свое больное плечо и задаюсь вопросом, как это возможно, что двое из нас хотят одного и того же и думают в одном направлении, но не составляют пару. Из-за упрямства Бри. Она сдержала свое слово данное мне и поставила свои приоритеты на первое место. Она стояла на дружеском расстоянии. Разговаривала по-дружески. Улыбалась, но никогда не заигрывала. Отвергала все мои телодвижения: будь то извинения или ухаживания, или бесстыдное попрошайничество. Я до сих пор не перестал пытаться. Она забыла, что я такой же упрямый, как и она.

Прошли годы с тех пор, как охвативший весь город климат-контроль использовался в Пайке, и в то время пока защитный купол держит на улицах снег, зимняя, низкая температура ударяет по нам, как только мы выходим из теплицы. Обрубив все связи с востоком, Экспаты должны были решить, что необходимо для пропитания и без чего они не смогут обойтись. Их система передвижения по рельсам безжизненна, автомобили застыли на дорогах в случайных местах по всему городу.

Вместо того чтобы быть обвешанными электронными табло, стены здесь однотонные, цементные или кирпичные, или деревянные, или из стекла. Но самая большая разница между Пайком и Таемом заключается в отсутствии Ордена. Здесь нет одетых в черное солдат, нет отрядов курсирующих по всему городу с Франконианской эмблемой на груди. Почти половина граждан Пайка считает себя Экспатами, членами группы, которая несколько лет назад вела войну на Востоке и до сих надеющаяся устранить Франка. Оставшаяся половина стусевалась, желая, чтобы их народ наконец-то признал свое поражение. *«Мы отмежевались несколько лет назад»* — я до сих пор слышу их бурчание. — *«Почему мы не можем оставить все как есть?»*

Пайк имеет свой запах — вкус соленого моря, что находит свой путь под купол, цепляясь за одежду людей. Что не может быть выращено в самом городе вытаскивают из океана и из земли за его пределами, а затем продают на открытом рынке. Когда мы проходим по улице мимо рядов с торговцами, я бросаю свой взгляд на парня, не намного старше Клиппера, обертывающего рыбу в коричневую бумагу и передающего ее клиентке. Она благодарит его и продолжает свой путь. Я могу понять, почему некоторые люди здесь просто хотят забыть Франка. Они знают куда двигаются. Они почти удовлетворены.

И это *то*, почему я боюсь, насколько бездействующими мы стали за последнее время. Если бы не Эмма или Кейл, или Клейсут, я мог бы забыть о необходимости борьбы, счастливо разжав кулаки.

База Экспатов впереди попадает в поле моего зрения — серое, разваливающееся здание с кучей окошек. Единственный признак цвета на всем фасаде — красный треугольный флаг, висящий над главным входом. Внутри треугольника находится синий круг, а внутри белая звезда. Символ Экспатов. Он не особо отличается от герба Франка, который использует его Орден.

— Франк выбрал красный треугольник по понятным причинам, — сказал Адам, когда он впервые показал нам базу, как будто мы спросили его об этом на уроке истории. — Цвет

власти и силы, а форма имеет устойчивое основание, ее практически невозможно опрокинуть. В теории это просто отлично, но и опасно, когда понимаешь, что это один человек, который поднялся на вершину, и пометил все вокруг как свою собственность. — После его слов я по другому отнесся к прописанной курсивом букве "Ф" в центре Франконианского герба. — Поэтому Экспаты и поместили треугольник в круг, который олицетворяет баланс и равенство, и мы выбрали звезду, а не надпись. Все намекает на наше прошлое, о чем забыл Франк.

Я уже видел этот символ по всему городу, иногда в уменьшенной версии в виде флага, в другой раз, случайно вырезанный на двери, но всегда этот символ означает одно и то же: *этот дом, офис поддерживает Экспатов*. Глупо выступать против Экспатов — они в значительной степени ответственны за сохранение управления в городе Пайк — но в отличие от Таема, люди здесь не боятся за свою безопасность из-за несогласия народа с властью.

Сэмми останавливается недалеко от главных дверей базы, чтобы вытащить камушек из ботинка, и мы все ждем его. Бри снова потирает плечо. Я смотрю на место, где она массирует. Я израсходовал все возможности, которые появлялись у меня, всякий раз прикоснуться к ней, когда я мне это хотелось, — она приветствовала это, но теперь, когда она — это то, что я хочу больше всего, она так далека от меня. Бри застаёт меня подсматривающим за ней и хмурится.

— Я скучаю по тебе, — говорю я.

— Я рядом с тобой, — отвечает она мне резко. — *Я всегда* была рядом. В этом и состоит часть проблемы.

База огромная: старый военный объект состоит из тренировочных полей, магазинов оружия, транспортных средств, гаражей, барачков, конференц-залов и офисов для переговоров. Мы направляемся в самый маленький из конференц-залов, где Адам с Виком проводят все свои собрания. Или, по крайней мере те, на которые мы были приглашены.

— Располагайтесь удобнее, — говорит Вик, когда мы заходим вовнутрь. Он сидит на противоположном конце длинного стола, скрестив ноги. — Остальные на подходе, но я, прежде всего, устрою им двойную и тройную проверку. Хочу быть уверенным.

Вик противоположность Адама почти всех отношениях. Он чисто выбрит. Лощен. Строен, с бледно-светлыми волосами, и обаятелен. Он немногословен, с легкой походкой, почти изящной. Когда мы приземлились в Пайке, я был удивлен, узнав, что *он* лидер Экспатов. Адам является заместителем командующего и подчиняется непосредственно Вику, но Адам выглядит так, как не выглядит Вик: яростным, потрепанным и готовым к бою. Я думаю, первозданный облик Вика может убедить людей, что он организатор и профессионал, но его телосложение напоминает мне Харви — налет нежности — и удивительно, что так много людей отдали судьбу своей борьбы тому, кто выглядит так... *приятно*.

Вик встает, когда входит Адам.

— Ну? Это подтвердили?

Адам подскакивает к нему и они обнимаются, как они всегда делают — объятие их так интимно, как будто они родные братья. Как только они отступают друг от друга, что-то промелькивает между ними в молчании, что-то сказанное только взглядами. Элия с Клиппером уже в зале. Я даже не слышал, как они пришли. Один взгляд на них, и я знаю, эта встреча не о принятии мер. Она о чем-то намного, намного хуже.

Адам скребет щетину на подбородке. Вик разглаживает свои разутюженные штаны.
— Я боюсь у нас плохие новости.

ВТОРАЯ

МЫ, КАЖЕТСЯ, ЖДЕМ вечность.

— Мы сегодня потеряли связь со штабом Повстанцев, — наконец произносит Вик. — Незадолго до полудня.

— И ты говоришь об этом только сейчас? — спрашиваю я. — Когда почти сумерки!
Элия поворачивается ко мне.

— Мы не хотели беспокоить вас, считая, что дело было только во временной проблеме со связью.

— Ты тоже об этом знал? — спрашивает Сэмми.

Элия не отвечает. Посмотрев на лицо Клиппера, я предполагаю, что мальчик тоже знал. Конечно, он знал. Он был допущен в командные отделения с вышестоящими Экспатами, в связи с его техническими навыками, и если бы не наше смехотворное, парниковое расписание, он, вероятно, сказал бы мне. Клиппер не держит никаких секретов от меня. Вдруг я осознаю, что он плачет. Молча. Слезы стекают сверкающими ручьями по его щекам.

— Не будьте слишком строги к Элии — говорит Вик. — Я посветил его в это совсем недавно. Не сразу после Клиппера, который был в состоянии помочь нам подтвердить несколько вещей.

Мальчик тянет свой браслет — подарок матери — указательным пальцем. Тот лениво качается вокруг его запястья.

— Какого черта здесь происходит? — спрашиваю я.

— Клиппер перепробовал все, но мы не можем пробиться в Технологический центр Повстанцев. Он не считает, что это просто проблемы со связью. Это больше похоже... ну... — Вик вздыхает.

Я знаю, что случилось. Я знаю, что и это разрывает мое сердце.

— Вик, так ты скажешь прямо? — резко произносит Бри. — Мы все в напряжении. Давай, выведи нас из страдания.

— Мы считаем, что на них напали, — говорит он через мгновение. — Это был только вопрос времени, если честно. Я удивлен, что это не произошло раньше. Франк всегда подозревал Горную гряду Мучеников как примерное расположение штаб-квартиры Повстанцев. Возможно, он рискнул и решил сравнять все горы с помощью воздушной артиллерии.

Наша группа молчит, мы онемели. Единственный звук раздается от Клиппера, который наконец-то начал громко плакать. Его мать по-прежнему находится в Долине Расселин. Или находилась. И он не мог дозвониться до них. Не мог ничего подтвердить или опровергнуть. Все это произошло в его день рождения. Сэмми прав. Я не знаю ни одного тринадцатилетнего мальчика, кто носил бы бремя тяжелее, чем Клиппер.

— Вчера мы в 19.00 говорили с Райдером, — продолжает Вик. — Он не упоминал ни о каких подозрениях о возможном нападении, и он не получал никаких предупреждений от его шпионов в Таеме. Этот удар кажется спонтанным, разве что Франк ответил на выходки Повстанцев, о которых Райдер с нами не поделился. Мы надеемся, что мы скоро услышим вести от него, но это все выглядит не очень хорошо.

Мы с Блейном находим зрительный контакт. Райдер не хотел посылать Блейна на запад. Предполагалось, что это будет только Элия, который будет представлять нас в нашем новом союзе с Экспатами, и если бы мы с Блейном не потребовали иначе, мой брат мог тоже умереть прямо сейчас. И все эти люди до сих пор находились в Долине Расселин... Вся цель объединения с Экспатами была пополнить наши ряды, и теперь каждый Повстанец, укрывающийся там, потенциально мог умереть.

Не в силах больше сдерживаться, я вскочил.

— Мы наконец-то можем что-то сделать? Дать отпор? Или эти потери не настолько большие? — Блейн дергает меня за рукав, призывая сесть, но я стряхиваю его руку. — Более двух тысяч наших людей потенциально *погибли*. Что еще должно произойти, прежде чем мы начнем действовать?

— Мы *работаем* над этим, — огрызается Адам. — Блик отправился в убежища Экспатов, чтобы попытаться сплотить любого выжившего из Бурга, кто захотел бы присоединиться к нашей борьбе. У нас есть куча своих людей вдоль Залива, работающих с Сентябрем, склоняющих к лояльности людей в Бон Харборе. Шпионы Повстанцев и Экспатов увеличивают нашу численность в пределах купольных городов. Мы ждем, когда все части пазла соберутся вместе и в момент, когда это произойдет, мы сможем ударить сразу по нескольким направлениям. Любое наступление, прежде чем мы действительно будем к нему готовы, может иметь неприятные последствия и отбросить нас назад на неопределенное время.

— Адам, ты можешь подвести под свою логику все что захочешь, — говорю я. — Это не меняет того факта, что Франк становится сильнее, в то время пока мы ничего не предпринимаем. Больше наших людей начинают страдать, а мы за мили на цыпочках ходим вокруг борьбы, под предлогом *планирования*, чтобы успокоить нашу совесть.

— Мы все здесь хотим одного и того же, Грей, так что это не означает, что данная потеря никого не ранит. Или что Экспаты не заинтересованы в вас.

Я ловлю краем глаза Бри. Она качает головой, это движение едва уловимо и сдержанно. Предупреждение. Как будто она хочет сказать, что она согласна, но сейчас не время и я закрываю свой рот на замок.

— В словах Грея есть смысл, — говорит Вик. Адам, наклоняясь ко мне с его стороны стола, застывает.

— Я имею в виду, что если Франк действительно атаковал, от этого нельзя просто отмахнуться, — объясняет Вик. — Если мы не ответим на это *каким-то образом*, что это скажет о нас? Понятно, что Франку становится комфортно после любого действия, которое может причинить нам боль, независимо от того как неконкретна его информация. У него не было точных координат Долины Расселин, и выходит он все равно действовал. Он имеет ресурсы в запасе и борется грязно. — Вик поворачивается к Элии. — Мы немедленно отправим тебя на восток с небольшим экипажем на челноке для обследования разрушений.

Элия кивает. В такие моменты, я забываю, что он не намного старше меня. Помимо отхлебывания из фляги, он выглядит абсолютно равнодушным.

— Что касается всех остальных, — продолжает Вик, — я хочу, чтобы вы вернулись в эту комнату первым делом завтра утром в 07.00. Нам нужно многое обсудить.

Он выходит вместе с Элией, одна рука находится на плече у капитана, другая прижата к его собственному сердцу, как бы выражая сочувствие. Вот почему Вик главный, а не Адам. Это тонкий подход, способность заставить людей чувствовать себя окруженными любовью и

заботой.

Хайди, сестра Адама и мама Джулс, заглядывает в комнату.

— Я могу тебя украсть? — спрашивает она у Адама.

Адам что-то ворчит и выходит, оставляя нашу команду в одиночестве, в нашем немногочисленном составе, тех, кто остался в живых после похода к Группе А, и Блейна. Десять вышли из Долины Расселин и только четверо из этой группы добрались до Пайка. Сентябрь — наш повар и эксперт по оружию, осталась в городе. Остальные мертвы, двое из них погибли прямо от рук Эммы. Ну, от ее Копии. Той же Копии, которая сообщила информацию о штаб-квартире Повстанцев Ордену. Близлежащие координаты, а не прямые, но, в конце концов, это не имело значения. Франк подозревал определенное место и последний сигнал от передатчика Эммы был рядом с ним. Он рискнул, и оборона Повстанцев не смогла остановить воздушную атаку.

— Итак...,- говорит Сэмми.

Он никогда не был хорош в подобных ситуациях — слишком много шутит и вставляет саркастические комментарии. Опять же, я тоже не в своей стихии. Клиппер все еще пытается остановить свои слезы, и меня снова осеняет: ему всего тринадцать.

— Это еще не подтверждено, Клип, — говорю я. — С ней возможно все хорошо.

— Такой вот подарок на день рождения, да? — говорит он между шмыганьем носом.

Идея вечеринки — выпивка и дартс — вдруг кажется смешной.

— Эй, если ты хочешь отправиться сегодня в кровать, мы все понимаем. Все, что тебе захочется.

— Нет, — говорит он, садясь. — Не будем менять планы. — Он вытирает щеки. — Я хочу, чтобы ничего не менялось насколько это возможно в данной ситуации. Давайте устроим вечеринку. Я думаю, я бы мог выпить.

— Я не знаю, если...

— Ты только что сказал, что все, что я захочу, — отрезает он.

Я посмотрел на Сэмми, он выглядел так, как будто он хочет забрать обратно свой комментарий о нескольких раундах, которые выдержит ребенок.

— Ты получишь это, Клиппер, — говорит Бри. — Пошли, я куплю тебе твою первую выпивку.

После перекуса в столовой, каждый держит свой путь в бар. Все, кроме меня. Я не могу заставить себя отмечать день рождения, все еще не зная судьбу Долины Расселин. Я расхаживаю по залам, направляясь к казарме и душу просто, чтобы занять себя чем-нибудь. В конце концов, волноваться одному кажется еще более абсурдно, чем волноваться с друзьями. Как и большинство вечеров, бар полон, когда я, наконец, захожу в него.

Я нахожу Клиппера и Джулс играющих в дартс против Сэмми и Бри, остальные наблюдают за ними. Когда Клиппер замечает меня, тупая полуубыка мелькает на его лице.

— Сколько ты ему налила? — спрашиваю я Бри.

— Достаточно.

— Замечательно, он пьет только для того, чтобы забыться.

Бри рассматривает кончик дротика, а потом переводит взгляд на меня.

— Грей, из-за этого все много и пьют — чтобы забыть.

— Ты знаешь, это не то, что я... Слушай, он просто ребенок. Я думаю...

— С ним неправильно обращаться как с ребенком. Он один из нас. Если он будет думать, что мы не считаем его таковым, это станет проблемой.

— Он отключится через...

— Расслабься. Я позволила ему выпить один напиток, а затем переключила его на разбавленную дрянь. Он не понимает разницы, и если даже понимает, то его это явно не волнует. Дело в том, что он *ощущает* себя частью команды, что мы не нянчимся с ним, и я уверена, что это именно то, что ему нужно прямо сейчас.

Клиппер бросает свой последний дротик и поворачивается к нам, его улыбка все еще на лице.

— Тебе надо выпить, — говорит он мне. — Я хочу, чтобы был произнесен тост в честь моего дня рождения.

— Мы собирались сделать это в конце, — произнес Блейн. — Тебе не надо это требовать.

Я машу пальцем над своим плечом, давая понять Блейну, что я собираюсь посетить бар.

— Прихватишь одну для меня тоже? — спрашивает он и уходит обратно, чтобы подразнить Клиппера.

Во многом бар напоминает мне Крановую Комнату в Долине Расселин. У это места ровные стены и есть скатерти на столах, но энергия та же. Музыка просачивается из дальнего угла — кто-то лениво бренчит на гитаре. Освещение тусклое и пространство вокруг большого количества столов переполнено. После целого дня работы и жизни в заботах, здесь Экспаты находят немного веселья, пытаются забыть мрачную неопределенность на некоторое время.

Забывать. О чем только что говорила Бри. И почему эта девушка права по поводу всего.

Я поднимаю два пальца, что привлечь внимание бармена и прошу его записать на счет Адама. Это срабатывает каждый второй визит, и я не думаю, что Адам сейчас начнет жаловаться. На самом деле, я начинаю удивляться, а не способ ли это подкупить: выпивка ночью в обмен на еще один день бессмысленной работы в теплице.

Бармен отправляет две стеклянные кружки в мою сторону. Я хватаю их и поднимаю, придерживая ладонью, играючи прижимая к боку.

— Ты же был не против позволить мне купить тебе выпивку, — говорит Джулс. — Помнишь? — Она прислоняется ко мне, пока мы не касаемся друг друга от плеча до локтя. Она такая высокая, ей едва приходится смотреть на меня вверх, когда она взмахивает своими ресницами.

— Думаю, это вылетело из моей головы.

— Тогда почему бы нам просто не поговорить? Я выпью свой бокал, — она машет бармену, — а ты можешь пить свои. Я имею в виду, ты мне должен ведь.

— Я ничего тебе не должен. И ты разве не должна сейчас играть с Клиппером?

— Райли заняла мое место.

Я смотрю назад и конечно, там Райли — миниатюрная Джулс четырнадцати лет, только худая, и до сих пор без характерных женских изгибов. Клиппер несомненно выглядит довольным из-за изменения партнера. Я не думал, что это возможно, но Райли показывает Клипперу лучшую технику метания и потрясенное выражение, которое раньше было только на его губах, переходит в его глаза.

— Видишь? Не надо спешить. На самом деле, мы вполне можем праздновать день рождения Клиппера отсюда. — Взмах, взмах, взмах. — Или в другом месте. — Она дотрагивается до моего предплечья.

Я отстраняюсь.

— Что? Ты действительно не хочешь уйти отсюда вместе со мной? — Она выдает мне самую соблазнительную улыбку, которую только может из себя выдавить. Она красивая. — Ну?

Я поднимаю одну кружку в сторону Бри.

— Джулс, ты видишь ту девушку? Она единственный человек, с которым я хочу уйти из этого бара. Она единственная девушка, которую я хочу, и точка.

— А ты рассказал ей об этом? Потому что она, кажется, не выглядит заинтересованной в тебе. На самом деле, я не могу не заметить, что она не дает тебе шанса.

Это звучит так, как будто она знает Бри. Как будто беседа время от времени за ужином делает их лучшими подругами. Как будто предлагая Бри особые лекарства Экспатов для ее занятых садоводством мускулов и не смотря на то, что они познакомились несколько недель назад, делает Джулс экспертом по желаниям Бри.

— Это все не меняет того факта, что она все, что я хочу, — отвечаю я.

Выражение лица Джулс ожесточается.

— Грей, может быть, тебе следует начать думать о том, что ты еще хочешь, если не сможешь иметь ее. Кто ты такой по твоему усмотрению? Потому что, похоже, ты собираешься топтаться на месте.

Она выхватывает напиток, поставленный барменом, и возвращается к группе.

Я рад, что она не стала ждать ответа, потому что у меня его нет. Правда в том, что я никогда не размышлял много о своей жизни после восемнадцати лет. Настолько надолго, потому что данная отметка была туманна, как черная бездна, рубеж, переходящий в неизвестность. Единственное, что я считал несомненным, что мое Похищение будет концом. Я живу дольше, чем я когда-либо хотел, и теперь, когда мне больше восемнадцати — есть вероятность того, что мы сможем победить Франка и я смогу прожить жизнь по моему собственному выбору... Ну, хорошо, я просто не знаю, что делать с такого рода перспективой.

— Черт, не тот ли это взгляд, который пугает меня. — Сэмми стоит рядом со мной, делая заказ.

— А?

Он указывает на мое лицо.

— Ты становишься все серьезнее. — Он морщит свой нос в отвращении.

— Что ты собираешь делать со своей жизнью? После того, когда это все закончится?

Он опирается локтем на стойку, перенося свой вес на нее.

— Быть счастливым. Состариться. И, возможно, обрасти жирком. Но только если у меня будет девушка и куча детей, бегающих вокруг, и не будет причин по-прежнему выглядеть как добыча. — Он подмигивает своим зеленым глазом. — Я, наверное, попытаюсь разучить несколько аккордов. Мой отец раньше играл, прежде чем он... Ну, ты знаешь. А что насчет тебя?

— Я бы хотел поселиться где-то в тихом месте, — говорю я, стараясь не опережать события. — Я хотел бы, чтобы рядом были леса и я мог ходить на охоту, и я хочу небольшой домик. Я думаю, что-то простое, похожий на тот в котором я вырос. Я бы не возражал против уединения, пока Блейн бы был поблизости. Ох, и Кейл тоже. Она росла так быстро в свои два с половиной года. — Сэмми смотрит на меня, как на незнакомого человека, но я продолжаю бессвязно говорить. — Я бы занялся резьбой по дереву, потому что мой отец всегда любил это дело. И я хотел бы попробовать насладиться всем этим — всем до

последней капли, взлетами и падениями, даже людьми, которые сводят меня с ума. Я начинаю понимать, что жизнь слишком коротка, чтобы копить обиды и осуждать всех, понимаешь?

Сэмми смотрит на две кружки, которые я сжимаю в своих руках.

— Сколько ты выпил?

Я качаю головой.

— Нисколько, но я в любом случае должно быть пьян, потому что я почему-то хочу, чтобы ты был рядом со мной. Хоть ты и заноза в заднице.

— Так же, как и ты. — Взгляд Сэмми возвращается обратно к игре, где Бри целится в мишень. — Почему ее нет в твоём рассказе?

— Я все еще над этим работаю. Вероятно по той же причине, почему Эммы нет в твоём.

Его лицо бледнеет. Мы давно не говорили об Эмме. Ну, по крайней мере, неделю. Мы оба все еще беспокоились о ней, оба все равно любили ее, хотя и по-разному. Мои чувства к Эмме являются безусловными и неизменными, но они поселились на новой территории после побега из Бурга. Я люблю ее так, как люблю Блейна, или Кейл, или как Клиппера. Даже как Сэмми. Она та, за кого бы я умер, но совершенно бы по другой причине я умер бы за Бри. Это сейчас настолько очевидно, эти чувства, что я не помню, когда я так смущался.

Сэмми заставляет меня улыбнуться, ударяя своим стаканом мой, чокаясь.

— Если это имеет значение... и прости меня, ибо я собираюсь стать крайне серьезным... я не думаю, что тебе следует отказываться от нее.

Бри бросает дротик. Он попадает в место на ширину большого пальца от яблочка.

— Я и никогда этого и не планировал.

Мы произносим тост за Клиппера и празднуем до позднего вечера. Все слишком много выпили. Мы стараемся не думать о том, что нас ожидает завтра или что Элия может найти, когда он доберется в Долину Расселин. Мне нужна была причина, чтобы возобновить движение вперед, но не за такую цену. А теперь, когда приближается наша встреча с Вик, я начинаю беспокоиться о том, что он запланировал для нас. В последней миссии я видел смерть половины своей команды.

У Райли приступ смеха из-за Сэмми с салфеткой, которую он скатал и засунул между верхней губой и носом — получились смешные седые усы. Бри и Клиппер пытаются сфокусировать взгляды. Мальчик выглядит особенно нацеленным заставить Райли смеяться, как это получается у Сэмми. Рядом сидит Джулс на высокой табуретке за высоким столом и разговаривает с Блейном. Они над чем-то смеются и их соседство опасно кокетливо. Блейн дотрагивается костяшкой пальца до кончика ее носа, и она распахивает свои ресницы. Лучше на него, чем на меня.

Я все надеюсь, что мою гудящую голову накроет веселье окружающего меня празднования, но когда я озираюсь, я вижу лица, у которых это тоже не получается. Шансов было не много. Не с тем, с чем столкнулись Повстанцы.

Я не хочу терять никого из них, но обидней всего — что вероятность высока, — глубокий, непреклонный страх сидит внутри меня — что мне не может так повезти.

ТРЕТЬЯ

НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО АДАМтсутствует, и Сэмми едва может держать глаза открытыми, встреча начинается ровно в 07.00.

За исключением Блейна и Джулс, которые исчезли из бара задолго до полуночи, остальные не расходились, пока не стало ближе к двум. К тому времени, Клиппер уже задремал на потертом диване с Райли, которая положила голову на его плечо. После долгого распахивания, он ворчливо последовал за нами в кровать. Когда я развалился на своей койке, я не мог не заметить, что койка Блейна была пуста.

Сейчас он сидит рядом со мной и выглядит намного более приятно, чем он выглядел последние несколько недель. Его волосы мокрые после душа, который он не принимал в нашей ванной. Я поднимаю бровь, смотря на него, а он только улыбается. Рад за него. Может быть, он станет достаточно беззаботными, чтобы наконец-то встать на мою сторону на этих собраниях.

Вик бесцеремонно пинает ногами вещи, заявив, что нет никаких новостей Райдера. Он обещает рассказать больше подробностей, как только у Элии появится возможность все обследовать и связаться с нами.

Дверь громко открывается и входит немного растрепанный Адам.

— Извините, я опоздал. Ты уже сказал им?

Почему мы постоянно на шаг позади?

— Вы хорошо знаете, что у нас хватает ресурсов в различных областях, — говорит нам Вик, полностью игнорируя приход Адама. — И если ваша группа по-прежнему стремится играть определенную роль, у нас есть операция, с которой вы можете нам помочь.

Вик выжидательно смотрит на меня. Я осознаю, что как-то снова стал главным.

— Я ясно дал понять, что мы готовы.

Он отправляет глянецовую бумажку скользить через стол: панорама Нового Залива с птичьего полета. Я видел карты с тем же видеорядом на борту корабля Исаака. ЭмИст и ЭмВест разделены синей полоской воды, которая простирается на север через две трети земли, которая в свою очередь разделена на два узких залива. Вик указывает остров в центре залива.

— Ты знаешь, что это?

— Комплекс, — автоматически отвечаю я. Исаак с моим отцом и Бо говорили мне о нем. Я могу почувствовать, как группа смотрит на меня удивленными глазами. — Там находятся установки по очистке воды.

— Неправильно, — говорит Вик. — Ни его назначение, ни его название.

— Там проводятся работы по опреснению воды, — говорю я. — Я в этом уверен.

— Это только то, что они хотят, чтобы все думали. У нас есть основания считать это место более важным.

— Что может быть более важным, чем очистка воды? — спрашивает Сэмми.

Адам ухмыляется с того места, где он ссутулившись сидит у дальней стены.

— У Франка достаточно воды. У него *всегда* было ее достаточно.

Сэмми качает головой.

— Но она же нормирована. Требуется карточки, чтобы получить воду. И мой отец... — Он сглатывает, позволяя своему утверждению исчезнуть. Его отец умер — был казнен — за подделку их в Таеме.

— Было время, сразу после континентального землетрясения, когда вода была в дефиците, — говорит Адам. — Но наша численность стала меньше, чем была до войны, и эта страна богата лесами и озерами и ручьями. На самом деле воды много — если вы пойдете искать ее далеко за пределы купола.

— Правда в том, что Франк уверен, что его люди нуждаются в его защите. Он контролирует, что им нужно знать и то, что они читают. Он фабрикует истории и отправляет их в массы, а они принимают их как неоспоримый факт. Помните, что мы обсуждали, когда вы впервые приехали сюда?

Я вспоминаю тот момент. Адам познакомил нас с Виком, который сразу же прописал нам работы в теплице. Только Элия с Клиппером должны были работать напрямую с Экспатами. Я был в ярости, вопя о том, что Экспаты используют нас для собственных нужд, и что мне не следовало бы этому удивляться, учитывая, что они напали на Таем — город, наполненный тысячами ни в чем неповинных граждан — всего несколько месяцев назад.

После моих слов Адам засмеялся.

— Мы живем под таким же сильным куполом, — сказал он. — Если бы мы собирались использовать драгоценные ресурсы, чтобы разнести Таем в клочья, не думаешь ли ты, что мы бы точно знали, куда стрелять?

Нападение, чьим свидетелем я стал, мелькнуло в моей голове: самолеты, летящие строем, ревущие сирены оглушающие город и наводящие панику.

— Это была постановка? — пробормотал я, едва веря своим словам.

— Не совсем, — сказал Адам.

— Мы действуем только тогда, когда у нас имеется шанс на успех, — объяснил Вик. — Это подразумевает немного вещей. Вдоль границы, на берегу залива. У нас есть шпионы в Хейвене. Но в последний раз, когда Запад действительно напал на Восток, то это были наши далекие предки, давным-давно, с разработанным вирусом. И мы сделаем все, что в наших силах, чтобы снова на стать свидетелями потери многих невинных жизней.

— Мы знали, что нападение прошлой осенью не пробьет купол, но мне пришлось отправить Франку это предостережение. Он сыпал угрозами в нашу сторону, оставляя голодными земли вдоль границы, и мне было нужно, чтобы он знал, что я не стану это терпеть. Я не собирался пригибаться или ползти под его властью. Я хочу видеть только воссоединенную страну и не под его руководством. Я должен был понимать, как он все перевернет — видео вещания о том, что Орден едва от нас отбился, что Таем был всего в нескольких шагах от полного уничтожения нами.

Очередная ложь. Другая гениально переделанная сказка Франка, преподнесенная как правда. И теперь... с водой...

У него всегда ее было достаточно. Годы нормирования воды просто помогли ему создать постоянное состояние неопределенности. Это дало гражданским лицам, еще один повод рассчитывать на Орден и не покидать купол. Внешний мир однажды был смертелен — во время Войны, когда свирепствовал вирус с Запада — и Франк потворствовал, чтобы этот страх никогда не исчерпал себя.

— Но если Комплекс не очистное сооружение, тогда что же это? — спросил я.

— Это как раз то, что мы хотим, чтобы вы выяснили. Если вы еще желаете получить задание.

Половина открытых вопросов лежит на поверхности: как далеко мы от того места, как к нему добраться, если он окружен водой и сильно укреплен, вспоминается замечание Исаака о количестве охранников, патрулировавших днем и ночью.

Вик чувствует мою нерешительность и переходит в режим сострадания.

— Я понимаю вашу озабоченность. Действительно, понимаю. Это слишком круто для нас просить вас об этом, но мы не просили бы вообще, если бы не думали, что это может

дать нам преимущества.

— Мы организуем транспорт для вас и назначим специалиста для руководства командой. Но Франк — Орден — что-то там затевают. Нам нужно узнать что, и соответственно планировать нашу обороноспособность. Может быть, мы даже можем использовать то, что прячет он в наших интересах.

Блейн и Сэмми смотрят искоса друг на друга, выглядя скептически.

— Эта идея, что Комплекс содержит в себе больше, чем того хотелось... — говорит Бри. — Откуда она взялась?

— Что ты имеешь в виду? — Адам выглядит оскорбленным, как будто вопросы Бри являются нападками лично на него.

— Я имею в виду, — произносит она растягивая слова, — если мы отправляемся на вид в недоступное место, будучи попрошенными вломиться туда, вам бы лучше рассказать нам, что заставило вас поверить, что его стоит проверить.

— У некоторых наших шпионов в Заливе были подозрения по поводу этого место какое-то время, — говорит Вик. — Они утверждают, что лодки входят и выходят туда, но не достаточно часто для массовой транспортировки грузов с питьевой водой. — Вик отправляет еще одну фотографию через стол, с человеком, которого я никогда не видел. — Это один из наших лучших шпионов — Николас Багеретти. Он продает воду ЭМИсту под псевдонимом *Барсук*. Он говорит, что знает, как туда пробраться.

Для меня этого достаточно. Больше, чем достаточно.

Клиппер и Сэмми не колеблются, когда я говорю им, приготовиться. Даже Бри ничему не возражает. Но Блейн все еще собирает свои вещи.

— Я думаю, что это желание смерти, — говорит он, когда я бросаю одежду в сумку.

— Я думаю, это отличный ход.

Он перестает ходить между койками.

— Ход? С чего бы? Вик просит нас пробраться в сильно охраняемую территорию и все там разнюхать. Я уверен, все мы столкнемся с кучей оружия и боевой готовностью. Я не понимаю, как это может нам помочь.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю рукоятку ножа Па, надавив на выгравированные буквы нашей фамилии — *Везерсби* — в своей ладони.

— Мы взорвем это место. Или украдем припасы. Саботируем. Неважно, что мы сделаем в конечном итоге, потому что это будет все равно некой неудачей для Ордена.

— Мы не готовы. Все это...

— Блейн! — Я поворачиваюсь к нему, оглушая его, его же именем как хлыстом. — Послушай, — говорю я как можно ровнее. — Барсук утверждает, что он знает, как туда пробраться, и Вик собирается использовать это знание с нами или без нас. Если мы не возьмемся за эту работу, он пошлет кого-то другого. Это наш шанс *сделать* что-то. Быть частью большой удара, который он планирует.

— Удар-то он планирует, но не рассказывает никаких подробностей о нем, — бормочет Блейн. — Что мы действительно знаем об этом парне — Барсуке? Он мог бы всех нас убить.

— Я читал о нем в кое-каких подпольных газетах, выпускаемых в Бон Харборе. Он продавал воду гражданам ЭМИста прямо под носом Ордена. Барсук хороший и он знает, что делает. Он введет нас в курс дела. А все, что нам потребуется для дальнейшего

планирования, мы узнаем, прежде чем мы доберемся до Комплекса.

Вертолет Вика должен перенести нас в небольшой поселок Экспатов в Сосновом Крак к западу от Залива. Оттуда, мы свяжемся с Барсуком. Мы должны быть готовы в течение следующего часа, что означает, быстро собраться, а задать вопросы — детальные вопросы — нужно позже.

— Мне все равно это не нравится, — говорит Блейн. — Нам не следует идти. Мы...

— Тебе плевать, что Па умер? — взрываюсь я. — Я пытаюсь сделать так, что бы его жертва была ненапрасной. Пытаюсь вернуть нас домой в Клейсут к Эмме, к Кейл. Ты помнишь о своей дочери, Блейн? Или тебе лучше притвориться, что ее тоже не существует?

Он с кулаками набрасывается на меня, схватив меня за грудки, его импульс посылает мне назад. Мои плечи упираются в стену, следуя за моей головой.

— Не смей, — шипит он. — Я думаю о ней каждую чертову секунду.

— Что-то не похоже.

— Просто если я что-то не говорю вслух, это не значит, что я ничего не чувствую. Но это так похоже на тебя — торопишься с выводами, говорить все, что крутится в твоей голове.

Это подводит нас ближе за много лет всего к кулачному бою. Я почти хочу, чтобы он ударил, но он не хочет. Я знаю, что он не хочет.

— Я привык думать, что ты намного лучше меня, — говорю я, глядя на него. — Я всегда корил себя, что я не такой самоотверженный как ты, ставящий себя на второй план, будучи таким до тошноты *порядочным*, но похоже на то, что я не знаю тебя больше. Потому что это непорядочно: отсиживаться и ничего не делать, за исключение вспахивания почвы и кувырканья с Джулс. Это трусливо.

— Ты высокомерный...

— Блейн, собирайся или оставайся! — Я хватаю его запястья и разжимаю их, высвобождаясь. — Меня не волнует, что ты решишь, пока ты не останавливаешь меня делать то, что правильно.

Он крепко сжимает челюсти. Мы смотрим друг на друга мучительно долго. Затем он подхватывает свою сумку и начинает неаккуратно запихивать туда вещи.

— Ты засранец, ты знаешь об этом? — говорит он. Темные тени мелькают под его глазами, и он слегка щурится, как будто его ослепляет смотреть на меня.

— Я всегда был засранцем.

Он либо не слышит дразнящего тона моего голоса, либо предпочитает игнорировать это.

— Я люблю тебя, Грей. И всегда буду. Поэтому меня так бесит, что ты не можешь понять, что потеря тебя убьет меня.

Он хватается за свою сумку и уходит, а я впервые понимаю, что все его сомнения могут быть по разным причинам, что они не имеют ничего общего с нежеланием отобрать власть у Франка или возвратиться домой к Кейл.

Он все еще пытается защитить меня. Так же, как он всегда и делал, когда мы были детьми — прикрывал меня своим телом, когда в меня стреляли из рогатки, или оттягивал мои любопытные руки прочь от огня. Блейн никогда не перестанет играть роль старшего брата.

Я останавливаюсь на женской половине и обнаруживаю Бри, заправляющую свою кровать, как будто комната является чем-то больше, чем временным домом.

— Ничего не выйдет, — говорю я.

Она выпрямляется и поворачивается ко мне лицом.

— Это будет легко, я уверена. Так всегда случается, когда пробираешься в недоступное никому место. — Ее брови поднимаются от шутки, уголки ее губ расплываются в улыбке.

— Не может же пойти гораздо хуже, чем в Бурге, да?

Она закидывает свой рюкзак на плечи.

— Не говори мне отдавать пистолет, когда мне этого не хочется, и все будет в порядке.

Это напоминание о том, как она была избита Титусом, когда я убедил ее, опустить пистолет, заставляет меня съеживаться.

— О, не надо, не смотри на меня так. Я успокоилась по этому поводу. Даже, несмотря на то, что в результате этого получила хорошенький боевой шрам.

Она говорит о тонком шраме над левым глазом, бледное эхо шва, наложенного на ее рубец. Я тянусь к ней своим пальцем, который стремится провести по нему, а она уворачивается от меня. На некоторое время наступает тишина, воздух становится тяжелым от всего происходящего и накопленного между нами.

— Мы должны идти, — говорит Бри. — Они, наверное, ждут.

Она пытается протиснуться мимо меня, и я хватаю ее за локоть, прежде чем она успеет сбежать в коридор.

— Бри, я не собираюсь прекращать попытки.

— Тогда ты бесчувственный придурок, который не уважает меня, — огрызается она. — Или того, что я хочу.

— Ты действительно не хочешь поговорить о нас? Когда-нибудь?

— Это не то, что я сказала. — Она хмурится, глядя на свои ноги, на дверной проем — на что-нибудь, только не на меня. — Это сложно, — говорит она, наконец.

— Тогда, объясни.

Бри устала в коридор, облизывая губы. Наконец, она переводит взгляд на меня.

— Я по-прежнему доверяю тебе на заданиях, как эта. Я все еще хочу, чтобы мы присматривали друг за другом. Я просто не хочу ничего больше.

Я не верю ей. Ни на секунду. Но мне интересно, а что если это потому, что я делаю именно то, о чем она говорит: не уважаю ее решения, выбираю свои собственные чувства, как более достойную истину. Я отпускаю ее руку, и напряженность уходит из ее тела. Ее плечи расслабляются. Она всматривается в меня, будто пытается прочитать мои мысли.

— Пойдем, — говорит она, но я чувствую, как мне удалось притянуть ее ближе к себе, позволяя ей идти, и это настолько странно, что я стою, улыбаясь, а мои ноги приросли к полу.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ты, — отвечаю я. — Ты ввергаешь меня в хаос.

Она закатывает глаза и *фыркает*. Но она также, перед тем как уйти, легко толкает меня в грудь. Прикосновение. Которое было ее инициативой. Первое с Бурга.

ЧЕТВЕРТАЯ

В ОТЛИЧИЕ ОТ БОН ХАРБОРА, СОСНОВЫЙ ХРЕБЕТ расположен вдоль узкого фиорда вместо бухты. Мы летим туда над длинным участком сухой земли и скалами цвета ржавчины, и когда мы прибываем туда, начинается отлив, который заставляет этот город выглядеть впечатляюще тоскливо. С высоты полета открывает вид на поселение в виде

подковы, расположенное вокруг пустого рва и обрамленное заливчиками воды, объединенными в более глубоких местах мостами, прихватывающими их с разными по ширине интервалами.

Мы приземляемся на территорию, где фиорд снабжает водой маленькую речку, протекающую между узких горных хребтов, заросших соснами — данная форма рельефа вероятно и дала городу его название. Запах соли ударяет в нос, когда мы выбираемся из воздушного судна. Мы вытаскиваем свое снаряжение из вертолета, и Хайди исчезает практически сразу. У нее должно быть имеется собственный приказ на этот счет.

Город обнесен деревянным, падающим забором, и тут же несет свой пост молодой человек, стоя, облокотившись на него, со скрещенными ногами. Когда он замечает нас, он отталкивается от забора и бросает свою самокрутку в грязь.

— Адам? — Он неуверенно поднимает руку, а затем прижимает кулак к сердцу, с тремя пальцами, растопыренными так, что они почти напоминают букву Э, учитывая, что он держит руку под углом. — Ты здесь из-за Ника?

— Это так очевидно? — спрашивает Адам, имитируя приветствие Экспатов.

Улыбка мелькает на лице парня.

— Вертолет, как бы подталкивает к этой мысли. Так что, какие теперь планы?

— Мы ни за что не скажем. В эти дни в прибрежных городах надо быть предельно осторожными. Я уверен, ты понимаешь...

— Гейдж, — заканчивает он фразу. — Мужики, извините, треплюсь, а не представился. Я уже около года занимаюсь с Ником поставкой воды. — Он достает новую самокрутку и прикуривает. — Мы были конкурентами, но Ник выкупил мою долю, что на самом деле было благословением. Это был только вопрос времени, когда он подомнет меня под себя. Багеретти агрессивный. И вот почему он тут главный, а не я.

— И есть ли у главного адрес для нас? — спрашивает Адам.

— Ах, да! — Гейдж шлепает по карманам рубашки, пиджака, и потом, наконец, по штанам. Он достает клочок бумаги и, не вынимая самокрутку изо рта, начинает читать с озадаченным выражением на лице. — *Наш третий выбор.* — Он выпускает дым из уголка рта. — Я клянусь, это прямо от Ника. Он сказал, ты поймешь.

— И я понимаю. — Адам закидывает свои вещи на плечо. — Спасибо, Гейдж. Мы в порядке.

Кратко, прямо, немногословно — в этом весь Адам.

Однако Гейдж и не выглядит обеспокоенным. Он затягивается и прячет бумажку обратно в карман, пожав плечами. Может быть, Барсук всегда обременяет его такого рода доставкой сообщений.

— Вы уже забрали свои вещички? — спрашивает Гейдж. — Я надеялся увидеть, как вы будете дозаправляться.

— Она в твоём распоряжении, — сказал Адам.

Когда Гейдж проходит мимо группы, он впервые рассматривает нас. Самокрутка чуть не выпадает из его рта, когда он видит меня и Блейна. Он переводит взгляд с одного на другого и с растерянностью спрашивает:

— Грей?

Блейн кивает в мою сторону.

— Тот, что Везерсби? — продолжает он.

— Да, — говорю я.

— Черт! — говорит он, хлопая меня по плечу. — Черт! — добавляет он еще один хлопок. Когда он так близко, видно, что он моложе, чем я сначала предположил. Возможно возраста Сэмми. — Ну и наподдал же ты Ордену в свое время. Отличная работа мой друг. Молодец.

— Откуда ты...

— Люди на воде шепчутся. Плюс твое лицо смотрит со всех плакатов о розыске с перечнем преступлений, таким же широким, как мои плечи. — Он выпрямляется, демонстрируя их со сверкающим одобрением в глазах. Я думаю, мне нравится этот парень, весь этот дикий восторг. С оптимизмом было туго в последнее время.

— Ну, мы все создаем проблемы Ордену, — замечаю я. — Дело не только во мне.

— Не так уж и напрягает, что они делают твое лицо — и только твое лицо — ответственным за все, — говорит Бри. — Это помогает остальным остаться неузнанными.

Взгляд Гейджа скользит за мое плечо.

— Приивееет, — говорит он Бри, умудряясь протянуть гласные так долго, чтобы него осталось время оценить ее взглядом с ног до головы.

— Тебе нужны очки, — говорит Бри, — или мне подойти поближе?

Сэмми хихикает, поскольку Гейдж запинается, не зная, что сказать, но Бри уже следует за Адамом.

— Да перестань, — кричит ей Гейдж. — Я не имел в виду ничего такого. Давай выпьем позже или как-нибудь. Дай мне еще один шанс. Я обещаю, я буду хорошо себя вести. — Она уже вне зоны слышимости, и Гейдж признает поражение. Он делает недовольный вздох и поворачивается ко мне с Блейном и Сэмми. — Если вы почувствуете охоту выпить сегодня вечером, я буду в "Рулевой рубке" — рядом с фиордом. Приходите, если сможете выйти.

Он делает долгую затяжку и направляется к вертолету. Мы кидаемся за Адамом и остальными.

По мере того как расширяется фиорд, здания стоят все теснее друг к другу и начинают разрастаться вверх, как будто город был специально расширен по вертикали, чтобы сохранить, насколько это возможно, его месторасположение недалеко от Залива. Редко меньше трех видов материалов было использовано в строительстве зданий, создающих впечатление, что они нагромождены друг на друга, а хлипкие водостоки с черепичными кровлями, напротив, едва ли крепко прилажены к друг другу.

Над головой визжит чайка. Последний раз, когда я слышал такой крик, я стоял на пляже с Бри и смотрел на черную полосу воды, туда, где предыдущей ночью затонула "Кэтрин", забрав моего отца с собой. Бывают дни, когда я все еще не верю, что он действительно умер. Он вошел в мою жизнь под конец лета, и покинул до начала зимней оттепели. Наше время, проведенное вместе, едва составляет два сезона. Я не уверен, что было бы еще хуже: не знать его, или знать всего лишь несколько месяцев, как и было у меня.

— ... даже не с другими Экспатами, — говорит Адам, когда мы нагоняем. — Где мы остановились, детали плана — это остается между нашей командой и людьми Барсука. Это близко к границе, всегда лучше перебдеть, чем недобдеть. Ах, вот и оно.

Он указывает на здание, такое же узкое, как и остальные. Это книжный магазин, судя по надписи на окне. Мы колеблемся перед входом, чтобы не привлекать внимания, что кажется излишним. Единственные, кто есть на улице — это группа детей, играющая в мяч.

Внутри магазина два кресла стоят по бокам от двери, и свет от окна, находящегося выше, попадает на их подушки. Стены с левой и с правой стороны заставлены книгами: в

кожаном переплете, в тканевых, мягких и жестких обложках. Я никогда не видел так много книг. Полки уходят дальше вдоль дальней стены, где долговязый мужчина лет тридцати стоит за прилавком. Он так увлекся чтением, что не обращает на нас внимания. Даже на колокольчик над дверью, звенящий каждый раз, когда открывается дверь.

— Чарли, — говорит Адам, перегибаясь через стойку и выхватывая книгу из рук парня, — Ник здесь?

Чарли выхватывает книгу.

— Ты какой-то нервный Адам, встаешь между человеком и его чтивом.

— Мы следуем расписанию. Так Ник здесь или нет?

Чарли возвращается к чтению.

— Я не знаю, о ком ты говоришь.

— Не заставляй меня делать это. Мне не нужно ничего тебе доказывать.

— Тебе безусловно придется сделать это, прервав меня на экшен-сцене.

Адам хватается рукой книгу и кидает ее на прилавок, заставляя Чарли взглянуть на него.

— Я ищу Николаса Багеретти, кто зовется на рынке Барсуком, и Ником среди друзей. Настоящими патриотами являются Экспаты. — Адам делает то же движение — приветствие кулаком с растопыренными пальцами в форме "Э", так же, как он приветствовал Гейджа.

— Это было не так сложно, верно? — говорит Чарли.

— Это было раздражающе.

— Так что думай дважды, прежде чем прерывать читателя. — Чарли хватается за что-то на стене с книжной полкой за его спиной, и целый раздел книг сдвигается вовнутрь, раскрывая потайной вход. — Барсук там.

— Некоторые слухи о Барсуке и о его работе созданы для Ордена, — объясняет нам Адам. — Если шпионы придут и будут спрашивать о нем, то он надежно спрятан. Чарли никому не позволит попасть за витрину магазина, если они не будут знать имена Ника, не будут знать слоган Экспатов и их приветствие.

Адам поднимает откидной прилавок, а мы все проходим в потайную комнату. Она заставлена канистрами с водой: на полках, на полу, в ящиках, сложенных друг поверх друга. Книжный шкаф закрывается за нами с тяжелым звуком, и в дальнем конце комнаты вскакивает мужчина. Он маленький и тощий, сидящий в кожаном кресле, которое практически поглощает его. Карты и счетные книги разбросаны на его столе.

— Ник, — говорит Адам в приветствии.

Они энергично пожимают руки и тихо перебрасываются словами о числе клиентов, за которыми они не смогут угнаться. Остальные стоят, немного смущенные, до тех пор, пока Адам наконец-то не знакомит нас.

У Ника нетерпеливый взгляд и пугливые, мечущиеся как бусинки глаза, которые, кажется, начинают бегать при самом малейшем шуме. Бри чихает, и я клянусь, что он почти падает. Я помню, что что-то об этом говорил Исаак, когда называл его "увертливым", и теперь я вижу, что он как зверь пытается пронюхать опасность. Его псевдоним, конечно, ему подходит.

— Так это и есть команда? — спрашивает он, принимая нас. — Девушка прекрасна — подходящего возраста, маленькая, подвижная, может, наверное, забраться в и из труднодоступных мест — но я ничего не знаю об остальных.

— Я гибкий, — говорит Сэмми, выглядя очень оскорбленным от того, что не было сказано, что он проворный.

— А так важно быть маленьким? — спрашиваю я. — Нас не предупреждали об этом. Вероятно, надо было собрать другую команду, если бы мы знали.

— Это не необходимо, — сказал Барсук. — Просто предпочтительно.

— Ну в таком случае, мы все идем и точка.

Рука Барсука тянется к пистолету на бедре. Он не привлекает к этому внимание, но я вижу оборонительный характер его позиции. Странно, чтобы кто-то так нервничал, и мог быть шпионом. Или, может быть, это издержки профессии — всегда на грани, никогда полностью никому не доверяя.

— Он в порядке, Ник, — утверждает Адам, положив руку на плечо Барсука. — Они хорошие, каждый из них. Я обещаю тебе.

— Еще бы хорошо знать план, — говорю я. — Когда мы узнаем детали?

— Мне сегодня вечером надо отправиться за одним из членов моей команды, — говорит Барсук. Он проверяет патроны в пистолете. Вытягивает второй из-за пояса штанов и проверяет его тоже. Удовлетворенный достаточным количеством патронов, Барсук открывает потайную дверь, что является книжным шкафом. — Я расскажу вам все завтра, и мы окажемся на воде последующим утром.

Затем он выходит из магазина, и вслед ему звенит колокольчик.

— Ну, я конечно, чувствую себя прекрасно, отдавая наши жизни в его руки, — невозмутимо произносит Бри.

— Не шути так, — говорит Сэмми.

— Он один из умнейших людей, которых я знаю, — говорит Адам. — У него есть свои причины улизнуть. Барсук никогда ничего не делает без плана.

— Так это, вы хотите увидеть, где вы останетесь на ночь? — Чарли засунул голову в кабинет Барсука. Теперь, когда он не сосредоточен на книге, на его лице намного больше жизни. Он, кажется, рад, что мы здесь, и его не тяготит наше присутствие.

Мы следуем за ним из тайной комнаты и возвращаемся в магазин. Он направляется к винтовой лестнице, которую я раньше не заметил, и мы поднимаемся в просторные апартаменты на втором этаже здания. Небольшая спальня и ванная комната находятся справа, а в остальном, планировка открытая, кухня совмещена с гостиной зоной. В дровяной печи горит огонь. Это кажется очень опасно, учитывая количество хрупких страниц под нашими ногами.

— Я сплю на чердаке, — говорит Чарли, указывая на другую винтовую лестницу, которая ведет на третий этаж. — Вы можете побороться за комнату моей сестры, пока она не вернулась. — Сэмми с Клиппером сразу же удрали в спальню. — Все остальные вынуждены будут расположиться на диванах или на полу. Должно быть уютно с учетом дополнительных гостей, которые придут.

— Гости? — переспрашивает Сэмми, задержавшись достаточно, чтобы дать Клипперу преимущество. Мальчик врывается в спальню с торжествующим гиканьем.

— Мне нужно кое с чем разобраться пока я в городе, — поясняет Адам, — и это произойдет здесь. Сегодня ночью.

Спустившись вниз, мы слышим звон колокольчика при входе в книжный магазин. Мгновение спустя раздаются шаги на лестнице. Врывается что-то рыже-медное и маленький мальчик входит следом.

— Расти! — кричит он. — Успокойся, мальчик!

За ними появляется Сентябрь, ухмыляясь при виде нас. У нее грубые черты лица.

поэтому ее лицо скорее выглядит злым.

Я не видел ни одного из них с начала нашего похода в Бург и я так потрясен увидеть их — здесь, в Сосновом Хребте — что я едва могу вымолвить слово.

— Мне казалось, ты должна была найти ему дом? — Я указываю на Эйдена, который по-прежнему гоняется за Расти по апартаментам, вытянув руки вперед, пока собачий нос исследует каждую половицу.

— Да, такой был план. Но я привязалась к малышу и позволила ему остаться со мной, пока я не найду ему безопасную квартиру. И он пригодился. Орден в эти дни проверяет каждый сосуд у выезжающих или прибывающих в Бон Харбор. То, что я путешествую с ребенком и собакой делает мое вранье, что мы навещаем родственников, более правдоподобным.

Эйден и Сентябрь вообще не выглядят родственниками — его кожа почти такая же темная, как и мои волосы, в то время как у Сентября светлая — но есть бесспорная невинность в явлении мальчика с собакой. Этого должно быть достаточно, чтобы отвести глаза в сторону.

— А где Джексон? — спрашивает Эйден. Он наконец-то перестал преследовать Расти и остановился, чтобы осмотреть группу. — И Эмма?

Мертва. Обе Копии мертвы.

Джексон боролся за свою волю, чтобы помочь нам сбежать из Бурга только для того, чтобы стать убитым от рук моего собственного Клона. Эмма предала нас, хотя Эйден никогда не знал ее истинную природу. Он обожал ее, так же как и Джексона. То, что должно было стать счастливым воссоединением, совершенно этим не стало.

— Они придут попозже? — спрашивает Эйден. — Я хочу сыграть с Джексонем в «Камень, Ножницы, Бумага».

— Я сыграю, — предлагаю я.

— Хорошо. А потом Джексон, когда он будет здесь.

Я закусываю губу. И это все, что требуется Эйдену, чтобы понять правду.

— Они не придут, не так ли?

Я качаю головой.

— Вообще никогда? — Слеза скользит по его темной щеке.

— Нет. Мне жаль, Эйден.

Он падает на пол и начинает реветь.

— Это так несправедливо, — всхлипывает он. — Я ненавижу это и это не правильно и не честно.

— Такова жизнь, малыш, — говорит Бри, что только усиливает его истерику. Она опускается на колени и касается его локтя. — Эйден? — Он отворачивается от нее. — Эйден, посмотри на меня. — Наконец, он смотрит на нее сквозь мокрые ресницы. — Жизнь редко бывает справедливой, — говорит Бри. — Это тяжело. Действительно, очень трудно. Иногда чудовищно жестоко. Но плохое не бесполезно, потому что это делает нас сильнее, и ты становишься сильным, Эйден. Понимаешь?

Он несколько раз моргает, потом обнимает Бри вокруг шеи. Выражение ее лица бесценно — первый шок от объятия, затем приятная неожиданность, — и она обнимает его в ответ.

Это было то, что он хотел услышать. Не то, что все хорошо. Даже не то, что все *будет* хорошо, ведь кто может обещать это? Бри сказала трудную, чистую правду, и это как бы дало

ему твердую почву под ногами.

Чарли говорит что-то об ужине, и напряженность рассеивается, когда мы перемещаемся на кухню.

ПЯТАЯ

ПОСЛЕ ЕДЫ, БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ НАШЕЙ группы вышла из-за стола. Клиппер заковылял прочь и упал без сил на кровать, и Блейн с Сэмми исчезли внизу, после того, как стянули бутылку из шкафчика Чарли. Тот же задремал на одном из диванов в блаженном неведении об этой краже. Я играл в "Камень, Ножницы, Бумага" с Эйденем, расположившись на втором диване, но большая часть моей энергии уходила на вслушивание в разговор Адама.

Он сидел за кухонным столом с Сентябрем, обсуждая положение Бон Харбора и число сторонников, которых она нашла. Где-то еще в Сосновом Хребте такой же разговор происходит между Хейди и Близом. Мне хотелось бы, чтобы это происходило здесь. Я скучаю по этому парню. Хочу спросить его, остались ли его взгляды на жизнь все такими же... *мрачными*.

Из того, что я услышал, Сентябрь усердно работала в Бон Харборе. Она собрала команду для подделки бланков экспертизы для того, чтобы суда, перевозящие запасы пресной воды могли спокойно проникать в Бон Харбор и выходить из него без особых проблем. Она также завязала дружбу с женщиной, которая заправляет "Предвестником Бон Харбора", подпольной газетой, направленной на разоблачение Франконианской лжи и дающей полезные советы и инсайдерскую информацию для борющихся граждан ЭмИста. Газета сейчас служит дополнительной инструментом для Повстанческой вербовки — если прочитать ее от начала до конца, отобрав слова в углу на каждой странице, то можно расшифровать места и время встреч, которые проводит Сентябрь. Но наиболее примечательно то, что Сентябрь использует газету в целях борьбы с ложью, распространяемой с Франконианских плакатов. "Предвестник" печатает истории о том, как я украл вакцину для того чтобы обеспечить безопасность Повстанцам осенью прошлого года. Как я освободил Бург из рук Франка, ускользнув в процессе этого от целого отряда солдат. Как я бежал в ЭмВест — к людям, которые не являются врагами — и моя история в настоящее время спланирует Экспатов для помощи борьбы Востока за справедливость.

Некоторые кричащие слоганы были наподобие этого: "*Веди нас, Грей*" и "*Ищешь Экспата — бежишь от свободы*". В этом всем я вижу то, на что указала Бри: концентрация на моем лице и имени заставляет всех чувствовать себя более безопасно — но я не чудотворец, не супермен, не такой, каким описывают меня истории. Я бы уже давно нашел свою кончину во многих произошедших со мной ситуациях, если бы не помощь многих других людей, и каждый заслуживает знать об этом.

Как только дискуссия перешла к технологиям, прозвучало то, как будто Сентябрь проводила много времени в подпольной лаборатории похожей на ту, которая была у Сильвии под ее убежищем Экспатов. Сентябрь использовала это место для общения не только с Райдером, но и с другими сторонниками в купольных городах, таких как Хейвен, о котором я слышал, и Лод, о котором я до этого не слышал.

— Мы потеряли связь с Долиной Расселин примерно в то же время, что и вы, — сказала она Адаму. — Мы за несколько недель до этого начали отправлять Райдеру «Предвестник» в

цифровом виде, и он работал над тем, чтобы распространить его на территории Таема. Я предполагаю, что одного из его команды поймали, потому что за день до прекращения связи, Орден провел обыск и усилил работу по поиску прессы в Бон Харборе. Они хорошо нас прошерстили, но не нашли люк. Может быть, когда Франк не смог найти источник распространения газеты, он просто принял ответные меры на Долине Расселин? Егс бомбежки, по крайней мере, прервали бы поставку газеты в город.

— Все возможно, — сказал Адам. — В этом больше смысла, чем во внезапном ударе. Особенно, когда он уже подозревал это место в течение нескольких месяцев.

Эйден накрывает ладонью мой кулак.

— Бумага бьет камень. *Снова*. Ты хоть пытаешься, Грей?

Я киваю с энтузиазмом.

— Мы все еще надеемся на лучшее, — продолжает Адам. — И Элия вскоре должен узнать больше о нанесенном уроне. На самом деле, он, возможно, уже доложил, но у меня, к сожалению, нет связи Виком. Теперь о карточках-ключах... Вам удалось с ними разобраться?

Эйден ударяет мои два раскрытых пальца кулаком.

— Грей, ты плохо играешь.

— Может ты супер одаренный, читающий чужие мысли, жулик, — подтруниваю я.

Я пытаюсь разобрать, что там говорят о карточках-ключах, но Эйден не собирается прекращать болтать.

— Мне то же самое всегда говорил Джексон: что я читаю его мысли. — Мальчик напрягается при упоминании о Копии. — Я рад, что ты здесь. И все остальные. Даже Бри. У нее был пистолет, когда я встретил ее в Стоунуолле, но она не такая плохая, как я думал.

— Нет, она совсем не плохая, — соглашаюсь я. — Она довольно классная.

Эйден прищуривается, смотря на меня:

— Она симпатичная? Или она классная?

— И то, и то.

— Она тебе *нравится*, — говорит он, сузив глаза, будто обвиняя меня в гнусном преступлении.

— Ну, я пытался сохранить это в секрете.

— Гадость. Девчонки — это отвратительно.

Я обертываю его кулак своей ладонью — я, наконец, выигрываю раунд и даю ему игривый тычок.

— Просто подожди, дитя. Ты можешь передумать.

— Никогда. И если я это сделаю, то это будет по крайней мере, — он смотрит на меня и считает нашу разницу в возрасте на руках — через десять лет.

Я поднимаю бровь.

— Попробуй через года четыре, пять. *Край*. — Он морщит нос. — Не веришь мне? Спроси Клиппера о Райли.

Как по команде Клиппер выходит из спальни, зевая и бормоча о том, что хочет пить. Эйден вскакивает с дивана и отправляется следом за ним на кухню.

— Клиппер, сколько тебе лет? И кто такая Райли?

Я направляюсь вниз, улыбаясь. В книжном магазине темно, но я слышу, как Блейн разглагольствует о чем-то с Сэмми, когда я спускаюсь по лестнице.

— Я просто не понимаю, что произошло, — говорит Блейн. — Я знаю, что он прошел

через многое, но он ведет себя как будто я чужой. Такое впечатление, что он даже смотреть на меня не может.

— Ну, он застрелил твоего Клона, — отвечает Сэмми. — Что, наверное, ему тяжело далось.

— Он что?

— Я думал, ты знаешь.

— Нет! — Блейн практически кричит. — Он не сказал мне ни слова. Он даже не...

Теперь они увидели меня, потому что я не стал тормозить или вести себя тихо. В одной руке Блейн держал бутылку, и очевидно было, что ему уже было достаточно. Его глаза едва держались открытыми, а рот наоборот не закрывался.

— Почему ты не сказал мне? — потребовал он.

— Потому что я знал, что ты никогда не успокоишься. Что ты каждый день будешь спрашивать меня в порядке ли я. И я в порядке. Со мной все хорошо! Мне достаточно того груза, который у меня есть, не добавляй еще больше вины и горя в мою жизнь.

— Поэтому лучше сделать вид как будто ничего не произошло? Держать меня в неведении? Неудивительно, что я не могу тебе помочь.

Я ненавижу, когда голос Блейна звучит так разочарованно. Он представляет все так, что я как всегда принес ему неудобства. Для него я — ребенок. Маленький, беззащитный, о котором он должен заботиться.

— Блейн, если ты был бы действительно обеспокоен, ты бы *потребовал* ответов. Но это было бы слишком сложно, противостоять мне, столкнуться лбами. В итоге ты затаскиваешь Сэмми в эту проблему и танцуешь вокруг нее с безопасного расстояния. Где ты никого не обидишь или не расстроишь. Знаешь что, Блейн? Я расстроен. Это аукнулось и я так расстроен, что я бы ударил тебя, если бы я не считал, что ты слишком пьян, чтобы ударить в ответ.

Я отпихиваю его и мчусь на улицу. Если бы я был хорошим человеком, я сделал бы несколько глубоких вздохов, встряхнулся и признал, что Блейн пьян и я поговорю с ним об этом утром. Но даже это не изменит суть проблемы. Теперь у меня есть то, чего я никогда не хотел: жалость Блейна. Блейн беспокоится обо мне больше, чем он уже это делал. Блейн ведет себя как чертов родитель, которого я уже имел и потерял, а что мне действительно нужно, так это мой брат. Кто-то, кто поговорит со мной, вместо того, чтобы избегать разговора о вещах, которые преследуют меня в кошмарах со всем остальным.

Я слышу, как распаивается дверь.

— Грей, ты ведешь себя как ребенок. — Я иду быстрее, не зная куда, но счастливый от того, что это удаляет меня от Блейна. — Грей! Не смей...

Я разворачиваюсь.

— Что? Ты хочешь высказать, что ты думаешь по этому поводу? Одному из нас придется это сделать.

— Я хотел сказать, не смей уходить, — кричит он в ответ. — Ты убегаешь от своих проблем, потому что ты слишком напуган, чтобы столкнуться с ними по-мужски.

Так оно и есть. В мгновение ока моя левая рука хватает его за куртку, моя правая рука сжимается в кулак. Сэмми влезает между нами, отпихивая меня.

— Иди остынь!

— Не влезай, Сэмми!

Он вновь отпихивает меня так, что я спотыкаюсь.

— Прекрати, Грей! — Другой рукой Сэмми тянет Блейна в сторону книжного магазина. — Входи, — приказывает он. — Грей вернется, когда он будет готов.

И потом они оба уходят, дверь хлопает у меня перед лицом.

Я взвинченный спускаюсь вниз по темной улице, мои ноги двигаются достаточно быстро, что я, в конце концов, перехожу на бег. Прохладный ночной воздух проникает в мои легкие, поддерживающие слова Блейна просто жалят меня, а не заставляют воспламениться. Сэмми знал лучше, что мне нужно, чем мой собственный брат. Как такое возможно?

Я пробегаю несколько кварталов, и медленно бреду по улице, идущей параллельно фиорду. Пронзительный крик шумной толпы слышен впереди, где все окружено светом, исходящим от какого-то здания. Это, согласно табличке, висящей над входом, паб «Рулевая рубка». Два человека стоят за дверью. Пока я не подошел ближе, я не узнавал их. Гейдж и Бри.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю ее я.

— Сэмми сказал мне, что Гейдж предложил нам всем выпить, а мне нужно было выйти, — говорит она. — Там слишком душно.

— Ты пойдешь с нами? — спрашивает Гейдж. — Это будет настоящий позор, если ты не присоединишься к нам, ты понимаешь? — Он кивает в сторону Бри и подмигивает мне.

Мне кажется, что этот парень мне больше не нравится.

— Нам лучше уйти, — говорю я Бри.

— Неее, свежий воздух так хорош.

— Бри, это не предложение.

— Я думаю, что она может говорить за себя, Туз, — говорит Гейдж. — И, кроме того, еще не вечер. Хочешь выпить? Пойду, выпью пару кружек. — Он отталкивается от стены и направляется внутрь.

Я двигаюсь, но Бри встает на моем пути.

— В чем твоя проблема?

— Ты честно не видишь, чего он хочет?

— Я вижу очень хорошо, — говорит она. — Но он был абсолютно вежливым с тех пор как оказалась здесь, так как насчет того, чтобы выпить с нами, а не следить за мной, словно мне пять лет?

Она убирает руку с моей груди. Я мог бы пойти за Гейджем сейчас, но это смахивает на тест.

И я не собираюсь его провалить.

ШЕСТАЯ

Я ПРИСЛОНЯЮСЬ К СТЕНЕ пытаюсь притвориться, что меня не заботит, что Бри будет здесь всю ночь болтать с Гейджем. Наклоняя голову назад, я рассматриваю звезды. Их бесчисленное количество. Маленькие точки света. Небольшие, но потрясающие.

— Они феноменальны, да? — говорит Бри, хотя я ничего не произношу о них вслух. Она откидывает свою голову назад, оголяя свою шею. Ночное небо отражается в ее зрачках, которые в данный момент имеют грандиозный вид — такие широкие и стремящиеся, насколько они могли быть при таком слабом освещении.

В день, когда мы приехали в Пайк, я рассказал Адаму о верном признаке, который мы обнаружили, чтобы идентифицировать Копию — что их зрачки не правильно расширяются

— и предложил проверить каждого после предательства Копии Эммы, совершенного прямо под нашим носом. Бри тогда психанула, заявив, что я переступаю тонкую грань на опасном уровне с нашей верой друг в друга. Клиппер также встал на ее сторону, но в конце концов, из-за того, что Адам сказал, что все это будет добровольно, и что это будет как раз выглядеть подозрительно, если они *не* примут в этом участие, они уступили.

Вик всех на базе Экспатов разбил на пары, и мы с Бри оказались вместе. Она смотрела на меня непонимающе, когда я проводил лучом фонарика по ее глазам, смотря, как ее зрачки расширяются и сжимаются. У Копий они тоже изменяются, согласно тому, что мы узнали, только очень незаметно. На неестественно минимальные значения.

— Мы должны придумать вопросы, чтобы обезопасить себя, — сказала Бри. — Они были бы более эффективными.

— Для чего?

— А Копия прям позволит тебе подойти достаточно близко, чтобы посветить светом в ее глаза? *О, привет, я не уверен, человек ли ты, не мог бы ты доказать это побыстрому?* — усмехалась она. — Это просто смешно. Мы должны задавать вопросы, ответы на которые Копия никогда не узнает.

Я опускаю фонарик. Оуэн спрашивал Клонированную версию Блейна личные вопросы, когда он впервые нашел нас в Стоунуолле, и мы оба видели, что из этого вышло.

Почувствовав мои сомнения, Бри вздохнула.

— Смотри, когда ты встретишь меня, или когда у тебя будут какие-либо сомнения даже на секунду в том, что это на самом деле я — просто спроси меня, какая моя любимая птица. Для выросшей в Солтвотере, это будут цапли. Они были самыми грациозными птицами, которых я когда-либо видела, и я была ими одержима. Думала даже, что они были волшебными. Копия ответит неправильно на основе тех воспоминаний.

— И какой правильный ответ? На данный момент?

Она забирает у меня фонарик.

— Гагары.

Я до сих пор глубоко озадачен таким выбором. Почему ее любимая птица ассоциируется с одним из самых отвратительных моментов между нами? Та ночь на пляже, когда я сказал ей, что между нами ничего не получится.

— Что насчет тебя? — говорит она, проверяя мои глаза.

— Спроси, что было самой большой ошибкой в моей жизни, и я отвечу, что это было сомнение в нас. Что я сказал тебе, что у нас ничего не выйдет.

Она опускает фонарик, насупившись.

— Почему ты добиваешься, чтобы это было трудно? Разве нет другого вопроса? *Что-нибудь еще?*

— Возможно потому, что на данный момент это самая глубокая истина обо мне. Это единственное, что я знаю наверняка.

Она щелкает фонариком и замирает с такой агрессией, что ее кресло откатывается.

— Поздравляю, Грей. Ты не Копия. — И она быстро и торопливо отходит, как будто ей требуется находиться от меня подальше.

Сейчас же Бри поворачивается лицом ко мне и звездный свет исчезает из ее вполне человеческих зрачков.

— Может, хватит пялиться? Это жутко.

Я улыбаюсь и отвожу взгляд.

— Извини.

— Нет, не похоже.

Я улыбаюсь еще шире и ее локоть пихает меня в бок. Больше контакта. Опять же по ее инициативе.

Возвращает Гейдж с парой кружек в руках и протягивает одну Бри.

— У меня было денег лишь на две, — говорит он мне.

Как удобно.

Я захожу внутрь, чтобы взять себе, когда осознаю, что у меня нет возможности заплатить за нее. Когда я возвращаюсь, Гейдж рассказывает о своей работе с Барсуком. Он несет вздор по поводу графиков поставок и различных клиентов, некоторые из которых постоянно разоряются Орденом, но существует большая очередь, чтобы поработать с Барсуком, так что это никогда не помешает их бизнесу. Каждая подробность сказана сугубо для Бри, Гейдж повернулся ко мне боком, так что я выпал из разговора. Когда он устал от своих собственных историй, он начинает спрашивать о наших планах — когда мы двинемся, что мы ищем и почему? — а Бри отвечает довольно расплывчато. Типа: *"скоро, информация, потому что"*.

— Ну, Ник настоящий гений, — говорит Гейдж. — Не пропустит удар. Вы в хороших руках, независимо от того, что у вас за работа.

Он подмигивает Бри и мое терпение лопается.

— Я собираюсь вернуться назад, — объявляю я. — Ты идешь?

— Не, — говорит Гейдж Бри, и указывает на ее почти пустую кружку. — Давай еще выпьем по одной.

Теперь у него магическим образом достаточно денег еще на выпивку?

Бри одним движением пожимает плечами и кивает.

— Хорошо, — соглашается она. — Давай еще по одной. — Потом она кивает в сторону книжного магазина и говорит: — Я в порядке, Грей. На самом деле.

Легкий толчок локтем, чтобы я ушел.

Я понимаю, что здесь никто не выиграет, поэтому я говорю спокойной ночи, стараясь не замечать ревнивого взгляда в свою сторону. Я делаю только несколько шагов, прежде чем Гейдж касается моего плеча.

— Очевидно, что ты заботишься о ней, — говорит он низким голосом, — я просто хотел сказать, не волнуйся. Я провожу ее домой.

Я натягиваю на лицо улыбку.

— Я не сомневаюсь, что так и будет.

— Ты, Грей Везерсби, ужасный лгун. — Он затягивается и выдыхает дым из уголка рта. Я понимаю, что моя правая рука сжалась в кулак и потихоньку движется в его сторону, прежде чем он сможет заметить, что со мной творится.

Вернувшись в книжный магазин, я сижу на крыльце. Я не готов зайти внутрь и столкнуться с Блейном, и я не могу перестать думать о Гейдже, о том как он подмигнул Бри и слегка толкнул ее плечом. Я знаю его намерения, которые можно понять, увидев его хитрую улыбку. И хотя Бри крепкая, она также маленькая, и не сможет противостоять парню в два раза крупнее ее, если он станет вести себя агрессивно. Я должен туда вернуться в случае... Нет, как она сказала, что ей не нужен кто-либо, чтобы нянчился с ней. Она умная. И все понимающая. И полностью способна сама о себе позаботиться. Черт, может, она даже *хочет*, чтобы Гейдж сделал свой ход. Может быть, поэтому она осталась еще выпить. Мысль

о том, как он целует ее — как она целует его — заставляет мою кровь закипать.

Я слышу шаги. Фигура появляется из-за угла. Бри.

— Вот задница! — говорит она, и я вскакиваю на ноги. — Он начал лапать меня, как только ты ушел. Когда я сказала ему остановиться, он просто стал лучше стараться, так что я и пнула его в пах и слиняла.

В этот момент моя кровь доходит до точки кипения.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся туда и доставил ему сообщение? — Моя рука снова сжимается в кулак. — Бри, я сделаю это. С радостью.

— Я могла бы сделать это сама, если я думала, что это было необходимо. Так что спасибо, но нет. — Бри вздыхает, выражение ее лица вдруг становится уставшим... Это то, что заставляет меня расслабиться. Она раздражает и бесит, но не ранит.

— Почему парни такие? — говорит она немного погодя. — Я не дала ему ни одного намека, что я хочу лизаться в этом грязном пабе.

— Девушка, такая как ты — уверенная в себе и прекрасная? И ты можешь винить его за попытки? — Она бросает на меня взгляд. — По крайней мере, в первый раз, — уточню я. — Второе приставание было бы неуместным.

— Именно поэтому я его пнула.

— Естественно. Он это заслужил. Возможно даже что-то похуже.

Она усмехается этому.

— Он *определенно* заслужил. Я думаю, что он что-то положил в мой второй напиток. На вкус он был не тот. Ты уверен, что быстрее понял что у него на уме, чем я, да?

Я хлопаю рукой по своей груди.

— Ты признаешь, что я был прав на этот раз?

— К сожалению, да. Но если ты будешь без конца напоминать мне об этом, я не признаю это снова.

— Ты знаешь, я могу привыкнуть к этому чувству. Быть правым. Я думаю, что нужно только... — я начинаю загибать пальцы — более миллиона утверждений в мою пользу между нами, чтобы сравняться с тобой.

— Миллион? Когда же я так часто была права?

— Я думаю, это началось, когда ты сказала мне, чтобы я боролся за нас.

На улице, кажется, становится невероятно тихо, когда она поворачивается ко мне. Она смотрит на меня с любопытством, ее брови подняты.

— Ты также сказала, что мы испытываем друг друга в хорошем смысле этого слова. Снова верно. И что я не отдавал тебе все... что я отвлекался... что огонь это хорошо... Верно, верно и верно. Мне следует продолжать дальше?

— Да, мне нравится этот список. — Она придвигается ближе, всего лишь на один шаг, но наша близость меняется с дружеской на что-то большее. В ее глазах горят озорные искорки, игривая улыбка таится на губах. Она уже два месяца не смотрела на меня так и вдруг я не могу ясно мыслить. Я открываю рот, но слова не идут.

Шрам над ее левым глазом сияет в лунном свете. Сияет и это моя вина. Я тянусь к нему, и на этот раз Бри не шарахается от меня и не уходит. Она позволяет мне прикоснуться к ней. Я прослеживаю шрам пальцем, и когда я заканчиваю, она прислоняется ко мне слегка, прижимаясь щекой к моей ладони.

Небольшой вздох вырывается из нее.

Тоскливый вздох.

Этот звук разливается в моей груди теплом. Я хватаю ее лицо обеими руками и прикасаюсь губами к ее губам, прежде чем моя нервозность исчезает. Она вздрагивает от неожиданности, затем расслабляется, открывая свой рот моему. Она отвечает на мой поцелуй, отчаянно, стремительно, и это так прекрасно — мы прижаты друг к другу, вдыхаем друг друга, как будто по-другому и не должно быть — но моя кровь почти стынет в венах, когда она шепчет:

— Остановись.

Я открываю глаза. Она смотрит невидящим взглядом в мою грудь, ее ладони упираются в меня.

— Я... Я не могу, — говорит она, убирая их, как будто она обожглась.

— Ты только что это делала.

Она качает головой.

— Я хочу остаться друзьями.

— Друзья этого не делают, Бри. Друзья не целуются вот так.

— Я хочу остаться друзьями, — повторяет она снова.

— А я хочу *большего*. Я хочу намного больше и ты убиваешь меня.

Я чувствую, как ускользает момент, чувствую, как она восстанавливает стену между нами. Почему она борется? Из-за ее гордости? Какое обещание она себе дала?

— Бри, пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста, не переставай бороться за нас, когда я, наконец, решил прекратить сопротивляться.

— Это была ошибка, — говорит она, возвращая взгляд в мои глаза. — Прости.

Она проскальзывает в книжный магазин, а я остаюсь на месте, находясь в шоке, со вкусом ее губ все еще обжигающих мой рот.

СЕДЬМАЯ

КОГДА Я ЗАВАЛИВАЮСЬ НА кухню на следующее утро, Барсук уже жарит яйца. Я не знаю, когда он вернулся в книжный магазин, но аромат, исходящий от завтрака настолько восхитительный, что я легко соглашаюсь с тем, чтобы сосредоточиться на еде, чем задавать вопросы. На самом деле, я не произнес ни слова с тех пор, как Бри оставила меня прошлой ночью на крыльце. Было намного легче заползти в свой спальный мешок и уйти от проблем, чем встретиться с ними лицом к лицу. Теперь такое впечатление, что мой спор с Блейном в одночасье раздулся в размере, став столь же явным, как солнечный свет, льющийся из окон апартаментов.

Блейн не сказал ни слова, с тех пор как я сел за стол и даже не посмотрел в мою сторону. Это так неправильно, что мы ругаемся. Ничего между нами долго не тянулось в Клейсуге. Мы бы поспорили или поборолись бы, или ударили бы друг друга, а потом две минуты спустя смеялись, успокоившись так быстро, что едва могли бы вспомнить, из-за чего мы ссорились с самого начала.

Все же напряженность в отношениях с Блейном может быть предпочтительнее, чем общение с Бри, которая делает вид, что как будто ничего не произошло прошлой ночью. Она просит меня передать ей тарелку, а потом улыбается в знак благодарности, что режет меня без ножа. Вскоре на кухне начинает кипеть бурная деятельность, что является огромным облегчением. Руки тянутся в разные стороны, на плитах все бурлит, стучат кружки. Стол оккупирован зевающими и взлохмаченными людьми, занятыми непринужденной болтовней.

Эйден до сих пор не перестал докучать Клипперу насчет Райли.

— Я говорил тебе, Эйден. Я едва ее знаю.

— Это не то, что я спрашиваю, — говорит мальчик. Он сует кусочек бекона Расти под столом, а Клиппер убийственным взглядом смотрит в мою сторону. «*Я ненавижу тебя*», — произносит он одними губами. Я подавляю смех и орудую лопаткой, переворачивая яйца, и таким образом у меня есть повод избежать разговора.

— Ник, вчера все прошло хорошо? С членами твоей команды?

Барсук дергается от звука голоса Адама, резкого в шумной кухне.

— Это было... непримечательно. Наверное, можно было это пропустить.

— Ну, это совсем не расплывчато, — сказал Сэмми с набитым ртом, жуя яйцо.

— Это был личный вопрос, касающийся поставок воды. Если бы я хотел, что бы у вас были подробности, они бы у вас были.

— А еще мы вверяем тебе наши жизни для выполнения этой миссии. Парню, который отказывается дать прямой ответ.

— Мне не нужен умник в этой команде, — огрызается Барсук. — Если у тебя проблемы со мной, ты можешь выйти через эту дверь. — Он с силой указывает лопаткой в сторону двери.

— Ладно, Ник, — говорит Адам. — Ты высказал свою точку зрения. Как насчет того, чтобы рассуждать логически, а не спорить?

Барсук проворчал что-то нечленораздельное и вывалил последнюю партию яиц на тарелку.

— Комплекс, — говорит он, бросая горсть эскизов на стол. — Исходя из того, что мы выяснили, весь первый этаж является центром погрузки. Течение воды в канале гонит прямо на остров, и мы наблюдали, как лодки приходят и уходят из дока, расположенного ниже самого здания.

На изображении с воздуха, я вижу о чем он говорит. Остров продолговатой формы: закругляется на одном конце, и разделен водой на другой. Часть Комплекса нависает над каналом, его фундамент расположен на земле по обе стороны.

— Большинство лодок, часто посещающих это место — коммерческие грузовые судна. Но около ночи в первую пятницу каждого месяца на небольшом корабле прибывает инспекционная группа. Между приездом и отъездом проходит не более часа. Мы будем мартовской инспекционной группой, которая прибудет на два дня раньше из-за изменения расписания.

Я ерзаю на своем месте. Это не сработает. Невозможно, чтобы это сработало.

— Сентябрь как раз раздобыла ID-бейджи, плюс ключ-карты, что дадут нам возможность пройти через запертые двери. Последнее не будет проблемой, если мы будем вместе с охраной в ходе проверки, но мы хотим в любом случае быть готовыми ко всему. — Он кидает благодарный взгляд в сторону Сентября, и она поднимает вилку в знак того, что с *удовольствием* приняла благодарность.

— Сестра Чарли должна возвратиться сегодня с нашим транспортом. Она и ее муж всю прошлую неделю провели, выслеживая подходящую модель лодки на свалке Ордена на восточном побережье Нового Залива. Последнее, что мы слышали, что они нашли одну в практически идеальном рабочем состоянии. Они просто ищут нескольких запасных частей.

— И ее еще нужно покрасить, — говорит Чарли, возникший с чердака. Он трет глаза кулаком, когда спускается по лестнице. — Цвета были все не те, а она должна была

нарисовать Франконианский герб с боку.

— И то правда, — говорит Барсук. — Но это было четыре дня назад, и они должны вернуться сегодня. Я уверен, мы все это увидим. Так что остается только облачиться в униформу, а у меня как раз есть Мерси с Причальной улицы, сделавшая три комплекта униформы на скорую руку.

— Три? — переспрашиваю я.

— Одна для меня, — говорит Барсук, — и пара для остальной команды. — Он указывает на Бри и Сэмми. — Только они двое могут зайти внутрь. Ты и твой брат не можете быть неузнанными, учитывая тот факт, что ваше лицо висит на каждом углу в ЭМИсте — половина смотрит на нас с плакатов Ордена о розыске, остальная часть показана в обезумевшем ролике новой пропаганды. И парнишка, — он кивает в сторону Клиппера, — слишком молодой, он может вызвать подозрения. Вы можете попасть на лодку, если вы будете настаивать, но в том случае, если все таки я руковожу этой миссией, то вы останетесь здесь.

— Я приехал сюда, чтобы *помочь*, а не отсиживаться, — говорю я.

— Ты хочешь помочь? — Барсук наклоняет голову, моргая своими глазами-бусинками. — Забери форму с братом. Она должна быть готова.

— Прелестно. Мы на побегушках. Что бы вы без нас делали?

— Как это Мерси сшила форму, когда у нее не было наших размеров? — встревает Бри.

— Я дал ей их, — говорит Барсук.

— А как?

— На глазок.

Дерганый и пугливый, каким он может быть, но Барсук не пропускает ничего.

— А куда делить все яйца? — спрашивает Чарли, озирая стол.

— Мы съели их, — серьезно отвечает Адам.

— Все?

Сэмми делает вид, что осматривает пустую тарелку.

— Похоже.

— Я хозяин! У меня должна быть возможность есть в моем собственном доме.

— Тогда тебе следовало бы встать вместе с остальными, — говорит Адам. — Или ты был так занят чтением?

— Конечно, я читал. Эти вымышленные персонажи намного более веселые, чем вы.

Эта перепалка дает новую тему для дружеской болтовни. Бри: «Персонажи, наверное, лучше выглядит, чем Адам». Сэмми: «В таком случае не трудно быть умнее». Вскоре, группа, кажется, забыла о миссии, которая нас ожидает, или то, что мы с Блейном должны будем отсиживаться в безопасности во время нее.

Когда Эйден начал спрашивать о собаках в книге Чарли, утверждая, что никто не может переплунуть Расти, Барсук наклоняется через стол.

— Ты сказал, что хочешь быть полезным, так почему ты все еще здесь? — Я с вызовом гляжу на него, и он подсовывает мне листок бумаги с адресом Мерси. — Отнесите ей воды в качестве оплаты.

Контейнер с водой еще тяжелее, чем кажется на первый взгляд и его ручки могут похвастаться шероховатой поверхностью идеально подходящей для получения заноз даже для самой наигрубейшей кожи. Мы с Блейном неуклюже несем его по улице, стараясь не ударяться об него бедрами. Указанный Барсуком адрес для нас бессмыслен, поэтому мы

останавливаемся, чтобы спросить дорогу у местных ребят, пинающих мяч около книжного магазина. На нас, из-за параноика Барсука, надеты шапки и шарфы, чтобы скрыть наши лица. Я сомневаюсь, что дети даже смогут подумать, что мы родственники. Они направили нас в сторону Залива и проинструктировали идти на север вдоль воды.

— Это очень узкое здание, — сказал самый низкий парнишка, как будто *не все* они узкие. — Окрашенное в ярко-красный цвет. Магазин Мерси находится на четвертом этаже.

Мысли о том, что надо затащить контейнер с водой на четвертый этаж достаточно, чтобы заставить меня захотеть бросить его здесь и сейчас, но мы продолжаем тащиться в тишине.

Гавань заполнена лодками с самым скромным снаряжением. Суденышки рыбаков, которые таким образом поддерживают свои семьи и продают пойманную лишку в городе. Здесь нет ничего похожего на тот массивный корабль, который преследовал "Кэтрин" в декабре. Вода ударяется об ограждение, разделяющее дорогу от залива, обеспечивая устойчивый ритм для нашего марша.

— Почему ты мне не сказал? — спрашивает Блейн.

Боль от несения контейнера в моей ладони является более предпочтительной, чем его слова.

— Здесь так просто не ответишь, — говорю я, опуская шарф ниже подбородка, что было легче разговаривать.

— Грей, я не смогу понять или соотнести, или помочь тебе, если ты не будешь мне ничего *рассказывать*.

Я останавливаюсь, и он делает то же самое, контейнер раскачивается между нами.

— Ты *не можешь* понять из-за временного промежутка. В этом и проблема. В нашей жизни раньше было все одинаковое — та же рутина, те же страхи, тот же конец, который ждал нас на восемнадцатый день рождения — но потом мы разделились и начали жить каждый своей жизнью и...

И в этом и состоит вся жизнь? Расти среди людей? Я не видел Эмму несколько месяцев, а Кейл еще больше. Мой брат кажется мне чужим. Мы всегда были противоположностями, но теперь это нечто другое, гораздо более сложное, чем противоречивые личности. Это как чем старше вы становитесь, узнаете и принимаете себя — находите свой собственный путь в жизни — тем больше далекими и загадочными становится для вас каждый.

— Мы справимся, — говорит он. — Когда все это закончится, все вернется в норму.

— Блейн, ты же понимаешь, что все не так просто. Нет пути назад, к тому, как все было.

Больше не в силах вынести опечаленное выражение на его лице, я смотрю в другую сторону. Между плечами шумных горожан, на дальней стороне улицы, я вижу девушку, стоящую у входа в переулок.

Не просто девушку.

Эмму.

Она, несмотря на холод, одета в белый сарафан, ее волосы свисают на плечи спутанными волнами. Она выглядит именно так, какой я запомнил ее в тот день, когда мы в Клейсуге отправились на озеро и говорили о птицах. Шок, охвативший меня, от нахождения ее здесь, отражается на ее лице. Она отступает в переулок, почти испуганно, покачивая головой, как будто она не желает, чтобы я приближался.

— Эмма? — кричу я.

Группа подростков проходит мимо, на мгновение заслоняя вид. Когда они проходят,

переулок пуст.

Я роняю контейнер.

— Эмма!

Блейн хватает меня за руку, но я от него отделяюсь и бегу, забыв о контейнере с водой. Блейн кричит, что мне привиделось.

Я бегу по переулку и замечаю ее на следующем перекрестке. Ее белое платье — это маячок, кричащий в унылых оттенках зимы. Я пристально слежу за ней, быстрее двигая ногами. Я все ближе и ближе — теряясь среди улиц, учитывая количество поворотов, которые она делает, но догоняю ее.

Я делаю еще один поворот. Эта дорога заканчивается тупиком. Эмма поворачивается ко мне лицом, широко раскрыв глаза, потом проходит в здание справа от нее. Это текстильная фабрика, или была таковой. Вырисовываются ткацкие станки, пыльные и скелетообразные. Паутина цепляется за мое лицо и руки, когда я пытаюсь от нее не отстать. Под моими ногами хрустит стекло, и ветер завывает через пустые оконные рамы.

Я слышу, как Эмма наталкивается на что-то. Я ныряю между двумя ткацкими станками и нахожу ее на полу, с окровавленной ладонью из-за разбитого стекла. Она вскакивает на ноги, но я быстрее. Она вскрикивает от удивления, когда я хватаю ее за руку и толкаю ее назад, но я не сбавляю обороты, даже когда я придавливаю ее к стене, и ей становится некуда бежать. Ее лицо всего в нескольких дюймах от моего, и она выглядит так же — та же родинка на щеке, те же блестящие карие глаза — как и ее Копия.

— Когда ты меня видела в последний раз?

Она выкручивается.

— Грей, ты делаешь мне больно...

— Когда ты видела меня в последний раз!

— В Таеме. За пределами моей комнаты. После того, как Кроу... — Она затихает.

Со своего пояса я снимаю фонарик, без которого я больше никуда не хожу. Я включаю его и направляю на ее глаза. Она быстро моргает, пытается отдалиться от меня. Я припираю ее к стене и удерживаю, пока я не вижу то, что мне нужно. Зрачки сокращаются под прямым ярким светом и затем расширяются при перемещении луча в сторону. Резко. Это она. Я отпускаю ее, и она отталкивает меня, потирая больную руку.

— Да что с тобой? Ты не должен был следовать за мной! Разве ты не видел, как я качала головой?

— Грей? — Голос Блейна эхом проносится по зданию, и спустя мгновение он натывается на нас двоих. На его лице нет ничего, кроме шока — что Эмма действительно здесь, что мне ничего не померещилось.

— Вам нужно уходить, — говорит она. — Прежде чем они придут. Они используют меня, чтобы добраться до вас, и вы должны уйти. До вас обоих. Прямо сейчас.

— Ты слышал ее, — говорит Блейн.

Но я все еще пялюсь на Эмму, растерянный и огорошенный.

— Почему ты все же показала себя, если... Я не...

— Они держат меня в городе уже несколько дней, надеясь, что я вступлю в контакт с вами. Я думала, они сошли с ума — зачем тебе находиться в каком-то непонятном городе ЭмВеста? — но они угрожают мне жизнью моей матери, так что я играю по их правилам. И затем появляетесь вы, сегодня, из ниоткуда, просто стоя вдоль Залива. — Она замолкает на минуту и смотрит на меня. На ее глаза наворачиваются слезы. — Пожалуйста, уходите. Вы

не можете здесь оставаться.

— Грей, — настаивает Блейн, дергая меня за руку.

— Я не покину тебя снова, — говорю я Эмме. — Пойдем с нами. У нас есть люди, которые обеспечат тебе безопасность.

Она качает головой.

— Они следят за мной. Вы должны уйти. — Теперь ее слезы свободно льются по ее лицу и шее.

— Черт, Грей! — Блейн на самом деле тянет меня назад. Я поворачиваюсь и отталкиваю его так сильно, как могу. Он спотыкается, и когда он ловит равновесие, он в ярости. — Ты будешь когда-либо отделять эмоции и включать голову? Используй свой мозг! Это не правильно. Мы должны убраться отсюда. Закончить дело и вернуться в магазин.

— Да пошло оно, это дело, Блейн! Пошло на фиг вместе с тобой.

Я поворачиваюсь к Эмме, но она не одна. Человек удерживает ее, держа за запястье. Я не знаю, откуда он взялся. Я не слышал, чтобы кто-нибудь входил в здание, но опять же, я кричал как полоумный.

Второй человек идет между двумя станками. Как всегда самокрутка зажата между губами. Он выдыхает на меня, а потом улыбается.

— Гейдж? — Я не подразумевал, что бы это звучало как вопрос, но очевидно, что это ошеломляет.

Эмма кричит нам, чтобы мы бежали, но еще двое мужчин уже надвигаются на Блейна. Был бы у меня нож, или пистолет, или *что-нибудь еще*, кроме никчемного фонарика. Все что у меня осталось — это кулаки, но у меня даже шанса нет использовать их. Когда я направляю кулак в лицо Гейджа, его рука уже размахивается и бьет меня дубинкой по голове.

Мир гаснет, как свеча.

ВОСЬМАЯ

Я ДУМАЮ, МЫ НА ВОДЕ Кажется, будто пол под моими ногами движется отдельно от меня. Мои руки связаны у меня на коленях, но я в состоянии дотянуться назад и проверить то место, куда пришелся удар. Я нахожу массивный рубец и морщусь.

Мне повезло, что все не так плохо, как могло быть. Мне повезло, что я не мертв.

— Как ты себя чувствуешь?

Гейдж.

Мы находимся в тесной спальне с очень низким потолком. Я на одной кровати, а он на другой, с ногами, опущенными вниз на узкий участок пола, который разделяет нас. Уже не в полутьме фабрики, я вижу, что у него черные глаза и удивляюсь, как удалось Бри справиться с ним прошлой ночью. Мысль об этом почти заставляет меня улыбаться. Потом я слышу безошибочный звук волн, ударяющихся о корпус. Мы должно быть на воде. Плыдем неизвестно где и куда.

— Ты подлюка, сдал нас.

— Ты сделал все, чтобы это было легко, — сказал он, — ты же видел, как работает Ник. Он поручил мне доставить *закодированные* инструкции по вашему размещению. Боже мой! Потребовались месяцы подслушивания, прежде чем я просто уловил, что у него есть тайные планы проникнуть на какой-то объект Ордена, и о том, что пресловутый Грей Везерсби и

еще несколько Экспатов должны сыграть в этих планах свою роль. Так что я передал, что слышал, и вследствие чего симпатичная брюнеточка была отправлена в город в качестве приманки.

Гейдж достает сигарету из куртки и прикуривает ее.

— Но затем, — продолжает он, — слушай, это лучшая часть: меня отправили познакомиться с вашей командой! Никто не был достаточно ознакомлен с информацией — Ник заставил всех работать в параноидальном безумии — и никто не знал, кто находился на вертолете, но я то не волновался. Команда, наконец, прибывает в город. Я знал, что ты скоро уедешь, так что я перевел приманку поближе к докам. И когда та блондиночка шаровой молнией появилась вчера в "Рулевой рубке", я понял, что она разболтает все, если ее достаточно подмаслить и славненько провести с ней время. Но она оказалась совсем стерва. Обозвала меня свиньей, ну и все такое.

— Я уверен, что ты заслужил тот удар и все остальное.

Он наклоняется ближе, выдувая облако дыма прямо мне в лицо.

— Давай вспомним, кто связан и кто за этим стоит. Прояви немного уважения.

— Точно, потому что ты абсолютно этого заслуживаешь.

— Твой брат и брюнеточка находятся над нами. Если ты хочешь, чтобы они остались в живых, следи за своим языком. — Он улыбается моей новообретенной тишине со злым выражением на лице. И почему он вчера, когда я впервые встретил его, он казался мне таким симпатичным?

— Ник и его коды, — размышляет вслух Гейдж. — Самое смешное, он думает, что они спасут его, но был бы это первый, третий или *тридцатый* вариант на который определилась бы ваша команда, это все равно было бы одно из его укрытий: ресторан, книжный магазин, его сестра, новое место, над которым он работал, расположенное над "Рулевой рубкой". — Он стряхивает пепел сигаретки об край почти пустого стакана, находящегося у него между ног. Пепел кружится в жидкости. — Но благодаря твоему брату, разглагольствующему о том, чтобы вернуться в *книжный магазин*, я даже не стал посещать другие места Ника. Этот нервный дебил ничего не заподозрит, пока не станет слишком поздно, оставляя для меня отличную возможность посетить магазин, когда я вернусь домой и закончу работу. Ты вернешься обратно в руки Ордена, человек же, которого они знают как Барсук, будет мертв, и я отойду от дел как богатый парень в возрасте двадцати двух лет.

— Почему? — Есть единственная вещь, которую я не могу понять. — Ты из ЭмВеста. С чего бы тебе *помогать* Ордену?

Гейдж встает, слегка сгорбившись из-за низкого потолка.

— Я никому не помогаю, кроме себя. Ник отобрал мой бизнес, а потом имел наглость, как будто он делал мне одолжение, принял меня в свою команду. Руководил мной. Платя мне почти ничего. Действуя так, как будто я был слишком глуп, чтобы справиться с чем-то важным. Я не могу уже дождаться, чтобы увидеть выражение его лица, когда он поймет, что я работал против него. Его последней мыслью, прежде чем я выпущу в него пулю, будет то, что я провернул все это под его острым, жирным носом.

Я четко представляю себе, что происходило в тот момент: Гейдж жалуется, что клиентура падает из-за Ордена, хотя он и является утечкой. Из-за чего Барсук становится таким пугливым и напряженным. Вспоминается, как он сразу же ушел после того, как мы приехали, чтобы посетить одного из членов своей команды. Вооруженный. Готовый остановить утечку. *Это было беспрецедентно. Наверное, возможно было что-то упустить.*

Барсук отправился не за тем парнем.

— Он знал, что что-то намечается, — выплевываю я. — Барсук знал, что кто-то в его команде предатель.

— Ах, но посмотри, кто на лодке плывет с беглецом рука об руку к Ордену, и посмотри еще, кто остался в Сосновом Хребте с чуть меньшей командой.

Мотор лодки замедляется прежде, чем Гейдж снова навещает меня. Он одевает на мои глаза повязку и тянет меня на палубу.

Нас пихают и подтаскивают к краю лодки. Я предполагаю, что нас, но, возможно, Эмму и Блейна не направляют туда же куда и меня. Или, возможно, что они уже мертвы. Я напрягаюсь, чтобы услышать что-нибудь полезное, но из-за ветра слышен лишь голос Гейджа. Ветра с Залива дуют мне в лицо, кусают меня ледяными поцелуями за нос и в шею.

— Я доложу, когда позабочусь о Барсуке. С ним есть и другие, вам они нужны живыми? Я не могу разобрать ответ.

— Нет, это нормально. У меня нет проблем с зачисткой того места. Рад услужить. Слышится бормотание.

— Сегодня вечером, — строго говорит Гейдж. — Я сделаю это, как только вернусь. А потом я получу остальную часть платы? Хорошо, хорошо.

Меня сталкивают с края нашей лодки и перетаскивают на другую. Мои голени ударяются обо что-то. Больно. Я все жду выстрела из огнестрельного оружия, но ничего не происходит. Это было бы слишком просто. Они бы не пошли на все эти трудности, чтобы просто убить меня.

Лодка Гейджа оживает, а затем, удаляясь, затихает в Заливе.

В темноте перед моими завязанными глазами, у меня рисуется картинка как Чарли жалуется из-за яиц, и как Эйден отгоняет Расти, и как Клиппер краснеет при упоминании с Райли. Сэмми отпускает шутку про мое опоздание, говоря Блейну, что я могу найти дорогу через лес, но мне удастся затеряться среди городских улиц. Бри этому не радуется. Она превращается в Барсука, насупившегося, и говорит что что-то не так. Адам соглашается.

Они прочесали город, и нашли контейнер с водой. К Мерси, куда они нас с Блейном отправили, мы не приходили. Когда они вернуться в книжный магазин, они поставят у двери вооруженную охрану и начнут делиться своими вариантами и разрабатывать планы, обсуждая, что могло с нами случиться.

Эти мысли, я проговариваю себе, чтобы притупить ощущение скручивания в животе, чтобы не замечать желчи, поднявшейся в моем горле.

Их палач приближается, но они будут готовы. Они должны быть готовы. Я повторяю это снова и снова, не уверенный, что я себе не лгу.

Мы опять движемся. Я пригибаюсь на палубе, чтобы защитить лицо от холодного воздуха. Рядом кто-то смеется, визгливо и гармонично с царапающим ветром.

Слишком скоро двигатель замедляется, а затем полностью замирает. Меня ставят на ноги, таща куда-то — и к кому-то — кто ждет.

Часть вторая: Комплекс ДЕВЯТАЯ

Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ но ритмичный плес воды и глухой стук лодки обо что-то невидимое подсказывает мне, что мы находимся в каком-то порту. Напряжение шкивов и

лязг груза подтверждают мою теорию. Учитывая эхо, он чем-то окружен. Горами? Скалами? Кто-то толкает меня между лопаток, заставляя идти вперед. Земля под ногами крепкая, не грязь или слякоть, как на улицах Бон Харбора или Соснового Хребта, а рукотворная. Даже ровная. Скользящая от глянца океана.

— Нет, вот этот идет в Лод, — слышу я, как кто-то кричит. — В Лод, идиот! Док ЗБ.

— Что насчет отгрузки в Хейвен?

— Она произошла вчера, вместе с отправкой груза

для Таема и Редикса.

Редикс. Еще один город под куполом? Я запоминаю это название и глубоко вздыхаю. Здесь пахнет иначе, чем в других портах залива, в которых я бывал. Там нормальный соленый воздух смешан с вонью дизелей, но здесь примешано что-то еще, холодное и резкое. Мой эскорт направляет меня, потому что я ничего не вижу, и у меня создается такое впечатление, что мы входим во чрево пещеры. В пещере сыро, и металлический привкус в воздухе подсказывает мне, что стены здесь покрыты кровью.

Некий вжик от открытия раздвижной двери напоминает мне Объединенный Центр, то место, откуда Франк управляет Таемом. Шум и запахи накрывают меня, когда дверь закрывается позади нас и освещение — даже из-под моей повязки — становится другим. Здесь ярко.

Я стараюсь запомнить дорогу, но здесь слишком много поворотов, плюс еще несколько уровней. Мой конвоир толкает меня и я падаю на колени. Дверь захлопывается. Теперь темно. Даже после того, как я стаскиваю повязку своими связанными руками, я ничего не вижу. Я пытаюсь ощутить размер комнаты. Возможно два на два метра. Без окон. С одной запертой дверью.

Не комната. Камера.

Я кричу, но на крик никто не приходит. Я жду, и ничего хорошего в этом тоже нет. Я сижу только со своими мыслями и с рубцом на задней части головы.

Мне следовало бы послушать предупреждения Блейна, следовало понять, что нахождение Эммы в Сосновом Хребте не подразумевает ничего хорошего. Но я не мог уйти. Ее красота была приманкой. Франк — Орден — это знал. Увидев Эмму, я *не* мог оставить все как есть.

Я прислоняюсь затылком к стене. Интересно, Гейдж уже вернулся в книжный магазин. Я не удивлюсь, если команда готова к его прибытию.

Мое горло сжимается.

Самое худшее не в том, что я один и напуган, а в том, что я беспомощен. Я понимаю, почему Бри не выдержала, когда она была изолирована от нас в туннелях Бурга. Беспомощность давит на человека, а в ограниченном пространстве он совершенно задыхается.

Я засыпаю, прислонившись к стене, и когда я просыпаюсь, убогая комната освещена. Три ее стены блеклого цвета, а стена напротив меня является зеркальной. Я выгляжу более уставшим, чем я на самом деле себя чувствую.

— Доброе утро, Грей, — говорит мне мое отражение.

Я вздрагиваю, ударяясь головой об стенку. Нет никакого зеркала, это просто что-то — кое-кто — кто еще хуже.

Стоящая Копия меня.

— Где остальные?

— Они в безопасности, — говорит он. — И они будут оставаться в таком состоянии настолько же долго, насколько хорошо ты будешь сотрудничать.

Блейн. Мои внутренности скручиваются. От того, каковы были мои последние слова, обращенные ему. Из-за того, что мы провели последние несколько дней, сражаясь друг с другом.

Копия меня снимает волосок с манжеты мундира. Форма *Ордена* — значит, что мы, скорее всего на каком-то объекте Ордена.

В Комплексе.

Я недолго находился в лодке, определенно не настолько долго, чтобы пересечь весь Залив или попасть в любой другой купольный город. В месте, где мы причалили, эхом разносятся звуки и загружаются лодки — это, должно быть центр погрузки с каналом, проведенным под зданием Комплекса. Я чувствую себя тупым, из-за того, что не сразу сопоставил факты.

Я предполагаю, что я проспал всю ночь, что сегодня среда и осталось два дня до первой пятницы марта, дня нашей запланированной инспекции. Если Гейдж не добрался до команды, могут ли они быть в пути ко мне прямо сейчас?

— Теперь я хочу, чтобы ты послушал меня очень внимательно, — говорит Копия меня. — Гейдж передал нам некоторые тревожные новости. Он сказал, что Барсук планируют проникнуть в организацию Ордена и что ты должен быть вовлечен во все это. Он считает, что это проникновение будет на этой неделе. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Он так похож на меня. Идентичен. Вплоть до формы носа и цвета волос, и бесцветных глаз, скрытых сейчас в тени. В последний раз, когда я видел эту Копию, наша команда бежала из Бурга. Он перерезал горло Джексону и затем слетел с катушек, когда нашей команде удалось освободиться. Образ того, как он кричит, когда наш автомобиль отъезжает от стены Бурга — стоя выгнуто с руками, поднятыми вверх — врезался в мою память. Нет ничего, что я могу сделать, чтобы повлиять на его убеждения. В отличие от Джексона, он более новая модель, К-Ген5, как версия Копии Эммы, с которой мы столкнулись. Он навечно предан Франку и раб его приказов.

— Было бы парадоксально, если бы ваша цель была *этим* заведением, — говорит он, — понимая, что ты его никогда не покинешь.

Я стараюсь держаться, что бы мое лицо меня не выдало.

— Ты ответишь мне на все мои вопросы, — взрывается он, — и это не будет приятно. Ты уверен, что не хочешь сказать сейчас, пока при тебе все твои конечности?

Это вот так я звучу, когда говорю? Сурово? Безэмоционально? С угрозой в каждом слого? Я смотрю на него, пытаюсь казаться равнодушным. Я не могу позволить ему увидеть, что я боюсь или что он считай, выиграл.

— Хорошо. Просто помни, что ты сам это выбрал.

Он разворачивается и ударяет меня в живот. Я все еще кашляю, когда он уходит.

Кто-то вновь завязывает мне глаза с целью куда-то меня перевести. Мы поднимаемся на два уровня, но я не могу уследить за всеми поворотами до или после лестницы. Сейчас же мои ноги и руки привязали к соответствующим частям кресла и содрали повязку.

Комната мучительно яркая, но без окон. Одна стена сделана из зеркального стекла, и блики верхнего света отражаются от нее и от растрескавшейся плитки на полу. Я моргаю несколько раз, приспособляясь к яркости. Позади меня я слышу, как кто-то шаркает в

кабинете, и когда я смотрю на зеркальную стену, я вижу спину в белом халате, его владелец, сгорбившись, изучает что-то на столе. Следующим мое внимание привлекает лоток с угрожающими на вид инструментами, находящийся рядом со мной. Ремни, державшие меня на месте, внезапно кажутся более тугими.

Прямо передо мной Копии меня сидит, положив одну ногу на голень другой. Ноутбук прислонен к его согнутой ноге.

— Давай попробуем еще раз, — говорит он. — Я хочу подробности, что за операцию ты пытаешься проверить с Барсуком, и мне нужны имена всех участников.

Я произношу два слова, одно из которых посылает его далеко и надолго.

— Ну же, Грей. Не нужно быть таким враждебным. Смотри, я вот даже пойду с тобой на компромисс и вынесу сейчас этот вопрос на обсуждение. Честно? Давай начнем с чего-нибудь простого: месторасположение типографии, что печатает наше с тобой лицо на обложках.

На этот раз я счастлив, что Адам скрывал столько информации от меня. Я не могу ответить на этот вопрос, даже если бы захотел.

— Ничего? — продолжает Копия. — Как насчет несчастного имени? Экспата или мятежного гражданина ЭмИста. Любого, кого хочешь. Высокого или низкого по рангу. Ты говоришь мне имя, а я записываю.

Он такой самодовольный, такой расслабленный. Я могу сказать, что он не собирается прекращать допрос. *Допрос.* Я в комнате для допросов. Лоток с инструментами сбоку от меня становится гораздо более зловещим.

«Тяни время», — думаю я. — «Просто продолжай общаться с ним».

— Ты не главный в этом месте, не так ли?

— Конечно, нет. Мы просто думали, что я, возможно, наиболее сильнее смогу запугать тебя. — Он что-то записывает в свою книжечку, только чтобы взглянуть на меня таким образом, что делает его глаза похожими на щелочки под бровями. — Это работает, верно?

Я фыркаю, боясь, что если я что-то скажу, правда будет слышна в моем голосе.

— Я жду, — говорит он.

— Ну что ж, продолжай ждать! Я ни черта тебе не скажу.

Он машет кому-то рукой, кто стоит позади меня.

— Грея понадобится немного поубеждать.

Я слышу шаги, звук надевания перчаток. Ремни на моих конечностях такое впечатление затягиваются. Мои «борись или беги» инстинкты кричат, но я даже не могу поднять руку с подлокотника.

Белый халат появляется передо мной. Садится на табуретку на колесиках. Катится ко мне. И время замедляется.

Я знаю этого мужчину.

Его очки другие — с оправой из проволоки вместо черной толстой оправы — но глаза все те же: темные, немного безучастные, леденящие. Это он, с его хрупким строением тела, с опущенной линией плеч, с его худыми, впалыми щеками.

— Харви? — говорю я и нет ни грамма признания на его лице, когда он смотрит мне в глаза.

ДЕСЯТАЯ

— ДАВАЙ МАЛДУН, — ПРИЗЫВАЕТ Копия меня. — Напомни ему, почему он должен сотрудничать.

Пальцы Харви лениво перебирают инструменты и единственная мысль, которая меня занимает, заключается в том, что этот человек должен быть мертв. Я видел тому доказательство, визуально проецируемое над Таемом в тот вечер, когда я сбежал обратно к Повстанцам с Бо, Бри, и с Клонированной версией Эммы. Харви был вздернут, как пугало на городской площади Таема, а Франконианский герб был нарисован на его груди. Его глаза были выколоты.

Но у человека передо мной есть глаза. Они мигают, осматривая инструменты на медицинском подносе. Может я что-то напутал или, возможно, что визуальная проекция была подделкой.

Неужели Харви был жив все это время и его заставили работать на Франка — человека, которого он ненавидит — из-за того что мы его бросили?

Харви выбирает скальпель, затем переключается на плоскогубцы. Он поворачивается ко мне, держа инструмент.

— Последний шанс, Грей, — говорит Копия меня, сидя в своем кресле. — Имя. Любое имя.

— Харви? — Он приближает плоскогубцы к моей левой руке, к указательному пальцу, там, где ноготь. Мой пульс бешено скачет. Я начинаю извиваться на своем месте. — Харви, ты же меня знаешь, черт побери! Я — Грей! Мы работали с Райдером и Повстанцами. Мы друзья. Прости, что мы оставили тебя, но мы... — Плоскогубцы закрепляются на моем ногте. — Харви!

Он смотрит прямо на меня, и я понимаю, что ему без разницы. На его лице нет сострадания, ни сочувствия, ни следа того ученого, которого я знал. Этот человек подпитывается местью.

Он перехватывает плоскогубцы, и я знаю, что сейчас произойдет.

— Харви, пожалуйста! Не делай этого. Мне так жаль. Я...

Он отводит свою руку назад и я лишаюсь ногтя. Я ору и ору, и от красных вспышек боли перед глазами всплывают воспоминания: коридор в Объединенном Центре. Харви входит в комнату медицинского персонала. Его плечи безвольно висят из-за вывиха. Нос окровавлен. Они готовили его к казни и так же в этот же день, как я подозреваю, они сделали еще кое-что. Я вижу это сейчас, потому что настоящий Харви — даже оставленный умирать — никогда бы не зашел так далеко. Те члены Ордена сделали то, что было необходимо в тот день, сделали все, что им было нужно, чтобы продолжить свое дело, чтобы создать то, что стояло передо мной сейчас.

Зачем Франку нужно, чтобы бунтарская версия Харви возобновила работу с Копиями, когда он может получить верного себе человека, а? Одинаковые мозги, одинаковые навыки, но запрограммирован выполнять любой приказ. Никаких шансов для неудач. Ни бегства, ни предательства или отказа от своего поста.

Это не Харви.

Это Копия Харви.

Он роняет мой ноготь на медицинский поднос. Мой палец пульсирует, мокрый от крови. Я не могу заставить замедлить свой пульс, я не могу перестать издавать рваные вздохи.

— Это было так быстро, — замечает Копия меня. — И подумать только, что у тебя были

проблемы с приказами в декабре. Малдун, не торопись со следующим, и сделай это с пальцем.

Харви откладывает плоскогубцы в сторону и берет в руки нож. Теперь я бессовестно скулю, заикаясь от боли, вопя, чтобы он передумал. Это не Харви, которого я знал — мягкого, терпеливого, *доброго*. Помнит ли он меня вообще, ему же сказали, что делать и как мыслить, какие моменты его собственного прошлого забыть и кому служить. Он хватает меня за запястье. Моя кожа лопается от давления лезвия, и раскаленная добела искра толчков боли проходит через меня, я в панике.

— Есть убежище, — лопочу я, слова появились откуда ни возьмись. Харви останавливается, мой палец без ногтя кровоточит в двух местах.

— Где? — спрашивает Копия меня.

— Недалеко от Группы А, но к западу от границы, — выдыхаю я. — Я не знаю точные координаты. Там работает женщина по имени София? Салли? Она укрывает людей, пересекающих границу.

Я начал темнить, насколько это было возможно — даже изменил имя, — но я чувствовал себя мразью. Я заслужил эту боль, я не достоин того, чтобы меня жалели. Сильвия приняла нашу команду, когда мы бежали из Бурга. Она позаботилась о моей раненой ноге, перевязала руку Клиппера. Она кормила нас и одевала — незнакомцев — и я предал ее, отправив ее как скот на убой.

Копия меня делает запись в своей книжечке.

— Это было не так уж сложно, теперь тебе так не кажется?

Теперь я буду гореть в аду.

Я вернулся в камеру.

У меня на пальцах девять ногтей и один палец без одного. Он перебинтован, а бинт заляпан кровью. Он светло-розового цвета ближе к кулаку, где Харви лезвием надрезал кожу и черный там, где он орудовал плоскогубцами, сделав все хуже.

Я все еще не видел Блейна или Эмму. Я не знаю, способны ли они пережить подобные допросы. У меня есть не особо обнадеживающее заявление от Копии меня, прежде чем он запер меня: что сейчас были цветочки и что он ожидает лучших результатов в следующий раз, в чем я усомнился.

Нервы грозят связать меня в узел. То небольшое количество еды, что дали мне, на вкус как пепел, потому что мой рот настолько пересох. Вода, что я пью, бурлит в животе, как волны в бушующем океане.

Было время, когда я думал, что ненавижу море. Оно заставляло меня чувствовать себя в ловушке. Но теперь я в ловушке на острове в середине моря, действительно оставшийся без всякой надежды. По крайней мере, на "Кэтрин" была иллюзия побега, возможность сбежать и запутать следы.

Я провожу по шраму от ожога на моем левом предплечье, думая о Бри, которая проводила по нему до этого. Я надеюсь, что она в порядке. Что с ними все в порядке.

В комнате совершенно тихо, и это оглушает.

Спустя несколько часов, я возвращаюсь в комнату для допросов, только на этот раз для обследования. Я привязан к столу, а Харви осматривает меня с головы до ног, тыкая в меня карандашом, прослеживая им шрамы на моем теле, прежде чем проворно перевернуть его в пальцах, чтобы записать свои выводы.

Когда он движется по сморщенному шраму на моей груди, который я получил, когда

был ребенком, меня осеняет, как гром среди ясного неба. Харви — не Эмма — и это, вероятно, причина из-за которой Долина Расселин была скомпрометирована. Копия сохраняет все воспоминания своего источника, а программирование заставляет ее игнорировать некоторые детали. Франк хотел бы, чтобы Харви забыл, *почему* он помогал Повстанцам, но не ту часть, *где* он помогал нам. Но тогда почему он так долго тянул с бомбардировкой?

Комментарий Моей Копии возникает в моей голове: *и не подумаешь, что у нас были проблемы с приказами в декабре.*

Франк не выдернул Харви из одного мира и вставил его Копию в другой. Он воссоздавал Харви, вернул его к работе, чтобы выполнять те же задачи, а также выразил надежду, что программирование было достаточно грамотным, чтобы разобраться с остальным. Может быть, теперь жизнь Харви рутинна: лаборатории, код, исследование — что ему потребовалось несколько недель, чтобы освоиться под кожей его Копии. Возможно, он даже не сопротивлялся, давая расположение штаб-квартиры, или, по крайней мере, его воспоминания были настолько нейтрализованы, что воспоминания о месторасположении было временно помутившимся. Это объясняет, почему шпионы-Копии, посланные в декабре по следам нашей команды, по-прежнему пытались разнюхать расположение штаб-квартиры.

Если у Харви есть проблемы с адаптацией его Копии, может быть, его мысли могут быть также вскрыты. Джексон помог нам, в конце концов. Взбирание на Стену в Бурге было слишком личным, слишком тесно связанным с его детством в Декстерне, и это вызвало глюк в его программе. Но Копия Эммы была версией Ген-5, и она присоединилась к нашей группе в ту же ночь, когда Харви нас покинул. Если он был создан в последующие дни, вполне вероятно, что он тоже пятая версия.

Любая надежда, за которую я цеплялся, разваливалась.

Харви делает пометку насчет моего шрама на груди, а затем переходит проверить шрам от ожога на левом предплечье.

— Для чего это? — спрашиваю я.

— Меры безопасности. Таким образом, когда мы закончим с тобой, наш будет соответствовать тебе.

— Вы перенесете их на Копию? Воспроизведете каждый шрам?

Карандаш Харви скрипит на бумаге.

— А потом что? Отправите его обратно на мое место? Вот зачем вам нужна информация от меня, для этого?

— Ты дал мне имя, чтобы сохранить палец, — говорит он тихо. — Представь, что я получу в обмен на жизнь твоего брата.

Я пытаюсь растянуть ремни на своих запястьях и лодыжках. Я мог бы выцарапать ему глаза за эту угрозу.

— Будет проще, если ты не будешь сопротивляться, — говорит он, но я дергаюсь и не останавливаюсь, создавая столько шума, насколько это возможно.

Харви вздыхает и отходит от стола. Спустя мгновение музыка наполняет комнату — звенящие аккорды и плачущие струны. Мелодия многослойная и сложная, и такая мощная, что я чувствую ее своими костями. Я слышал музыку, похожую на эту, раньше, когда Харви был еще тем Харви. Он говорил, что это *Моцарт*. Этого композитора он всегда любил. Франк в ЭМИсте объявил вне закона вид такого искусства, но Харви была дана привилегия его слушать, потому что это помогало ему сосредоточиться во время работы над Копиями.

Старые привычки, старые приемы, сейчас все это живо в его Копии.

Когда он снова попадает в поле моего зрения, его руки вытянуты, плавно раскачиваются, как ветки деревьев на ветру. Он водит в воздухе карандашом, когда музыка нарастает и успокаивается. Его кисти элегантно отражают каждое изменение. Если бы это был реальный Харви, этот танец был бы нечто красивым, но зная, что эти руки с помощью лезвия пускали кровь на моем пальце, меняет все. Ты не можешь не увидеть правду. Даже если ты этого не хочешь.

Музыка затихает и снова возвращается к жизни. Не просто какой-то отрывок, а именно та же мелодия, которую мы использовали, чтобы устроить диверсию в Объединенном Центре. Клиппер помогал Харви выбрать ее.

— Ты помнишь, что ты сказал, когда мы встретились?

Харви поднимает брови, скучая.

— Ты сказал мне, что ты надеешься, что присоединение к Повстанцам было шагом в правильном направлении. Ты сказал, что надеешься, что кто-то вроде *меня*, жертва Проекта "Лайкос" может быть, по крайней мере, благодарным за некоторую твою работу.

— Ну так вот, я не благодарен за это. Это настолько противоположно тому, что ты реально хотел. Настоящий ты был готов умереть за то, чтобы я мог жить. Настоящий ты *ненавидел* работу, которую делал для Франка, и он провел последние дни своей жизни, пытаясь возместить принесенный ущерб.

— Тот Харви, о котором ты упоминаешь, был преступником и предателем, — он произносит это так, будто зачитывает книгу. — И неважно, чего я хотел в прошлом. Теперь я знаю, чего хочу.

Он все еще дирижирует, зловещая улыбка на его губах готовится к финалу.

— Я надеюсь, что Клиппер никогда не увидит тебя таким, — говорю я. — Этот паренек любит тебя и это может убить его.

— Клиппер? — Его руки падают и он пятится от меня, качая головой. Он спотыкается о стул и оказывается на полу. Музыка продолжает нарастать вокруг нас, и теперь Харви, находясь на коленях при стаккато ударах, вздрагивает, как будто горны и струны причиняют ему физическую боль. Он вскакивает на ноги и бросается, чтобы выключить музыку. В комнате наступает тишина и он задыхается, как будто это его первый глоток воздуха в жизни.

Его взгляд вновь возвращается ко мне, широко раскрытый и испуганный. На кратчайшее мгновение мне кажется, что он меня услышал, что что-то в музыке или в моем упоминании о Клиппере резонировало в нем. Но потом его глаза сужаются.

— Ты, — говорит он, глядя так, как будто он хочет перерезать мне горло. — Мы закончим это позже.

Я возвращаюсь в свою камеру, потому что у Харви есть другая работа, или потому, что так говорит охранник. Завтра меня снова будут допрашивать.

Завтра, завтра, завтра.

Я только сосредоточился на сегодня, на первой среде марта, и на том, как это все скоро закончится. Сегодня не должно было закончиться без их прибытия, потому что такой был план: появление на два дня раньше под видом инспекции, с ключами-картами Сентября и в униформе сделанной Мерси.

Но проходят часы.

День кончается.

И они не приезжают.

ОДИННАДЦАТАЯ

МОЙ ЗАВТРАК ПРИБЫЛ Сподарком. Это было неумышленно, я уверен. Кто-то очень глупый не подумал о том, что можно сделать с такой маленькой штучкой и какой ущерб она может нанести.

Я вытаскиваю зубочистку из фруктов и прячу ее в ладони. Мне нужна она сухая и острая. Я ем руками.

Когда охранник, наконец-то, приходит за мной, мне приходится бороться с желанием ринуться в бой. Хуже всего, что мне так хочется отобрать у него пистолет, но я обречен на провал, потому что мои руки по-прежнему связаны. Шансы невелики. Я никогда не был терпеливым человеком, но я заставляю себя сотрудничать, позволяя охраннику завязать мне глаза и вытащить меня в коридор.

Я опять же теряюсь на поворотах. Мы поднимаемся на два лестничных пролета. Наиболее сбивающее столку изменение направления. Меня передают Копии меня. Я знаю, что это он, потому что наши походки идентичны.

Когда с меня срывают повязку с глаз, я снова оказываюсь в комнате для допросов Харви. Инструменты разложены, рядом меня ждет кресло, но никого нет.

— Ты сегодня окажешь мне честь?

— Харви занят.

Зубочистка становится немногим большим, чем благословением сейчас. Я не уверен, что это говорит обо мне, когда я знаю, что моя собственная Копия будет более безжалостна, чем любой другой следователь.

Он направляет меня к креслу и дойдя до него регулирует один из ремней, которым скоро привяжет меня. И в этот момент я выкручиваюсь. Толкая его обеими руками, я нацеливаюсь на его горло. Он едва успевает заслониться рукой, когда зубочистка всаживается в его кожу между большим и указательным пальцами. Он кричит от удивления и отшатывается. В момент проявления его паники, я хватаю ближайший инструмент из лотка — деревянную колотушку — и замахваюсь. Он пытается увернуться от удара, но недостаточно быстро. Древесина ударяет его по голове, и свет покидает его глаза.

Сердце в груди бешено колотится, но мои руки не дрожат и знают что делать. Я хватаю нож с лотка, и лезвием, по направлению к своему животу, разрезаю веревки. Потом, когда мои руки становятся свободными, я стаскиваю с Копии его униформу. Она идеально сидит на мне, и вскоре я выгляжу как член Ордена, а он как я.

Я еле тащу его обмякшее тело, но мне удастся пристегнуть его в кресле. Я сомневаюсь, что все эти телодвижения остались незамеченными камерами, что означает, что кто-то, где-то, наверное, наблюдает. Я могу только надеяться, что они пропустили нашу схватку, что когда они в следующий раз посмотрят на видео трансляцию, они решат, что Копия меня вышла из комнаты и оставила меня в кресле.

В одно мгновение я решаю убить его, но понимаю, что мертвое тело будет выглядеть слишком подозрительно. Копия пытается получить от меня ответы, а не убить, а мне нужно выиграть как можно больше времени.

Я бросаю молоток на поднос и обертываю повязку, что была у меня на глазах, вокруг лезвия ножа, перед тем как засунуть его за мой пояс. После я выскакиваю в коридор.

Недалеко от меня, впереди стоят два гвардейца Ордена, один из которых, даже возможно, был моим сопровождающим. У каждого из них на бедре висит пистолет, а в руке находится винтовка, изготавливаемая Орденом, прислоненная дулом к их плечам. Я уверенно иду. Они кивают, когда я прохожу мимо, полагая, что я являюсь Копией меня.

Я сбавляю темп после того как поворачиваю за угол. Время для побега стремительно сокращается, пока я иду по коридору, мне нужно найти лестницу. Портовый центр — доки — находятся ниже самого Комплекса. Если я найду его, я могу запрыгнуть в лодку и сбежать обратно в Залив, но только после того, как найду Блейна и Эмму. Только бы они находились где-нибудь рядом с моей камерой...

На два пролета вниз.

Удача на моей стороне и я нахожу лестницу. Еще один вооруженный гвардеец несет тут свой пост, и я замедляюсь, стараясь казаться как можно более спокойным, когда прохожу мимо. Я спускаюсь на два уровня. Дверь на лестничной площадке не открывается, пока я не выживаю карту из кармана формы Ордена и не провожу ей для прохода.

Комната, в которую я попадаю, громадная. Колонны с различными интервалами поддерживают потолок, и единственный источник света исходит от ряда того, что выглядят как стеклянные гробы. Они расположены на достигающих до пояса столах, которые простираются так далеко, насколько я могу видеть. Они наполнены изумрудного цвета мутной жидкостью, напоминающей воду из пруда. Я осознаю, что эта жидкость только слегка светится, бросая ореол сине-зеленого света вокруг каждого резервуара.

Я спустился на два пролета! Здесь должны были быть камеры. Или, по крайней мере, коридор, ведущий к ним. Уровни между моей камерой и комнатой для допросов являются единственной деталью, в которой я был уверен.

Волна паники ударяет в меня. Комплекс большой и, вероятно, имеет несколько лестниц. Просто потому что я насчитал два пролета между моей камерой и комнатой для допросов это не значит, что у всех лестниц интервалы пролетов одинаковые.

Я думаю вернуться, но беспокоюсь, что гвардеец на лестнице может что-то заподозрить. Может быть, я могу пройти через эту комнату и найти другие лестницы. Может быть, камеры даже находятся где-то здесь.

Слишком много «может быть». Меня могут поймать.

Я отодвигаю мысли в сторону и двигаюсь вперед в тот момент, когда фонари, висящие вдоль потолка лаборатории, начинают мигать. Тихая тревога. Кто-то обнаружил Копию меня или то, что я сбежал. Без разницы, это не хорошо.

Я замечаю стеклянный ящик, прикрепленный к стене, содержащий в себе винтовку Ордена. Я локтем выбиваю стекло, и оно разлетается вдребезги. Я только однажды держал в руках такую модель, когда мне было поручено обезвредить Харви в Таеме. В конце концов, я не нажал на курок — Бри позаботилась об этом — но данное оружие ощущается в моих руках поразительно знакомо.

Вцепившись в нее, я огибаю ближайший ряд стеклянных гробов. Трубы от них разветвляются в разные стороны и подключаются к оборудованию под столом. Справа от себя в мутной жидкости я ловлю тень чего-то и не могу заставить себя идти дальше. Я пригибаюсь, подходя ближе. Что-то находится за стеклом, небольшое и бледное. Оно смутно напоминает мне мертворожденного теленка, которого я однажды видел в Клейсуге.

Я разворачиваюсь и осматриваю гроб позади меня. Его габариты гораздо больше. Я прислоняюсь своим носом к стеклу и почти кричу от шока. В мутной жидкости находится

тело, кончик его носа направлен в сторону поверхности. Он выглядит мертвым. Желтоватая кожа плотно облегает его тело. Пальцы больше похожи на кости. Я могу посчитать все его ребра. Такое впечатление, что он разлагается, но почему-то я знаю, что все наоборот. Он растет. Он зарождается.

Это они.

Я попал в лабораторию. Я в лабораторию на производственной базе.

Я думал, что Клоны создаются в Таеме, и в какой-то момент так и было. Возможно, некоторых из них делают там до сих пор. Но Комплекс производит их в значительно большем количестве, распространяя их из доков где-то под моими ногами.

В правом нижнем углу бака, дисплей гласит: «Объект #С317, 21 день». Я разворачиваюсь и проверяю тот резервуар, в который я заглянул первым. «Объект #С317, 5 дней». Я несусь вперед по проходу. «С317», «С317». Снова и снова. Каждая Копия в этом ряду имеет одно и то же происхождение.

И прямо там я осознаю, что Харви добился того, чего всегда хотел Франк: Клонов, которые могут быть воссозданы снова и снова, от любой предыдущей версии себя. Оригинальный объект больше не имеет значения. Франк уже не ограничивается одной Копией на одного человека. У него уже есть безграничная модель, и он растит свою армию. Армия, которая может получать нового солдата примерно раз в месяц, учитывая резервуар рядом с которым я остановился. Внутри мальчик с моим строением, его кожа гладкая и молодая, его мышцы сжаты даже во сне. На его дисплее написано двадцать девять дней.

Фрагмент разговора, услышанный мною, когда я сошел с корабля, всплывает в моем сознании. Поставки в Редикс, Хейвен и Таем. Остальные направлялись в Лод. В куполообразные города. Франк наводняет их Копиями.

Для чего? Что он планирует?

Я слышу шаги в дальнем конце лаборатории. Я примерно на полпути от прохода, мне некуда бежать. Глупое любопытство. Мне не следовало останавливаться и изучать резервуары. Не надо было останавливаться ни по какому поводу, кроме Блейна и Эммы.

Шаги становятся все громче. В конце прохода появляется Харви. Он видит меня и его лицо становится бледным.

Я тяну винтовку, ставлю ее наизготовку, оперев в плечо, и прицеливаюсь.

— Стоять! — кричу я. — Покажи путь к камерам. Затем ложись на живот и дай мне уйти!

Тихая тревога выключается без предупреждения, отбрасывая комнату в странное состояние сверкающего и переливающегося синего цвета. Становится плохо видно. Такое впечатление, что наступили сумерки — как глубина, которую трудно различить — и все вдруг, кажется, знакомым. Харви в моем прицеле. Мой палец на спусковом крючке. Ощутимое напряжение в воздухе.

Я собираюсь пристрелить его.

Мне нужно сделать то, что Бри помешала мне сделать в тот день в Таеме.

— Ты не мог просто подождать, — говорит он грубо.

Ждать чего? Подвергаться пыткам, быть проверенным на шрамы?

— У меня был план, — говорит он, — а ты все губишь. Я мог бы... — Харви морщится, прижимая ладони к виску. Полтора десятка членов Ордена устремляются в проход позади него. Я поворачиваюсь, чтобы бежать, но моя Копия уже здесь, тянет руку в мою сторону. Он держит что-то маленькое и компактное. Мое тело замирает. Чувствуется жгучий удар —

повсеместный и безжалостный — а потом ощущение падения.

ДВЕНАДЦАТАЯ

Я ОКАЗЫВАЮСЬ В НОВОЙ КОМНАТЕо стеклянной панелью, отделяющей меня от моей Копии. Я лишь смутно ощущаю охранника за своей спиной, потому что я не могу оторвать глаз от Блейна и Эммы. Они сидят на деревянных табуретах с завязанными глазами и связанные. Я стучу по стеклу и ору имя Блейна. Они оба вздрагивают, услышав мой голос.

— Грей, ты думаешь это игра? — спрашивает меня мой Клон. Я слышу его так же отчетливо, как если бы он был со мной в одной комнате. Я хватаюсь за нож, который я засунул за пояс только чтобы понять, что его больше нет.

Копия меня достает пистолет и водит им туда-сюда направляя то на Блейна, то на Эмму.

— Выбери одного из них. Кто останется в живых?

— Что?

— Ты, кажется, думал, что не будет никаких последствий после твоих действий — после нападения на меня, после угрозы жизни Харви, после попытки к бегству. Не в этом случае, и я хочу, чтобы тебе стало это предельно ясно. — Он снова водит пистолетом между Блейном и Эммой. — Так что выбирай.

Меня сбоку мучает тупая пульсирующая боль, где он приложился ко мне шокером, и хотя я слышал его слова, я не могу показать, что обдумываю их. *Выбирать?*

— Тогда я выберу за тебя. — Он делает шаг в сторону Блейна.

— Нет! Подожди! — Я ударяю ладонью об стекло. Я ненавижу его, эту версию самого себя, это просто ужасно и я не могу поверить, что он каким-то образом сделан из *меня*. Я ненавижу себя еще больше за то, что скажу. Потому что выбора нет. Я знал ответ, когда он впервые озвучил угрозу. Я чувствую слезу скользящую вниз по моей щеке.

— Эмма, мне так жаль, — шепчу я.

Я вижу шок на ее лице, хотя ее глаза прикрыты повязкой. Все ее тело напрягается.

Я ненавижу себя.

— Ну супер, — говорит Копия меня. — Значит, девушка.

Но он не направляется в сторону Эммы. Он не отворачивается от Блейна, а приставляет пистолет к затылку моего брата и нажимает на курок.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Табуретка выбивает из-под него, и я кричу, прежде чем Блейн даже падает на пол. Мои кулаки ударяются в барьер, стучат, долбятся, готовые разбить стекло. Но там столько крови под его головой. Это происходит. Это произошло, и не важно, сколько раз я моргаю, ничего не меняется.

— Это было напоминанием, — говорит Копия меня, — ты сердись меня — я сержу тебя. Но если ты работаешь со мной, Грей... если ты честен... я обязательно сдержу свое слово. Здесь: пример. — Он направляет пистолет на Эмму. — Скажи мне, что человек по имени Барсук планировал, и я сохраню ей жизнь.

Я потерял голос. Я вижу пистолет и угрозу, но у меня не находится слов, я не могу перестать пялиться на Блейна. И я, конечно, не могу спокойно смотреть на Эмму. Эмму, которую я просто предал, как будто она ничего не значит.

— Три... два...

— Мы хотели узнать, чем был Комплекс, — смог выдавить я. Слова выходят наружу хрипло и оборвано из-за того как много я кричал. — Я увидел все, что нам было нужно, когда спустился вниз.

Копия меня выглядит довольным.

— Хорошо, хорошо. Это прогресс. И когда прибудет твоя команда?

— Гейдж собирался убить их к настоящему моменту, и даже если этого не случилось, то они должны были быть здесь вчера.

Он опускает пистолет.

— Это было просто прекрасно, Грей. Ты понимаешь, как это работает? Ты даешь мне то, чего я хочу, и мне не приходится ни в кого стрелять. Помни об этом. Тогда завтрашняя встреча пройдет гораздо легче. — Он убирает пистолет в кобуру и поднимает Эмму на ноги. — Малдун, отведи его обратно в камеру.

Харви ждет, когда они уйдут. Потом, вместо того чтобы тащить меня наружу, он открывает дверь, которая соединяет две комнаты.

— Это твой единственный шанс, — говорит он, — если ты хочешь попроситься.

Я в транс переступаю дверной проем. Блейн лежит там и рыдания уже разрывают когтями свой путь наружу из моего горла. Мои руки дрожат, мои ноги меня не держат. Я припадаю на колени возле своего брата.

— Мне так жаль, — выдавливаю я. — Я люблю тебя и мне жаль. Я не это имел в виду... то, что я сказал в Сосновом Хребте. Я не имел в виду и половину вещей, которых говорю и я просто... — я притягиваю его к груди. — Я не знаю, почему это произошло, — задыхаюсь я. — Мы полагались друг друга в первую очередь. Всегда. И вот что я сделал. Я ставил тебя на первое место и теперь... и теперь...

Мое горло стало слишком плотным и узким, мое дыхание сбивчивым. Я трясусь с Блейном в моих руках и рыдаю в его волосы, бесконечно шепча его имя, повторяя его снова и снова, как будто он сможет услышать меня и проснуться. Как будто он просто спит. Как будто мне все это предвиделось.

Харви входит в комнату и говорит, что пора идти. Я отвечаю ему, что пойду, когда буду готов. Он настаивает, и тогда меня накрывает. Я взвинчиваюсь и отпихиваю его. Когда он снова наступает, я хватаю деревянный табурет за край сиденья и держу так, что ножки направлены в его сторону и чтобы у меня была возможность парировать его. Когда Харви пятится, я замечаю кровь. Кровь Блейна. На моих руках. На моей рубашке. Капли на деревянном табурете, попавшие туда когда...

Я бросаю табурет в стеклянное окно. Он отскакивает назад как игрушка. Я подбираю его и пробую снова. И снова. Но стекло не разбивается.

Всё же, я продолжаю пытаться.

Даже если это бессмысленно.

Даже не смотря на то, что я обессилен.

Даже не смотря на то, что Блейн не вернётся назад, и не имеет значения то, насколько сильно я кричу.

В конце концов, я сдаюсь. Сорвав горло и тяжело дыша, я бросаю взгляд по направлению к двери. Харви все ещё стоит там вместе со стражей, наблюдая за мной, как если бы я был бешеным животным, которое нужно усмирить.

Они забирают меня назад в мою камеру.

Харви подсовывает что-то в мою руку: клочок бумаги, сложенный таким образом, что

он не больше чем подушечка моего большого пальца.

— Для завтра, — шепчет он.

Я падаю на пол, головой к стене, обернув себя руками, как будто я держу свои органы. Может быть, так оно и есть. Может быть, если я двинусь, я развалюсь и никогда не смогу вернуться в нормальное состояние.

Я чувствую себя маленьким, беспомощным, напуганным и одиноким.

Как ребёнок.

Как маленький мальчик.

Блейн спас меня, когда мне было девять.

Это была поздняя осень, и мы были на озере, чтобы он мог попрактиковаться устанавливать силки для кроликов. Ксавье Пильтес провел большую часть лета, обучая его охотиться, и так как я тогда все еще верил, что я был на год младше чем Блейн, я мог только мечтать о том чтобы присоединиться к их урокам в следующем году. Колокольчики, которые обычно покрывали высокую траву по ту сторону озера, преобразились с изменением температуры в ломкие спицы. Не осталось фиолетовых лепестков. Зелень не наполняла их стебли. Они были грязно-коричневые и сухие, как упавшие листья в лесу.

— Это скучно, Блейн. Я хочу пострелять из твоего лука. — Он лежал позади него, упакованный в колчан.

— Ты можешь ловить дичь не тратя стрелы, ты же знаешь, — говорит он. — И важно практиковать и то и то.

— Ксавье говорил, что ты можешь повторно использовать стрелы, если твои выстрелы достаточно хороши.

— Когда ты это услышал?

— Когда вы, парни, вчера вернулись. Ксавье сказал не волноваться насчет того выстрела, что ты сделал, из-за которого сломалось древко. Сказал, что когда ты станешь опытнее, ты не будешь тратить стрелу или унцию мяса, вот насколько ты будешь хорош.

Блейн не сводит глаз со своей работы, пытаюсь скрыть смущение сосредоточенным взглядом.

— Ты пронырливая крыса, — произносит он.

— Ты скучный слизняк.

— По крайней мере, я знаю, как поставить силки.

— Я узнаю это в следующем году, когда Ксавье научит меня. — Я ударяю носком колчан Блейна, смотря, как стрелы колеблются в движении. — Я ненавижу ожидание. Это не справедливо, что ты получаешь возможность все делать первым. Я такой же большой, как и ты. — Это была правда. По размеру мы были плечо к плечу.

— Не по годам. И держись подальше от моих стрел.

Я подталкиваю их сильнее, и колчан откатывается от меня, рассыпая свое содержимое, скатываясь вниз по склону холма.

— Эй! — Блейн вскакивает на ноги. — Подбери их.

— Я недостаточно взрослый, чтобы прикасаться к ним, помнишь?

Блейн складывает руки на груди как будто он наша Ма.

— Грей, собери их и перестань вести себя как ребенок.

— Я тебя ненавижу, — кричу я. — Ты думаешь, ты все знаешь. — Я вдобавок пинком опрокидываю силоч, над которым он работал и убегаю. Он преследует меня.

Я не смог долго держать темп. Где-то между озером и деревней, под сенью опавших

деревьев, Блейн практически дышит мне в спину. Он не должен был догнать меня — вокруг зарослей, по камням, под низко висящими ветвями — только следовать за мной. Я перелез через упавшее дерево, но судя по всему не очень аккуратно, так что моя нога цепляется за ствол, из-за чего я падаю. Я сильно ударяюсь об землю. Из меня выбивает весь дух, и я чувствую ужасный жар в груди, чуть ниже ключицы.

Я закашливаюсь и пытаюсь вдохнуть воздуха, но ничего не выходит. Моя рубашка покрывается влагой. Кровь — осознаю я.

— Грей! — Блейн приседает рядом со мной. — Ох, — говорит он, осматривая рану, держа руку на моем плече. — Эм... это...

Воздух, наконец-то, возвращается в мои легкие, и я рискую взглянуть на то, что обжигает грудь. Я приземлился на ветку все еще являющейся частью дерева. Я не только упал, но и пронзил себя. Я дрыгаю ногами, пытаюсь встать, и боль проносится сквозь меня. Ветка была похожа на рыболовный крючок, держащий меня против моей воли.

— Полегче, Грей, — говорит Блейн, как будто я был домашним скотом, которого он мог приручить с достаточным терпением. — Полегче.

Я думаю, что в тот момент с кем-то другим было бы невозможно расслабиться, но что-то в том, как Блейн на меня смотрел, сказало мне, что он собирается все уладить, что беспокойство было грузом, который я мог передать ему. Он бы понес его за нас обоих.

Я посмотрел на ветки деревьев, которые как костлявые пальцы скребли белое небо, пытаюсь выровнять свое дыхание. Блейн освободил меня от ветки с помощью своего перочинного ножа. Затем он обернул одну мою руку вокруг своей шеи, и мы вместе, пошатываясь, вышли из леса в город, с небольшим деревянным колом по-прежнему зажатым в моей груди.

Блейн потащил меня прямо в клинику. Картер сопровождала нас встревоженным взглядом, но с твердой рукой, и по происшествии некоторого количества времени, я был во здравии и перебинтован. Как мне объяснили, ветка не вошла достаточно глубоко в меня, чтобы проткнуть легкие, но это привело к большой потере крови. Останется шрам. И потребуется время на восстановление.

— Почему ты помог мне после всего? — спросил я Блейна. Он был рядом со мной на пустой постели, и полулежал зеркально мне. — После того, как я сказал, что ненавижу тебя?

— Потому что ты не имел этого в виду.

— Как ты узнал?

Он приподнялся и сел. Даже тогда Блейн мог превосходно посмотреть взглядом старшего брата.

— Если бы все было наоборот... если я бы сказал это тебе... что бы ты подумал?

Я все понял, но у меня осталось чувство того, что мне пришлось сделать это очевидным и неоспоримым. Что, если бы я был опаснее ранен? Что, если бы мои легкие *были* проткнуты, и этого разговора не было?

— Я вовсе не ненавижу тебя, — подтвердил я. — Ни на мельчайшую частичку. Даже если ты иногда скучный.

— Крыса, — поддразнивает он.

— Слизняк!

А потом нас было не остановить, мы выдавали какие только могли придумать оскорбления друг другу, пока нас не погнала домой Ма и не стала нашей аудиторией вместо Картер.

Пока я бился головой о стены камеры, слезы все еще текли по моим щекам, это воспоминание не давало мне покоя: сморщенный шрам на моей груди, и как Блейн увидел меня в клинике, и та непреложная истина, что я никогда не мог по-настоящему его ненавидеть. Я любил его. Я люблю его всем моим существом, и я ужаснулся — мне стало стыдно — за мои последние слова, обращенные ему.

«Пошёл ты», — сказал я в Сосновом Хребте.

Я хотел бы сделать это правильно. Я бы хотел иметь возможность сказать правду, даже если он и так ее уже знал.

Я не сплю, я плачу.

Даже после того, когда у меня, кажется, закончилась слезы, осталась боль, всепоглощающая и бесконечная, как будто я весь соткан из горя.

ТРИНАДЦАТАЯ

ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ, НА ПРОТЯЖЕНИИ НОЧИ Я раскрываю бумажку Харви. Как будто бы это имеет значение. Как будто что-либо, что он может сказать, поправит дела.

Используя лучик света, просачивающийся из-под моей двери, я едва могу разобрать список имен. Я узнал два. Кристина — женщина, которая привела нас к вакцине, украденной нами несколько месяцев назад, и отец Сэмми, который подделывал карточки для получения воды в Таеме.

Внизу Харви подписал: *«Все уже покойники, так что ты можешь сдать их без последствий. Уничтожь когда прочтешь».*

Прислонившись к двери, я задаюсь вопросом: стоит ли мне ему доверять. *"Мы вернемся к этому позже"*, — сказал он мне вчера. Я думал, что он имел в виду мой допрос, но после его слов, обращенных ко мне в производственной лаборатории, боли, которая отразилась на его лице, как будто его мысли конфликтовали с его запрограммированными приказами... Было ли упоминание о Клиппере, в сочетании с музыкой, которую мальчик помог выбрать Харви, достаточным, чтобы привести его в чувства?

Я не понимаю как это возможно. Если только не...

Скопированная версия Эммы могла быть одной из первой пятерки. Возможно из *единственной* существовавшей пятерки на тот момент, когда она присоединилась к нашей группе. Некий тест, испытание. Франк не захотел бы рисковать Харви, если бы что-то пошло не так. Ироничная непредусмотрительность, потому что четверки были бракованными. Если Харви является типом К-Ген4, то он может быть таким же, как Джексон — менять свои мотивы, бороться с приказами. Быть неисправным.

Я сжимаю бумажку в кулаке. Я уверен, что могу спокойно обнародовать эти два имени. Если Харви *не* переметнулся, если он *не* пытается мне помочь, то почему тогда он дал мне даже одно имя, которое может мне помочь избежать пыток?

Я изучаю список, пока я не запоминаю его. Потом я сворачиваю бумажку и глотаю ее как таблетку.

Харви ведет себя так, как если бы за ночь ничего не изменилось. Я снова в его лаборатории для допросов, прикованный к креслу, лоток с инструментами ждет рядом. И только когда входит Копия меня, появляются некие признаки новой преданности. В Харви возрастает интерес в двойной проверке моих ремней. Я надеюсь, что из нас двоих он не

отдает что-то взамен.

Копия меня щелкает тумблером и зеркальная стена, мерцающая, оживает. Стекло, которое во время моих предыдущих посещений только отражало комнату, теперь транслирует видео происходящего в прямом эфире во всем Комплексе. Я могу разглядеть подсвеченные проходы в производственной лаборатории, работающие доки в центре отгрузки. Видео с другой камеры транслирует членов Ордена сидящих на рабочих местах в диспетчерской, нажимающих кнопки, тараторящих в микрофоны и изучающих видеотрансляцию. Неудивительно, что меня так легко поймали, когда я пытался сбежать.

— Грей, круто выглядишь, — говорит он, покосившись на униформу Ордена, которую я до сих пор ношу, с тех пор как я вчера махнулся нашими одедами. Он не удосужился изменить это. Это, наверное, напоминание. Способ вытащить из моей памяти картинку с убийством Блейна, не произнося при этом ни слова.

— Новый день допросов, — продолжает он. — Сегодня ты будешь сотрудничать, или все что Харви сделает с тобой... — он подходит к стеклянной стене и стучит по видео, показывающую Эмму, ссутулившуюся в своей камере... — будет сделано с *ней*. Понятно?

Я не могу на него смотреть. Если я это сделаю, я сломаюсь и начну его проклинать, а я не хочу давать ему чувство удовлетворения от знания того, что я испытываю боль. И что я сломан. И ненавижу его каждой фиброй своего существования.

Он возвращается назад и садится на свой стул, закатывая рукава рубашки — моей старой рубашки, той, которую Экспаты дали мне, когда я впервые прибыл в Пайк. Его левое предплечье все еще без обожженных шрамов, и факт того, что он еще не был отмечен, чтобы полностью походить на меня — единственная вещь, удерживающая меня в рассудке. Иначе, у меня бы было ощущение, что я смотрю на себя. Это как будто бы я держал пистолет, что убил Блейна.

— Начнем с «Предвестника», — говорит он. — Где он был отпечатан?

— Я не знаю, честно.

— И я честно тебе не верю. Малдун? — Он машет Харви, который выбирает нож.

Даже со знанием того, что все, что сделают со мной, будут делать с Эммой, я замер, ожидания, пока лезвие не прикоснулось к моему мизинцу... пока не наступила угроза удаления... и только после этого я сдаюсь. Мне хочется в этот момент выглядеть убедительным.

— Стойте, — задыхаюсь я. — Я не могу помочь с газетой, клянусь, но в Таеме есть шпион Повстанцев, который работает в Ордене. Что-то типа Кристины. Она помогла мне осенью достать вакцину.

— Мы уже знаем о ней, — отвечает Моя Копия. — И она уже как несколько месяцев мертва. Отрежь его палец, Малдун.

Лезвие рассекает кожу. Мой пульс подскакивает.

— Флин! Натан Флин. Он подделывает карточки на воду для жителей Таема. Я слышал, как некоторые Повстанцы как-то говорили о нем.

— Тоже мертв. Казнен несколько лет назад. — Он искоса смотрит на меня. — Ты знаешь, где его сын?

— Я не знал, что у него есть сын.

— Самуэль — согласно нашим записям.

— Никогда о нем не слышал.

— Тогда ничто из этого не полезно для меня. — Он указывает Харви продолжать, и я

осознаю, что эти имена не смогут мне ничем помочь. Глаза Харви выглядят огромными из-за его очков. Даже если его преданность изменилась, ему придется продолжать из-за того, чтобы не вызывать подозрений. Нож снова касается моего мизинца. Если *потребуется*, он отрежет мой палец.

Я называю еще одно имя. Копия меня говорит, что оно уже известно, так что я называю другое. Снова бесполезно.

— Ты играешь со мной? — спрашивает он, подрываясь со своего места и отталкивая Харви в сторону. — Каждое из этих имен — старые новости. Дай мне что-то чего я не знаю. Странников в Бон Харборе. Ты говоришь, что ты не знаешь *где* печатается газета, но как насчет того *кто*? Кто управляет этим?

— Ты просил имена и я даю их. Я ничем не могу помочь с тем, что у меня нет тех, которые ты хочешь.

Он хватается за мое кресло за подлокотники и опрокидывает его. Я соскальзываю назад, и когда моя голова ударяется об пол, моя челюсть смыкается на моем языке. Я чувствую вкус крови.

Копия наклоняется ко мне так, что его нос оказывается в дюймах от моего, наши взгляды встречаются. Прежде чем он может произнести какую бы то ни было угрозу, которая, безусловно, крутится у него на языке, раздается стук в дверь лаборатории. Копия отходит, оставляя меня глядеть в потолок, мои конечности все еще привязаны к креслу. Я слышу, как открывается дверь.

— Разве это не очевидно, что я занят?

— Вы захотите это увидеть, сэр, — говорит кто-то. — Инспекционная команда прибыла на несколько часов раньше, и они нашли что-то внизу в доке 1Б. Отслеживающее устройство, прикрепленное к «Посланцу».

— Конечно там есть отслеживающее устройство, — огрызается Копия меня. — Скажи им не беспокоить меня, если только...

— Это не одно из наших отслеживающих устройств, сэр. Кое-что другое. Чужое. Прикреплено к корпусу явно с поспешностью.

— Отправьте Тамбэ посмотреть на это. Он находится выше.

— Он уже там, сэр. И просит именно вас.

Копия тяжело вздыхает, и затем:

— Малдун! Посмотри, сможешь ли ты добыть из него что-то полезное. Я вернусь, как только я смогу.

Дверь щелкает, Харви стоит справа от моего кресла, но он не освобождает меня от сдерживающих ремней. Он выходит из зоны видимости, а затем Моцарт разносится по комнате.

— Таким образом, нас никто не подслушает, — шепчет он, в то время как нарастает музыка.

— Кто подслушает?

— Кто-то всегда слушает. Он указывает на зеркальную стену. Я улавливаю взглядом Мою Копию, бегущую вниз по лестнице на одном из экранов. На другом экране транслируется большой корабль, окруженный неистовствующими рабочими. Док 1Б — полагаю я.

— Изображение в верхнем ряду, второе слева, как раз снаружи этой комнаты, — объясняет Харви. На нем мне виден коридор и два члена Ордена, стоящих на страже. — Я

собираюсь изображать, что я как бы допрашиваю тебя... подавай хорошие вопли каждые пять минут... но смотри за тем экраном. Если ты увидишь, что кто-то приближается, дай мне знать.

Он достает плоскогубцы и прилаживает их к одному из моих ногтей. Настолько непринужденно он это делает. Невозможно не дрогнуть после прошлого раза, когда мы были в таком же положении. Давление сейчас гораздо менее интенсивное, когда он зажимает ноготь, закрывая плоскогубцы. Он не тянет, но его рука дергается, создавая впечатление, что ему этого хочется.

— Прости, — говорит он. — Насчет допроса и твоего брата и... — Харви сплывает. — Грей, я дал Франку координаты Штаба. Когда я очнулся, у меня были проблемы с воспоминаниями определенных деталей, поэтому он направил меня работать над Копиями. Коды, генетика... это было второй натурой. Но когда в конце января расположение Долины Расселин наконец-то выплыло на поверхность, я с радостью поведал ему об этом. Я думал, что Повстанцы были врагом. Я был по настоящему зол, когда Франк сказал, что он ждет верного момента для начала действий. И теперь все те семьи и дети... Кто-нибудь выжил?

— Я не уверен.

Харви сжимает свою переносицу, как будто его раздирает головная боль.

— Ты на самом деле хочешь сейчас мне помочь? — спрашиваю я. — После вчерашнего я думал...

— *Вчера*, — говорит он, — все изменилось. То, что ты сказал о моей работе и как я надеялся, что жертвы Проекта "Лайкос" возможно когда-нибудь будут благодарны за нее... Я смутно вспомнил, что говорил такое. Чувствовал, что это было много лет назад, но я знал, что это были мои слова, когда ты вдруг повторил их, несмотря на то, что какой-то голос в моей голове твердил мне тебя игнорировать. Потом ты упомянул Клиппера.

Он притворяется, будто тащит мой ноготь. Я издаю фальшивый вопль.

— Этот мальчик очень близок мне, как родной сын, и когда ты произнес его имя, я почувствовал, как сжалось мое сердце. Играл Моцарт, наполняя комнату этими восхитительными нотами, и это было как открытие истины, которая врезалась в мою голову. Внезапно я вспомнил, что эта часть произведения была той же музыкой, которую Клиппер помог мне выбрать в Долине Расселин для нашей миссии, тем произведением, которое Бри собиралась использовать для диверсии. Все наши планы обрушились на меня, вся моя работа на Повстанцев, причина, по которой я присоединился к ним — это пробудило меня Грей. Теперь я все вспомнил и мне очень, очень жаль.

И так он и выглядит. Между его бровей прописалась боль, сожаление лежит складками вокруг его глаз.

— Я хочу помочь тебе, — говорит Харви, съеживаясь от слов. — И сделаю хорошо для Клиппера. Эта мысль бьет меня копьём между глаз, но с болью я смогу справиться. Моей целью всегда было уничтожить работу, которую я начал, исправить ошибки. Я однажды уже бросал Франка, и я смогу сделать это снова. — Он кашляет и делает глубокий вздох, прежде чем продолжить. — Независимо от настоящего Харви, я тоже могу это сделать.

— Если ты мыслишь как настоящий Харви, то ты и *есть* настоящий Харви, — говорю я ему. Почти то же самое я однажды сказал Джексону, когда мы сидели в темной, затхлой котельной под Бургом и формировали альянс.

Харви удается улыбнуться и это его молодит.

— Ты сказал, что у тебя есть план?

— *Идея...* способ, как можно остановить Копии.

— Как насчет меня и Эммы? Есть ли даже самый малейший шанс, что мы сможем выбраться с этого острова?

Одна сторона рта Харви кривится от гримасы.

— Я не знаю. На каждой лестнице находится по охраннику, как правило, еще немногим больше в коридоре. Дверные проемы в доки открываются только ключом-картой или имплантами, вживленными в запястье, а затем существует еще сторожевой пост, который выдает разрешение на въезд и выезд из самого канала.

— Что насчет неограниченного числа Копий? Ты их сделал, да? — Его гримаса усиливается. — Может нам удастся улизнуть с отгрузкой.

— Это мысль, — съезживаясь говорит он, обдумывая это. Когда боль, кажется, немного отпускает, он добавляет: — Большинство поставок идут в столицу и в другие города с куполами. Некоторые даже идут в открытые города. Их число будет в десятки раз увеличивать присутствие Ордена, помогая держать в спокойствии людей с колеблющейся преданностью. В конце концов, я думаю, что Франк отправит Копии в ЭмВест. Он устал от выходок Экспатов, и у него скоро будет достаточная численность, чтобы сокрушить их. И когда она иссякает, он всегда может создать больше. Потому что у него есть этот объект. Потому что у него есть я.

Я качаю головой, пытаюсь понять *зачем*. Что на самом деле задумал Франк? Я помню историю, которую Сентябрь и Сэмми рассказывали вокруг костра в декабре — о цели Франка отомстить за свою семью, которую он потерял из-за стрельбы ЭмВеста. Это все-таки месть? Такое впечатление, что это что-то большее.

Трансляция на зеркальной стене неожиданно прерывается, изображение заменяется статическим. Я хватаю руку Харви, и он поворачивается, проследив за моим взглядом. Члены Ордена в диспетчерской продолжают делать свою работу, не успев осознать, что сигнал потерян, но когда мы смотрим на другие видео, мы замечаем движение рядом с тем местом, где прекратилась видеотрансляция.

Член Ордена бодро шагает по коридору с пистолетом в руке. Два охранника в дальнем углу зала видят его и кивают в знак приветствия, но приближающийся член Ордена не замедляется и не признает своих товарищей. Он прицеливается и стреляет в них наповал. Нам не слышны звуки выстрелов — видно только *вспышку, вспышку* на конце ствола — и затем стрелок смотрит вверх, целясь прямо в камеру, и стреляет.

Картинку вырубает, но я успеваю увидеть ее лицо.

Ее.

Потому что это не член Ордена.

Это Бри.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПЕРВОЕ, О ЧЕМ Я ДУМАЮ — что она прекрасна. В подобный момент эта мысль нелепа, но именно это я ощущаю — благоговейный трепет при виде ее. Момент облегчения, ошеломляющий и неистовый. Я предполагал, что она мертва, даже старался не думать о ней из-за этого, и сейчас она здесь, все такая же упрямая и храбрая, как и всегда. Она снова появляется на другом видео, идя быстрее, целеустремленная и решительная, почти одержимая. Ее пистолет направлен вверх. Очередной выстрел, очередное потухшее видео.

Она сворачивает за угол и встречает троих членов Ордена на посту. Она стреляет дважды, двое падают, а потом ее пистолет щелкает — пусто. Она высвобождает обойму, которая стучит об пол. В то время как третий мужчина вынимает свой пистолет, она одним движением перезаряжает свой пистолет и припадает к земле. Она простреливает его коленную чашечку. Он, крича, падает, и после более тщательного прицельного выстрела от Бри, полностью затихает. Она вскакивает на ноги, и снова продолжает свой путь.

Что-то полоснуло мой палец и он горит.

— Ау! Что за...

Поверхностный порез.

— Ну, ты же не говоришь мне ничего полезного! — выкрикивает Харви, держа нож, которым он пустил мне кровь. — Прекращай пялиться на экраны и отвечай на мои вопросы. — Его голос опускается до шепота и он добавляет: — Она направляется к камерам, расчищая путь прямо к Эмме. Это твой билет наружу.

Он опять подносит нож к моему пальцу, но не надавливает.

— Как насчет тебя? — спрашиваю я.

— Мне нужно захватить кое-что из лабораторий. Я, если смогу, встречу вас у доков, но не ждите меня.

— Но я даже не знаю как...

— Воспользуйся боковой лестницей. Двумя пролетами ниже ты найдешь камеры, еще на один уровень ниже — вода.

Он проводит лезвием поверх моих лодыжек — недостаточно сильно, чтобы пустить кровь, но с достаточным давлением, чтобы заставить все мое тело напрячься. В это же время он расстегивает ремни на моем левом запястье со скоростью молнии.

— Черт побери, их, должно быть, заклинило, когда он перевернул твоё кресло. — Харви обыгрывает небольшое представление в попытке укрепить их, а потом ругается. — Мне нужно кое-что достать, чтобы починить их.

Он выскакивает наружу, и в момент как за ним закрывается дверь, я отдаю должное этой блестящей идее. Он все еще будет выглядеть преданным Франку для любого, кто просматривает видео, а я оставлен наедине с непривязанной рукой, что означает, что я могу высвободиться.

На видео видно, что кто-то дожидается Бри за следующим поворотом. Он, должно быть, услышал выстрелы с ее предыдущей потасовки. Приблизившись к углу, она замедляется, прижимается спиной к стене, согнув локти, так что пистолет находится рядом с ее ухом. Одним изящным движением она поворачивает за угол и выпрямляет руку, держащую пистолет. Член Ордена ударом выбивает его из ее рук в сторону. Пуля летит в стену. Он замахивается и бьет ее кулаком в подбородок. Бри сбивают с ног и мой пульс резко подскакивает.

— Давай... — Я борюсь с ремнями, удерживающими мою правую руку, но из-за того, что левой рукой я не очень хорошо владею в одиночку, у меня не получается совладать с лямками достаточно быстро.

Бри пытается отползти, но ботинок мужчины находит ее. Он поднимает ее на ноги, впечатывая в стену.

— Давай же! — Ремни свободно соскальзывают.

Его руки сейчас на ее шее, и он поднимает ее вверх, пришив к стене.

Я наклоняюсь вперед, стараясь освободить ноги.

Она царапает его предплечье. Борется, пинается.

Осталась одна лямка.

Но теперь Бри сражается менее твердо, огонь покидает ее глаза, и когда я почти уверен, что все кончено — что я наблюдаю как еще один человек, которого я люблю, умрет — третья фигура появляется в кадре.

Он ударяет члена Ордена пистолетом в висок. Мужчина падает подобно якорю, и Бри тоже сваливается за ним следом. Она пытается отдышаться, пошатываясь на ногах. Ее спаситель тянется к ней, но она отпихивает его, выхаркивая на пол полный рот крови.

Я не могу ее слышать, но я могу читать по губам. *«Я в порядке».*

Ее спаситель вздыхает и поворачивается к камере.

Сэмми тоже одет в форму Ордена. Один выстрел и статика овладевает изображением.

Они оба живы. И сейчас они здесь, появились в инспекционный день не более чем несколько часов назад, вместо двух дней назад как было запланировано. Это могло бы объяснить, почему еще не была поднята тревога. План, возможно, сработал — ключ-карты, униформа. Может ли следящее устройство быть также приманкой? Смотрит ли большинство в другое место, в то время как они продолжают свою проверку?

Следом главный вопрос поражает меня: *«Знают ли они, что я здесь?»*

Должны знать. Если бы они были здесь только после сведений, из-за которых и планировалась изначально вылазка, то они бы никогда не произвели так много выстрелов. Они бы просто прогулялись по сооружению, сделав в уме заметки, запоминая подробности. Вместо этого они, сразив всех на своем пути, направляются прямо к камерам. К камерам, в которых не будет ни меня, ни Блейна. Потому что Блейн...

Я сглатываю, неспособный даже думать об этом.

Включилась та же безмолвная сигнализация, которая начала мелькать в производственной лаборатории, когда я впервые попытался скрыться, окрашивая комнату в красный цвет. Я смотрю на видео, отображающее диспетчерскую, и обнаруживаю, что там началась неразбериха, Члены Ордена выкрикивают друг другу инструкции. В доках, бледный как мел Копия меня смотрит на мигающие огни. Он разворачивается и мчит на базу.

Я нигде не вижу Сэмми и Бри.

Я срываю последнюю лямку с моей ноги и открываю дверь из комнаты для допросов. Охранники ушли, отозванные из-за тревоги. Я вспоминаю направление, которое мне дал Харви и бегу.

— Эмма? — Я влетаю в блок с камерами и останавливаюсь только для того, чтобы быстро заглянуть в каждый дверной проем. Они все открыты. И все пустые.

— Эмма!

Она в панике бежала. Или Бри и Сэмми уже были здесь.

Кто-то выходит их последней камеры. Это мой Клонированный аналог.

Он выглядит измотанным. Его простая рубашка сидит на нем криво, горловина оттянута. Рукава, которые были закатаны, теперь достают до кистей. Интересно, чем этот хаос для него обернется. Франк будет в ярости.

— Ты сказал, что они мертвы! — выплевывает он, вскидывая пистолет. — Что команда не придет.

— Я думал, что они мертвы!

— Ну, так они будут! Я лично прослежу...

Он прерывается от звука шагов. Каким-то чудом, даже притом, что для нее не имело

никакого смысла возвращаться к камерам, когда она уже очевидно освободила единственного человека из них, я слышу голос Бри.

— Сэмми, я второй раз проверю и закончу на этом!

Лестничная дверь захлопывается.

Копия меня вздрагивает и в этот маленький момент потери внимания, я ударяю своей рукой его руку и отклоняю пистолет. Выстрел уходит прямо в пол, и преимущество теперь у меня. Я отталкиваю его назад, и прижимаю его руку к стене. Он выпускает из своей руки пистолет, и тот оказывается в моих руках. Я пришиваю его к месту, неистово прижимая пистолет под подбородок, так что ему приходится смотреть в потолок.

Проход к тюремному блоку распахивается и Бри вбегает внутрь.

— Помоги мне! — Умоляет мой Клон. — Пожалуйста. Это я. Он поймал меня, Копия.

— Отпусти его, — говорит Бри, ее пистолет уже нацелен на меня.

— Бри, он лжет.

— Пристрели его! — подстрекает он. — Пристрели его, пока он не убил нас обоих!

Ее глаза мечутся между нами.

— Отойди от него. — Я не двигаюсь и ее глаза сужаются. — Не испытывай меня.

Отойди прямо сейчас.

— Бри, это я.

— Отодвинься! — Она выглядит свирепой и вдохновленной, полностью собранной. Ее рука ни разу не дрогнула, и я знаю, что она хорошо стреляет. Если она решит нажать на курок, она не промахнется.

Я отхожу на пару шагов от Копии, обе мои руки подняты вверх. Моя Копия выпрямляется.

— Какое твое самое большое сожаление? — спрашивает она нас, и мое сердце теплеет. Это оно. Все будет в порядке.

— То, что я сказал той ночью на пляже. Как я сказал тебе, что я сомневаюсь в нас, сказал, что мы были неправы.

— Он... он пытал меня за этот ответ, — запинаясь говорит Копия меня. — Он заставил меня рассказать ему все. Пожалуйста, ты должна мне доверять. Это я. Грей.

Его игра выше всех похвал: отчаяние, страх. Я впервые понимаю, насколько убедительно все это выглядит. Он безоружен и в одежде, в которой Бри последний раз видела меня. А я до сих пор в форме Ордена. А теперь еще и это — его ложь о том, что я выбил из него ответ, который должен был спасти меня.

Я не хочу, чтобы это решило все, но взгляд Бри убийственен.

— Положи пистолет на пол... медленно... и оттолкни его.

— Бри, это я. Ты должна поверить в это. Я знаю все о тебе. Как ты плохо спишь без шума волн, и про родимое пятно на бедре, и что ты гуттаперчевая. Ты лучший стрелок, которого я знаю, и упрямая, как черт. Также сильная. Настолько чертовски сильная. Ты раньше любила цапель, но сейчас гагары ходят у тебя в любимцах, и ты можешь издать их крик с помощью своих руки. Я видел, как ты делаешь это. И фиолетовый твой любимый цвет, так ведь? Ты однажды сказала об этом в пивнушке. Глубокий, темный, почти черный, пурп...

— Он получил все эти ответы от меня! — закричал Копия. — Он носит эту проклятую форму. Стреляй в него, пока у нас еще есть шанс!

— Пристрели его. Он...

— Пистолет! — требует она. — Оттолкни его, сейчас же.

Я раздумываю, а не застрелить ли мне Копию, но ствол моего пистолета уже направлен в потолок, в то время как ее нацелен в мою грудь. Если я не сделаю того, что она требует, я практически уверен, что умру.

Я отталкиваю его. Она засовывает его за пояс своих штанов.

— Теперь сделай еще пару шагов, — говорит она, указывая пистолетом. — Затем сядь, сложив руки.

Я пачусь назад — медленно, чтобы у нее не возникло причин стрелять — и опускаюсь на пол.

Когда она удовлетворена тем, что я больше не представляю угрозы, она приближается к Копии. Ее голова наклонена набок. Она все еще не уверена. Она ищет ответ в его лице, в его глазах. Мой взгляд следует поверх талии Бри. Ее пояс загружен боеприпасами, но нет ни одного фонарика. У нее нет ни единого шанса распознать его невооруженным взглядом. Не с мигающей сигнализацией — хаотичной пульсацией красного.

— Бри, — говорит Копия меня, делая глубокий вдох. — Спасибо тебе. Я думал ты бы... Я не знал если...

Она подходит ближе. Слишком близко. Он может схватить пистолет с ее пояса, если она не будет осторожна. Ее рука нежно приближается к его левому запястью. Она запускает свою руку под его рубашку и движет ей в направлении локтя, притягивая его ближе. Он, кажется, забыл обо всем остальном, в то время как она тянется к нему для поцелуя. Мой пульс свирепствует. Я вскакиваю на ноги, но прежде чем их губы встречаются, выстрел разрывает воздух.

Копия Меня обрушивается на стену, прижимаю руку к своему животу, там, где Бри держит пистолет. Пистолет, о котором я забыл, потому что вместо этого я смотрел, как она прижималась к нему, чтобы поцеловать. Пистолет, которым она выстрелила ему прямо в брюхо.

— Ты ублюдок, — говорит она. — Ты, в самом деле, думал, что я не узнаю?

Она отпускает его руку и он оседает на пол, его дыхание становится порывистым и учащенным.

Бри протягивает мне пистолет, который я сдал, рукояткой вперед.

— Как ты смогла отличить?

— Его рука, — говорит она. — Там нет шрамов от ожога.

Я трогаю свое левое предплечье, мельком глядя на нее. Ее губа треснула, когда член Ордена ударил ее. Я могу поклясться, что синяк уже проступает на ее шее.

— Бри я...

— Не надо, — говорит она, протягивая мне пистолет, — пока мы не выберемся отсюда.

Это как в том момент, когда я вытащил ее с "Кэтрин" и точно знал, что она хотела сказать, только теперь наоборот. По крайней мере, для нас двоих, и особенно прямо сейчас, слова не нужны.

Я забираю у нее пистолет и отваживаюсь бросить последний взгляд на умирающую Копию, в то время как мы убегаем из тюремного блока.

ПЯТНАДЦАТАЯ

ОДНА ИЗ КАРТ-КЛЮЧЕЙ СЕНТЯБРЯ ала нам возможность пройти через дверь,

находящуюся внизу у начала лестницы и проникнуть на склад. Стремительно прорываясь между высокими рядами ящиков и минуя взбешенных членов Ордена, мы идем уверенно, расправив плечи, с высоко поднятыми головами. Никто нас не остановит. В этой форме, мы просто еще одна пара рабочих. Однако я беспокоюсь насчет того, насколько далеко мы по описаниям Бри находимся от диспетчерской, куда отправились члены Ордена.

Пещероподобный склад переходит в равной степени в пещероподобный центр доставки. Канал предстает перед нами, с длинными причалами по обе стороны, каждый из которых как бы пускает ростки — разветвляется на доки, чем в общем виде становится похожим на дерево. Впереди в доках стоят несколько огромных судов, из-за которых не видно есть ли другие доки с небольшими лодками или их нет вообще. Справа находится док 1Б, который кишит активностью. Похоже, что гигантский корабль находился в процессе погрузки, когда сработала сигнализация. Сейчас, половина экипажа все еще пытается произвести погрузку, пока остальные бегают, указывая между лодкой и складом, отдавая приказы.

— Твою мать, где Фаррестер? — услышал я, как прокричал один из членов Ордена.

— Он не отвечает. Либо линии связи не работают, либо...

Я не могу больше ничего разобрать, в то время как следую за Бри к левому причалу. Мы проходим мимо двух доков — 1А и 2А — когда что-то взрывается позади нас. Я оглядываюсь. Док 1Б в руинах. В корпусе корабля, стоящего в этом доке, образовалась дыра. Поднимается дым. Контейнер с грузом упал в канал.

— Работа Клиппера, — выкрикивает Бри, переходя на бег.

— Он здесь?

Я подозреваю, что устройство слежения, прикрепленное липовой инспекционной группой Бри, замеченное на лодке, никогда не было устройством слежения.

В стену позади нас попадает несколько пуль. Нас наконец-то заметили.

Бри широко шагает, и я делаю то же самое. Примерно на полпути до пристани, она поворачивает в док и прыгает в стоящую там лодку. Лодка небольшая. Мизерная, по сравнению с тем кораблем, который стоял рядом со складом, но на ее борту имеется Франконианский герб и что-то в ее форме подсказывает мне, что она достаточно шустрая. Я запрыгиваю на нее следом за Бри, и лодка оживает, оторвавшись от причала.

— Подождите! Эмма! — говорю я, приседая, чтобы не потерять опору под ногами. — И Харви!

— Харви жив? — спрашивает Бри.

— Как всегда, ты не в курсе, Нокс, — кричит Сэмми. Он стоит рядом с носом лодки, руками держась за штурвал. — Они оба внизу. — Он смотрит на меня. — Блейн?

Все что я могу сделать — это покачать головой.

— Быстрее! — подгоняет Клиппер. Я даже не заметил его, когда мы запрыгнули в лодку, но он сидит позади Сэмми, держа большой сверток в своей левой руке.

— И так быстро! — отзывается Сэмми.

У входа в Комплекс, я вижу сторожевой пост, о котором упоминал Харви — крепко построенное помещение со стеклянными окнами, смотрящими на воду. Из-за окна охранник сигналит нам остановиться. Залив впереди темнеет из-за опускающихся сумерек, у нас будут проблемы, когда мы достигнем его. Ряд зубчатых, металлических столбов возвышаются по всей длине канала, ведущего к Комплексу. Они расположены так, чтобы гарантировать, что ни одна лодка не сможет проскочить, если блокада не будет опущена. Никто, даже такая крошечная лодка, как наша.

— Клиппер? — нерешительно спрашивает Сэмми.

— Мы должны пройти. Мэй обещала, что мы пройдем.

Сэмми не замедляется. Промежуток между столбами выглядит узким. Слишком узким.

Несколько охранников выбегают из помещения охраны на близлежащую открытую палубу и прицеливаются.

Блокада сейчас прямо перед нами.

Как только они открывают огонь, мы пригибаемся. Я могу поклясться, что пуля царапает мое ухо, но в следующий момент мы пролетаем между двух столбов. Ужасный скрежет звучит под нашими ногами — острия вгрызаются в корпус лодки — но в следующий момент мы оказываемся в открытом море. Я вытягиваю шею в направлении Комплекса, вслушиваясь в звуки преследующих нас моторов. Все что я слышу это ветер и наш собственный мотор, ранено звучащий, протекающий. Я осматриваю боковину лодки, пытаюсь обозреть ущерб.

— Я думал, что мы должны пройти.

— Это не имеет значения, — говорит мне Клиппер. — Мы в любом случае скоро будем вычерпывать воду.

— Бри, тащи их сюда для прыжка, — приказывает Сэмми. Она бросается вниз по короткому трапу, чтобы привести Харви и Эмму.

— Прыжок? — вторю я. — К какому берегу мы планируем плыть? — Насколько я вижу, единственная в поле зрения суша — это остров, с которого мы убегает, и наш изначальный план подразумевал, что мы отправимся назад в Сосновый Хребет на замаскированной лодке Ордена.

Сэмми игнорирует мой вопрос, а Клиппер занимает себя закреплением своего громоздкого свертка под своим сидением.

— Послушай, я понял, что корпус пробит, — перекрикиваю я ветер, — но мы замерзнем до смерти в этой воде! — Я помню пронизывающий холод вод Залива, когда тонула «Кэтрин», как это меня парализовало. Дни начали становиться немного теплее, но я сомневаюсь, что вода сильно изменилась. Мы недолго протянем.

— Они погонятся за нами, если они еще этого не делают, — кричит в ответ Сэмми. — Так что мы прыгаем, лодка взрывается, и любой, кто преследует нас, видит взрыв и думает, что нам крышка.

Бри появляется с Харви и Эммой.

— Хорошо, это сигнал! — У меня нет ни одной догадки, на что ссылается Клиппер. — На три. Один... два... три!

Мы прыгаем за борт лодки. При столкновении с водой тянущаяся боль пронесется по моему лицу и царапает мой бок. Я погружаюсь в ледяную воду, хватая воздух, и на мгновение мне становится неясно, где находится путь вверх. Я всплываю, моя одежда становится тяжелой, а мои зубы уже стучат. Недалеко от меня находится наша лодка объятая пламенем. Дым поднимается вверх, как от костра, в то время как воды Залива поглощают лодку.

Я плыву, следуя за Сэмми. Впереди находится еще одна лодка, поразительно похожая на «Кэтрин». Она гасит все свои огни и я отчасти поражен как мы не столкнулись с ней. Веревочная лестница появляется за бортом. Я догадываюсь, что у команды все это время был запасной план.

Мы взбираемся на борт, и нас приветствует пышная женщина, которая раздает больше

толстых одеял, чем кажется естественным иметь под рукой на рыболовецком судне.

— Вытирайтесь как можно лучше, — говорит она, — и потом мы пойдем внутрь и согреем вас как следует.

Бри закутывает себя в одеяло.

— Спасибо Мэй. Мы должны тебе.

Женщина улыбается лучезарной улыбкой и это делает ее уже пухленькие щечки еще более пухлыми.

— А я не получу никакой благодарности? — говорит парень позади ее. Он противоположность Мэй во всех отношениях: высокий и долговязый, с загорелой кожей, несмотря на юношеский проблеск в его глазах.

Мэй толкает его локтем.

— Карл, не уместное время для сарказма.

Я перевожу взгляд между командой и двумя незнакомцами, которые кажется, знают друг друга. Я сбит с толку.

— Внутрь, — говорит Мэй, махая в сторону рулевой рубки. — Как только все согреются и переоденутся в сухую одежду, мы поговорим.

Команда разбредается, Клиппер цепляется за Харви словно потерянное дитя, и мой взгляд смещается к Эмме. Мне так много всего нужно ей сказать, но я не могу заставить ноги двигаться и это, наверное, к лучшему. Она не поверит мне. Как она может поверить после того что произошло в Комплексе.

Она смотрит в мою сторону и ее глаза становятся как кусочки льда.

Скажи ей, что ты сожалеешь о том, что сделал выбор в сторону Блейна.

Но я не делаю этого. Ситуация была ужасной. И я не жалею, что пытался спасти своего брата.

Тогда скажи ей, что ты простишь ее за Кроу. Скажи ей, что ты на сегодняшний день уже пережил это.

Но я не хочу обманывать ее. Мое сердце в другом месте — привязано к другому человеку — и я не могу изменить это. И не хотел бы, если бы даже мог.

По крайней мере, скажи ей, что ты все еще заботишься о ней. Что ты всегда будешь это делать.

Но она не поверит в это. Не после того, что случилось с Блейном и моей Копией, и...

Она все еще пристально смотрит на меня.

Сэмми относится к ней с опаской, как будто она призрак, который пугает его, но он не может заставить себя отвести взгляд.

Вот такая хаотичная жизнь. Все в ней перемешивается и путается, и завязывается. Почему это не может быть легко? Бри сказала бы по этому поводу, что-то типа того: *что если будет легко, то будет скучно*, и она, вероятно, права, но в данный момент я бы любил «скучно». Я бы любил простоту и понятность, связанные вместе симпатичным бантиком. Я бы любил, чтобы не было никаких сюрпризов, и было всем счастье и все, что они пожелают. Сейчас «скучно» звучит чертовски идеально.

Сэмми достаточно долго отрывает свой взгляд от Эммы, чтобы взглянуть в мою сторону, и я даю ему обнадеживающий кивок. Я не знаю, почему он просит разрешение. Он в этом не нуждается.

— Привет, — говорит Сэмми Эмме. — Я был немного занят представлением ранее — побегом и взрывами и всем прочим — так вот, я — Сэмми.

Он протягивает руку.

— Эмма. — Она жмет ему руку. — И спасибо, что освободил меня из камеры.

— Это был небольшой крюк, и он абсолютно стоил того, чтобы ты мне сказала эти слова.

Он ослепляет ее улыбкой. Она награждает его ответной. Вот так просто, так легко Сэмми направляет их на нужный курс.

Я надеюсь, что это продолжится и будет для них легко. Я надеюсь, что это будет просто и скучно, и совершенно без усилий. Они оба заслуживают второй шанс.

ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВСЕ БЫЛО ТАК: команда нашла контейнер с водой, который мы с Блейном уронили в Сосновом Хребте, и после отправились по следу, зная, что мы были скомпрометированы. Возвратившись в книжный магазин, они выдвигали теории о том, как это произошло. Бри упомянула о вечере, проведенном с Гейджем в пабе — как он вынюхивал подробности относительно операции — и Барсук сложил одно с другим...

Команда была готова, когда он прибыл поздно вечером. Гейдж успел сделать только один выстрел, который ранил Барсука в плечо, прежде чем его обезоружили. После некоторых убеждений, он сдался и заговорил, рассказав, что мы с Блейном были забраны в Комплекс для допроса.

— Барсук с Адамом решили, что отправляться за вами будет слишком рискованно, — объяснила Бри. Наша команда сейчас переделалась в сухую одежду и сидела в тесной рубке с Мэй и Карлом, который рулил по направлению к Сосновому Хребту. — Они сказали, что наш план был достаточно хорош для того, чтобы попасть внутрь, порыскать там, *осмотреться* и *понаблюдать*, но не для того, чтобы кого-то вызволять. Я сказала им, что это жалкое оправдание, что у нас есть все необходимое, чтобы добраться до вас, ребята, и не сделать этого было бы подло.

— Сестра Чарли, — говорит Сэмми, указывая на Мэй, — прибыла на замаскированной под Орден лодке только для того, чтобы узнать, что операцию отменили. Конечно, Бри не сдалась. Продолжала разглагольствовать о том, что это неправильно, что мы не можем оставить тебя. Черт побери, я думал так же. — Сэмми похлопал себя по груди, как будто я мог сомневаться в нем. — Я имею в виду, что мы практически одна семья.

Клиппер кивает в согласии.

Я чувствую, как мою грудь распирает то же чувство. Я точно знаю, что они имеют в виду. Я знаю все слишком хорошо, но если я попытаюсь обратить это в слова, я задохнусь.

— Так *как* ты изменила их мнение? — спрашивает Харви.

— Мы этого не сделали. Адам и Барсук никогда не одобряли этого. — Бри указывает жестом на лодку. — Я организовала вылазку за их спинами. Инспекционная команда должна была прибыть поздно в пятницу вечером, так что я решила, что мы должны сделать то, что мы всегда планировали — внедриться. Задача была в том, чтобы добраться до Комплекса на пару часов раньше.

— И мы бы не смогли этого сделать без Карла и Мэй, — добавляет Сэмми. — Их подмененная лодка Ордена позволила нам войти, а их траулер ждал, чтобы подобрать нас, как только мы сбежим.

— Я благодарен и все такое, но я все еще в замешательстве. — Я смотрю в направлении

Карла и Мэй. — Адам не думал, что это возможно сделать, но он по крайней мере знал меня и Блейна. Почему вы двое рисковали всем из-за незнакомцев?

— Просто инстинкт, — засияла Мэй, ее щеки надулись, как свежие булочки. — Все то время, после моего прибытия в книжный магазин, Бри места себе не находила и это... Я думаю, это напомнило нам о нашей ситуации, не так ли, дорогой? — Она посмотрела на Карла, который кивнул. — Однажды я на многое поставила, чтобы вытащить Карла из плохой ситуации и иногда стоит рискнуть, несмотря на шансы. Особенно для людей, которых вы любите.

Бри выглядит униженной — она возможно даже покраснела — но я заикнулся на словах Мэй. В памяти всплыло письмо, которое я нашел в заброшенном доме в Бон Харборе несколько месяцев назад. Любовное письмо, адресованное человеку по имени Карл, умоляющее его приехать на запад, говорившее, что ее брат Чарли — Экспат — поможет утопить лодку, чтобы замести следы.

— Вы двое, — говорю я, все еще уставившись на них. — Карл из Бон Харбора.

Мэй касается своей груди.

— Откуда ты узнал это?

— И Чарли, твой брат... Я думал, что он был рыбаком. Что вы оба были.

— Наша мать умерла несколько месяцев назад, и теперь, когда ее не стало, мы с Чарли делим наше время между морем и магазином. — Мэй опять спрашивает меня, как я узнал о Карле, и я быстро рассказываю про письмо, что оно было одним из тех вещей, которое заставило Повстанцев посмотреть на ЭмВест с другой стороны в этом бардаке.

Это так странно, как все в жизни переплетается. По какой-то причине, это не шокирует меня так сильно, как могло бы. Вместо этого, я чувствую себя невероятно счастливым. Что Карл достаточно волновался за Мэй и сбежал с ней. Мэй своевременно среагировала на причитания Бри в Сосновом Хребте, чтобы помочь с освобождением. Что Адам привел нас в Барсуку, который работал в магазине Чарли, где все вместе и собрались. Вот такая сложная паутина взаимоотношений.

— Мы сбежали до того, как Адам и Барсук встали этим утром, — объясняет Бри. — Добраться до доков было достаточно легко с лодкой и обмундированием. Клиппер установил взрывчатку — имея гидрокостюм и все, чтобы было ему нужно, чтобы оставаться не увиденным — и после того, как мы с Сэмми предупредили Орден, что обнаружили "устройство слежения", мы отправились внутрь. Все шло по плану, пока не сработала сигнализация.

Она не знает, как много я увидел в комнате для допросов, и продолжает дальше историю. Я слушаю, как она продолжает — про охранников, как Сэмми выручил ее из передраги, про обнаружение в камерах только Эммы. Я едва слушаю ее. Я ловлю ее жесты и то, как она говорит с такой убежденностью. Я хочу сказать ей, какое у меня было чувство, когда я увидел ее на экранах. Я хочу сказать ей, что она удивительна.

— Бри отказалась уезжать без тебя, поэтому я взял Эмму на лодку, — прерывает Сэмми.

— Я, однако, до сих пор не понимаю почему, — бормочет Эмма. — Я чужая.

— Эм, Грею, вероятно, следует объяснить это тебе позже, — говорит он. Я не виню Сэмми в его нежелании донести новости до Эммы. Кто хочет сказать кому-то, что их Копия пыталась убить половину людей на этом корабле? Она дает мне еще один ледяной взгляд, когда он продолжает. — Когда я добрался до лодки, Харви — кто, предположительно, должен быть мертв — стоял там, обнявшись с Клиппером. Мальчик обнимал его, как

плюшевого медвежонка.

— Я проверил сначала его глаза! — сказал Клиппер. — Я знал, кем он был, но он казался... Я не знаю. Было что-то другое в нем. И он сказал, что помогал Грею. — Клиппер повернулся ко мне лицом. — Это правда?

— Да, Харви слушал Моцарта в то время как я напомнил ему о его прошлой жизни, и это вернуло его на путь истинный. Теперь он, как Джексон, неисправная Копия.

— Ты говоришь *неисправная*, как будто это плохо, — говорит Харви, в то время как Бри выглядит не обрадованной.

— Итак, Блейн, — начинает нерешительно Эмма. — Он на самом деле...? Я имею в виду, я слышала, но я надеялась...

Мой брат...

Они бросят его тело в воду, и соль разъест его? Он будет где-то оседать на дно Залива, как мой отец?

В рубке внезапно становится душно.

Слишком боюсь увидеть жалость на их лицах, я ухожу без оглядки.

На палубе холодно и я сжимаю ледяные перила, просто чтобы почувствовать их жжение.

Если бы я не погнался за Эммой в Сосновом Хребте...

Если бы я не напал на свою Копию и не пытался бежать...

Был бы тогда Блейн жив?

Я смотрю на горизонт, как темно-фиолетовая линия сливается с ночным небом. Если бы он был здесь, Блейн захотел бы сказать мне, что я не загонялся. Он, наверное, даже утверждал бы, что такой исход был лучшим, что он бы хотел, чтобы я жил, если бы это мог быть только один из нас. Потому что таким был Блейн: во всем наводил порядок, оценивал жизни, как будто они были вещами, которые можно обменять на рынке.

Настоящая ирония была в том, что я впервые с ним согласился. Я *могу* сравнить эти две жизни... мою и его... и мне хочется, чтобы все было иначе. У него есть дочь, причина жить. Он такой... *был*... таким хорошим человеком. Во всем. До самого центра своего существа. Если кто и должен был выжить так это он. Хотел бы я иметь возможность принять ту пулю вместо него.

— Эй.

Я вздрагиваю от близости голоса Бри. Она стоит в полтора десятков шагов от меня, одеяло все еще висит на ее плечах, ее лицо мрачное. Меня убивает — этот взгляд. Он такой, как будто она может почувствовать то же, что я чувствую, хотя я не прошу ее об этом. Хотя она и не должна. Потому что я не пожелаю этого никому — ни горя, ни и вины, ни ужасной, ноющей пустоты.

Она присоединяется ко мне и облакачивается на перила.

— Моя Ма говорила мне, что умершие никогда не покидают нас, — произносит она. — Она утверждала, что они просто изменив форму, возвращаются на землю, в море, в небо. Иногда я заставляла ее за шептанием на звезды, как будто мой отец был где-то там и слушал. — Бри сжимает перила, а потом позволяет весу своего тела упереться на них, раскинув руки. Одеяло чуть не сваливается с ее плеч.

— Я думала, что она врет. Смерть есть смерть, ведь так? Вся эта причудливая поэзия — это просто способ людей скрыть боль. Но одной ночью после смерти друга, я попыталась поговорить со звездами, и я клянусь, это помогло. Это не изменило того факта что его нет,

или того как это было несправедливо, но я почувствовала себя менее одинокой. Более приземленной. Как будто я на самом деле могу быть снова в порядке.

Я пытаюсь собраться, но ее слова это слишком. Звезды сейчас кажутся исключительно яркими, и когда я смотрю на них, я слышу, как Блейн взывает ко мне, снова и снова.

— Эй, — снова говорит Бри, ее глаза ищут мои. — Все в порядке.

И эти слова ломают меня, потому что ничего не в порядке. Никогда не будет в порядке: он — умер.

Я сползаю на палубу, и руки Бри обнимают меня, одновременно накрывая одеялом. Она одной рукой гладит мои волосы, другой спину. Моя голова покоится на ее груди и мне слышно ее сердцебиение, чувствую ритм ее неровного дыхания. Она притягивает меня к себе все ближе и ближе.

— Все образуется, — шепчет она. — Я обещаю.

Ее дыхание теплое, несмотря на холодный мартовский вечер, и, как она шепчет эти невозможные обещания в мои волосы, повторяя их снова и снова, я понимаю, насколько мы близки. Ее спина под моей ладонью, выпуклость ее груди под моей щекой. Она пахнет морской солью. Ее шея всего в нескольких дюймах от моего рта. Я хочу поцеловать ее, наклониться и потерять себя в прикосновениях к ее коже. Она смотрит на меня и замолкает, наши губы останавливаются в дюйме друг от друга.

Она не скажет мне, что это снова была ошибка. Я знаю это по страстному желанию в ее глазах и то, как ее тело дрожит, когда мои руки скользят по ее бедру. Осознание того что мое прикосновение это причина по которой она так реагирует, заставляет меня хотеть ее больше чем когда-либо. Я начинаю думать о том, как еще ее тело может двигаться под моими руками, как мы можем двигаться вместе если...

Я вскакиваю на ноги и даю холодному ветру разбудить меня.

Что со мной не так? Блейн мертв... он *мертв!* А я думаю совершенно не теми частями своего тела.

— Грей?

— Я не могу. Даже когда я выговариваю слова, все на чем я могу сфокусироваться это то, как она ощущается в моих руках. — Я просто... — Я смотрю на нее, желая, чтобы она поняла. — Он мертв, Бри.

— Да и это ужасно. Это будет ужасно еще долгое, долгое время. Возможно всегда. Но это не означает, что ты обязан отныне страдать каждую минуту своего существования.

— Слишком рано.

— Я не говорю, что тебе следует о нем забыть, Грей, или что когда-либо боль уйдет. Я говорю, что ты не должен заставлять себя страдать больше чем необходимо, только и всего.

— Ты не знаешь, как это ощущается, Бри. Как это заживо меня пожирает. Как любое чувство *кроме* боли кажется неуважением по отношению к нему.

— Нет, я понимаю тебя слишком хорошо... Я тоже теряла людей, которых я любила.

Конечно, отца, которого она практически не успела узнать до его Похищения. Мать, на потерю которой у нее ушли годы, чтобы примириться с этим — точно так же, как и у меня. Но ничего похожего на *это*. Ничего не произошло из этого недавно, и память об этом не была так свежа, и это не было практически частью ее. Она не подпускает людей близко к себе, так кого она могла бы, возможно, потерять, что бы эта потеря могла заставить ее чувствовать то же самое, что чувствую я прямо сейчас?

— Наказывая себя... заставляя себя страдать... не улучшит ситуацию. Она тянется ко

мне, и я отступаю назад. — Грей, я серьезно.

— Почему ты так настаиваешь на этом? Ты сказала мне в Сосновом Хребте, что не можешь, что это была ошибка. А сейчас все это изменилось? — Я могу слышать, как мой голос повышается, но это хорошее чувство, как будто я выплевываю отраву. — А теперь ты хочешь выбросить два последних месяца игнорирования меня в окно? Как удобно. Как точно рассчитано. Потому что догадайся, кто сейчас не может, Бри? Я! *Яне могу*. Тебе нужно найти кого-нибудь другого, если ты так отчаялась. Черт, я уверен, что Гейдж охотно согласится.

Это удар ниже пояса и я сожалею в ту же секунду, как это выходит из моего рта.

— Гейдж мертв. Барсук выстрелил ему в рот.

— Недостаточно рано! — Все что я могу видеть так это: как все слишком рано, слишком поздно, как все невозможно восстановить. — Я говорил тебе, что я не доверяю ему, но ты позволяла ему раскапывать информацию той ночью в пабе... позволяла ему флиртовать и покупать напитки и задавать вопросы, и Блейн все еще мог быть жив если бы...

— Ох, не смей этого делать! — огрызается она. — Я знаю, что ты расстроен, и опустошен, но нет! Только не это. Это не справедливо. Ты представляешь, что мы сделали... я сделала... чтобы добраться до тебя? Я пристрелила больше дюжины человек из-за тебя. Один из них не мог быть намного старше нас. Это разрывает меня на части, так что не заставляй меня сожалеть об этом.

— Никто не заставлял тебя убивать их, Бри. Или возвращаться за мной.

— Ух, ты сводишь меня с ума! — выкрикивает она. — Только потому, что *ты* испытываешь боль, не означает, что ты имеешь право делать больно всем остальным, Грей. Если ты продолжишь это делать, то никого не будет здесь, когда ты на самом деле будешь в ком-то нуждаться. Даже меня.

Она разворачивается и уходит.

Я смотрю ей в след, проглотив язык, пытаюсь понять, как я перешел от нытья к ярости за считанные секунды. Ранее я хотел сказать ей, что она была потрясающая, и есть потрясающая. Почему я не сказал это вместо тех вещей, в которые я не верю? Она это все, что у меня осталось, и я просто оттолкнул ее.

Хоть убейте, я не знаю, почему я это сделал.

СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЕЗДКА В СОСНОВЫЙ ХРЕБЕТ На траулере Мэй забирает намного больше времени, чем потребовалось на лодке Гейджа. Наше путешествие осложняется тем, что мы не прекращаем оглядываться назад, ожидая появления огней преследующей нас лодки.

Я не понимаю, почему нас не преследуют.

— Они, вероятно, слишком заняты, пытаюсь спасти тот драгоценный корабль, который подорвал Клиппер, — выдвинул предположение Сэмми. — Или, может быть, охранный барьер сломался, когда мы в него врезались. Заблокировался, заперев их в ловушку.

— У них есть штуки, которые летают, — замечаю я.

— Вы взорвали свою лодку, — говорит Карл, одной рукой обнимая Мэй за шею, а другой, держа руль. — Может быть, они думают, что вы мертвы.

Все хранят молчание после его слов. Для меня это кажется слишком большим везением.

Мы забрали Харви, одного из самых ценных ресурсов Франка. Как это возможно, что он не позаботился прочесать Залив в наших поисках? Или это потому, что он уже получил то, что ему было нужно от Харви? Неограниченное количество Копий, запущенное в производство. И если это так, то, что насчет меня? Какой был смысл тащить меня всю ту дорогу туда, только чтобы дать мне ускользнуть, перед получением любой полезной информации? Возможно, Франк решил, что это дело безнадежно, потому что теперь моя Копия мертва и у него нет прообраза, чтобы перерисовать мои шрамы.

Я смотрю сквозь стеклянные окна, окружающие рулевую рубку, на Харви с Клиппером, стоящих на открытой палубе. Клиппер не перестает улыбаться с тех пор как они туда вышли. Я не знаю, что они обсуждают, но я решаю, что это не имеет значения, потому что Клиппер выглядит счастливее, чем я выдел его за эти месяцы. Он рассказывает историю, много жестикулирует. Харви пристально и терпеливо смотрит поверх очков. Его рот формирует шокирующее: «*Нет!*» в ответ на нечто, что говорит Клиппер. Мальчик энергично кивает, все еще сияя, и Харви покачивает своей головой в восхищении. Он говорит что-то еще и лицо Клиппера внезапно дает слабину. Потом он бросается к Харви и обнимает его за пояс. Копия обнимает его в ответ. Как отец.

— Мы почти на месте, — объявляет Карл.

Мэй покачивается на носочках.

— Сэмми, сможешь мне на палубе? — И потом обращается ко мне: — Почему бы тебе не сгонять к девчонкам. Я думаю, они пошли прилечь на минутку.

Я никогда в жизни так сильно не хотел иметь дело с веревками и буями.

Я покидаю мостик и спускаюсь вниз по трапу к каютам экипажа. Проход пугающе похож на тот, что был на «Кэтрин». В последний раз, когда я спускался вниз, в похожий на этот коридор в поисках Бри, я не знал, найду ли я ее живой.

Голоса доносятся из одной из передних кают. Они не дремлют, как говорила Мэй, и я не полностью понял, почему я начал идти так тихо, как только возможно.

— Я уверена, что он хотел спасти вас двоих, — говорит Бри, ее голос необычайно мягок. Полон сочувствия. — Сердце Грея намного больше, чем он хочет это показать.

— Ты долго его знаешь?

— Достаточно долго.

Возникает короткая пауза, и потом Эмма говорит:

— Я не могу его простить за это. Я никогда не буду способна смотреть на него и *не* думать о том моменте.

Хотел бы я быть способным рассказать Бри про мою Копию, выбор к которому он меня вынудил. Мне следовало положиться на нее ранее, объяснить почему это все так чертовски больно, рассказать о том, что я прошел, вместо того чтобы обвинять ее в чем-то что не является ее ошибкой.

— Я полностью тебя понимаю, Эмма, но в тоже время, разве это справедливо? Это была самая ужасная ситуация в которой только можно было оказаться.

— Ничто в жизни несправедливо. Большинство из этого удача, и даже тогда все умудряются облажаться по крайней мере хоть раз.

Бри смеется.

— Ты чертовски мне нравишься, намного больше чем твоя Копия.

— *Что?*

— Не обращай внимания.

— Нет. Ты не можешь сказать «*моя Копия*», а потом сменить тему.

— Я вправду думаю, что Грею следует тебе это объяснить, как сказал Сэмми.

— Бри, — говорит Эмма, и ее голос также резок, как звук хлопающей двери. — Я больше не жду объяснений. Франк заставил меня заботиться о некоторых из них в госпитале. Я точно знаю, что они такое и на что они способны, так что не думай, что ты делаешь мне одолжение, избавляя меня от правды. Что ты имела в виду, когда говорила *моя Копия*?

Бри вздыхает.

— Грей думал, что это была ты, девушка, которую он вернул назад в Долину Расселин. Она отправилась с нами на запад к Группе А, была у нас медиком, и ждала идеального момента чтобы предать нашу команду. К тому моменту, когда мы осознали что она Копия, она несколько раз слила нашу информацию.

— Что?... Я не могу... она все еще там? — спрашивает Эмма. — Пожалуйста, скажи мне, что нет. Пожалуйста, скажи мне, что она не...

— Она мертва, — говорит Бри. — Я застрелила ее.

Раздаются приглушенные всхлипывания, и затем высвобождаются слезы. Я слышу, как Бри неловко пытается успокоить Эмму, говоря ей перестать плакать, что все кончено. Мои ноги отказываются двигаться, так что я просто стою там в нескольких шагах от комнаты, совершенно бесполезный. Каким бы я, скорее всего, был бы также и в комнате. Я никогда не был хорош в моментах подобного рода.

— Я могла его убить, — говорит Эмма.

— Франка? Никто бы здесь не осудил этого. — Бри на мгновение замолкает. — Слушай, я понимаю. Я знаю, насколько ужасен Орден. Невозможно столкнуться с ним и уйти без единого шрама... физического или иного. И да, жизнь не всегда справедлива, и большинство из *этого* удача, но если все однажды облажаются, как ты заявила, тогда скоро придет очередь Ордена. Мы дадим им сильный пинок в правильном направлении. Очень скоро. Команда так долго планирует, что я почти готова взорваться.

— Ты скажешь им, что я...

— У тебя был незначительный нервный срыв, какой был бы у любого вменяемого человека, когда бы он узнал, что у него был злой двойник. Нет. Нет, только если ты сама этого не захочешь.

— Не очень, — говорит Эмма.

— Тогда я не скажу. Seriously, я не шучу. Почему ты на меня так смотришь?

— Сэмми сказал мне, что ты можешь быть грубой.

— Сэмми такое сказал? — Мягкость в голосе Бри исчезла. — Я надеру его жалкую задницу, когда мы вернемся на сушу.

— Вот *видишь*, — говорит Эмма, и я представляю, как она указывает пальцем на Бри. — Это звучит более похоже на то, насчет чего он меня предупреждал.

— Я не грубая, — настаивает Бри. — Я просто не думаю, что есть смысл терпеть дерьмо от кого бы то ни было. Слишком много людей позволяют вытирать об себя ноги, а я много лет назад решила говорить то, во что я верю и не извиняться за это. Некоторые люди называют это грубостью. Я думаю это искренность.

— Но что если ты ошиблась насчет чего-то? Тогда ты извиняешься?

— Не всегда так скоро как должна. Но да. После того как наберусь смелости.

Я чувствую себя, как будто я подслушиваю, как незнакомцы становятся друзьями в течение пяти минут, и это заставляет меня чувствовать себя неловко. Незнакомцы должны

воздвигать стены. Они должны ждать подтверждения того, что собеседник порядочный и стоящий доверия.

— Спасибо за это. — Эмма испускает тяжелый вздох. — Я чувствую себя, как будто я не общалась ни с кем на протяжении месяцев. На самом деле, иногда я чувствую, что также долго не смеялась.

— Тогда нам, наверное, стоит найти Сэмми, — предлагает Бри. — Он для этого подходит. И, кроме того, я задолжала ему частицу моего искреннего внимания.

Я перехожу к действию, шумно прохожу оставшуюся длину коридора так, чтобы они услышали мое приближение, и стучусь в дверную раму.

— Мы приближаемся к берегу, — говорю я, облокотившись на косяк двери. Они вместе сидят на нижней койке, Эмма с прижатыми к груди коленями, Бри с одной ногой подогнутой по себя, а другой свисающей с края койки. Только Бри встречает мой взгляд.

— Замечательно. Мы сейчас поднимемся.

Они дали мне понять, что хотят остаться одни, что я не должен их ждать.

На палубе я счастлив помочь Сэмми и Мэй пришвартовать лодку. Это простое задание с ясным концом и целью, и без сюрпризов. Оснастка закреплена. Снасти выгружены. Все имеет смысл.

Город спит, когда мы высаживаемся. Дым лениво струится из дымоходов и огни светятся только в нескольких окнах.

— Будьте на чеку, — предупреждает Карл.

— Для чего? — Сэмми достает свой пистолет, однако я настроен скептически насчет того, что он сработает, после того как побывал в соленой воде.

— Ничто не ждет нас здесь, но это не означает, что кто-нибудь не ждет там. — Карл указывает в направлении книжного магазина.

Харви протягивает руку.

— Дай мне запасной. Я не хочу быть невооруженным, если мы можем с чем-нибудь столкнуться.

Это желание иметь при себе оружие так не похоже на Харви, но Сэмми передает запасной нож без разговоров. Харви ворчит, и он смотрит в направлении Бри. Она стоит на краю причала, лицом к Заливу, и очевидно, что у нее есть достаточно оружия, чтобы поделиться. Винтовка возвращена на место за ее спиной, и два пистолета находятся в кобурах на ее бедрах. В конце концов, Харви не спорит. Он привлекает Клиппера немного ближе к себе и посильнее перехватывает рукоятку ножа.

Как только мы начинаем идти к магазину, крик гагары прорывается сквозь ночь. Я поворачиваюсь к воде. Не крик гагары. Бри. Она все еще стоит на краю причала, ее руки сложены у губ. Ее плечи двигаются, в то время как она делает очередной вдох, за которым следует очередной плач, свист, который издается при помощи рук.

Я знаю что она не получит настоящего ответа... слишком поздно для птиц быть здесь... но песня, которую она производит так красива, что я все равно стою, очарованный. Она звучит, как будто прощание, и я решаю, что по крайней мере для меня и Блейна так и есть. Я пытаюсь создать собственную песню, и неудивительно, что я терплю неудачу.

Я слушаю зов Бри, смотрю вверх на звезды и говорю с Блейном в уголках моего сознания. Я обещаю ему, что я все улажу. Я вернусь к Кейл, обниму ее за нас обоих, буду для нее отцом насколько это возможно для меня, теперь, когда его нет. Я позабочусь о том, чтобы его смерть была не напрасной.

С этими обещаниями, боль внутри становится огнем, топливом, причиной жить дальше. Я на самом деле чувствую, как это происходит. Внутри меня что-то переворачивается и боль превращается в твердую решимость. Я чувствую себя таким одержимым, в согласии со своими словами, обращенными к Блейну, что я понимаю, что у меня нет другого выбора, кроме как достигнуть цели. Я все сделаю правильно, или умру пытаясь. И я полностью с этим смирился.

Бри опускает руки, резко обрывая крик гагары. Когда она оборачивается ко мне, я чувствую, как будто кроме нас двоих в мире больше никого нет.

— Я так сожалею о том, что было ранее, — говорю я. — Я не хотел этого.

— Я знаю.

— Бри, ты последний человек, которого я хочу оттолкнуть. Когда-либо. Но я не соображал и...

— Я знаю, — говорит она кратко. — Но спасибо тебе.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— **ЧТО ЕСЛИ БЫ ВАС ПОЙМАЛИ?**— кричит Барсук. — Что если бы они связали форму с Мерси? *Со мной?*

Мы вернулись в жилище Чарли над книжным магазином, и вот так нас приветствуют.

— Мэй? — насаждает на нее Барсук. — Я должен твоей Ма за то, что она позволяла мне проводить операции в потайной комнате, но я не должен тебе. — Барсук держит палец в дюймах от ее носа. — Если ты взяла ту лодку, даже когда я сказал тебе не делать этого, я клянусь я...

— Это была я, — говорит Бри. — Никто бы не пошел против твоих приказов, если бы я не убедила их.

— Ты бестолковая, глупая...

В ту секунду, когда рука Барсука сжимает ее подбородок, я отталкиваю его.

— Не трогай ее, — огрызаюсь я.

— Я буду делать все что мне, черт побери, понадобится, когда моя команда игнорирует мои приказы.

Он снова приближается, и в этот раз я толкаю его ладонями в грудь. Он достает свой пистолет, а я достаю свой и в мгновение ока мы оба стоим в центре гостиной, наставив друг на друга стволы.

— Она единственная причина, из-за которой я еще жив, — огрызаюсь я. — Она и эта команда.

— Все могло пойти по другому сценарию.

— Но не прошло, и ты не можешь попрекать этим Бри... или любого из них... за мое освобождение и за завершение твоей чертовой операции в процессе этого. Потому что это то, что мы сделали. Я получил всю информацию, за которой ты гонялся и к тому же еще кое-что. Мы можем разобраться, что делать с этим, вместе, или ты можешь катиться к черту.

Барсук сузив глаза, разглядывает меня сквозь прицел своего пистолета.

— Грей, я сожалею, что мы не пришли за тобой, — говорит Адам. — Я на самом деле сожалею. Мы не могли рисковать.

— Дело сделано, Адам, — говорю я. — Единственная вещь, которую мы контролируем это то, что последует за этим, и это то на чем я хочу сфокусироваться.

Несмотря на позднее время, мы оказываемся за кухонным столом, наши разногласия временно отброшены. Я подробно излагаю о времени проведенном в Комплексе. Каждую мельчайшую деталь, от информации, которая интересовала Орден — до допроса, который мне пришлось вынести. Рассказываю о производственной лаборатории, неограниченных Копиях и подвожу к тому, как сломался Харви и как он поспособствовал моему побегу.

— Все хуже, чем мы думали, — говорит Адам. — Если Франк владеет таким количеством, если он уже укомплектовал ими свои города, у нас не будет и шанса.

— На самом деле, — говорит Харви, — это не совсем правда. — Он выворачивает свой рюкзак на стол. Куча технического оборудования вываливается наружу, обмотанное чем-то типа водонепроницаемой пленки.

— Что на жестких дисках? — спрашивает Клиппер.

— Исследования, копии файлов, возможно, ваше спасение. — Это должно быть план на который намекал Харви, и вещи, которые он ходил забирать после того как оставил меня частично развязанным в комнате допросов. — Мне понадобится доступ к компьютеру, и некоторое время, чтобы покопаться во всем, но я полон надежды. Эта идея, что у меня есть... Она просто может... Что же, я лучше подтверждаю, что она сработает, прежде чем давать вам всем ложную надежду.

— Можно Харви поработать на твоём оборудовании? — спрашивает у Барсука Адам.

— Конечно.

— Вот так просто? — говорит Бри, щелкая своими пальцами. — Мы пустим его прямо в наш внутренний круг и дадим ему доступ ко всему, что он захочет?

— Бри, перестань, — говорит Клиппер.

— Я знаю, что ты этому рад, Клип, но он по-прежнему только Копия. Та, кто очень быстро вышла из повиновения. У Джексона это заняло целую вечность, чтобы решиться помогать нам, а Харви обернулся, как будто щелкнул переключатель.

Я открываю рот, чтобы поспорить, но я не произношу ни слова. Не *поэтому ли* Орден не последовал за нами из Комплекса? Они *хотят*, чтобы Харви был здесь, с нами? Возможно ли, что я привел шпиона... одного из самых выдающихся людей, которого я знаю... прямо во внутренний круг Экспатов? Это заставляет меня содрогнуться.

— Я развязал Грея в лаборатории для допросов, — говорит Харви, пристально смотря на Бри. — Я сказал ему как добраться до доков.

— И возможно затем ты сообщишь Ордену, как нас найти, — бросает она в ответ.

— Его датчик слежения! — говорит Адам, вскакивая на ноги.

— Я вырезал его на лодке, — говорит Клиппер. — У Эммы тоже. Пришлось сделать это по старинке... ножом и больно... но те чипы на дне Залива.

Харви отодвигает воротничок своей куртки, чтобы показать бинты. Я, должно быть, был на палубе, когда это происходило. Извергал всю мою боль на Бри. Вел себя отвратительно.

— Видишь? Он чист, — говорит Клиппер Бри. — Я не спущу с него глаз. Я буду каждую секунду следить за ним в лаборатории. Я обещаю.

— Сделаешь хоть одно подозрительное движение, — говорит Бри, наклоняясь к Харви через стол, — и я вырву твой ноготь так же, как ты делал это с Греем. Только я не остановлюсь на одном. Ты слышишь меня, Харви? — Затем она наклоняется к моему плечу и шепчет: — Нам не следует спускать с него глаз. Что-то здесь не так.

Я киваю, надеясь, что она ошибается.

Но Бри не часто ошибается. И это не предвещает ничего хорошего.

Под пологом ночи мы перемещаемся из книжного магазина в отель на окраине города. Даже не смотря на то, что Барсук позаботился о Гейдже и о паре человек, которые ему помогали, Адаму кажется, что магазин больше не является безопасным местом.

— Я не понимаю, — говорю я ему, в то время как мы идем. — У нас есть Харви. Почему они не пошли за нами?

Он пожимает плечами.

— Они, вероятно, думают, что он мертв... что мы убили его и выбросили его за борт. Там где его датчик слежения перестал работать.

— Они слишком умны, чтобы не найти подтверждения. Почему доки не были наводнены членами Ордена?

— У нас некоторое время был хрупкий договор с Востоком. Они могли заходить в наши воды, но в большей части, они уважают границы.

— Но почему они уважают границы? У меня такое чувство, что Франк мог бы захватить нас в мгновение ока.

— Если ты веришь тому, что слышишь вокруг костров и после парочки напитков, — говорит Адам. — У Франка был ребенок от какой-то занимающей низкое положение в Объединенном Центре кухарки много лет назад. Она была молода, и таким образом это держалось в тайне, и они никогда не вступали в брак. Когда методы правления Франка в ЭмИсте стали невыносимыми для девушки, она, вероятно, забрала их ребенка и сбежала на запад. Некоторые люди считают, что Франк боится агрессивной атаки потому что, он все еще надеется на воссоединение со своим сыном, и не хочет подвергать опасности жизнь парня. Ну, на настоящий момент, *мужчины*, учитывая, сколько времени прошло.

Я чешу свой затылок.

— Я никогда не слышал про то, что у него есть сын.

— Ты и не мог слышать. Это рассказы ЭмВеста. Люди идут на все виды крайностей, чтобы успокоится, даже если это означает сочинение сказок.

— Ты думаешь это всего лишь сказка?

— Вик говорит, что весь рассказ смехотворный, и я согласен с ним.

Мы приостанавливаемся возле отеля. Я замечаю эмблему Экспатов вырезанную в основании дверной рамы заведения, достаточно небрежно, так чтобы большинству пришлось бы бросить второй взгляд. Адам обменивается несколькими словами с владельцем, три пальца растопыриваются на его груди в приветствии, и обеспечивают нам комнаты на ночь. Он берет одну для себя, и пару для остальных, а потом уходит.

Я следую за Сэмми в комнату, которую мы будем с ним делить.

Она маленькая, с одиноким окном, смотрящим на грязный переулок, но кровати просторные, покрытые истонченными стегаными одеялами с цветами Экспатов. Здесь также чувствуется слабый специфический запах бездействия... пыль и спертый воздух... что подразумевает, что в этом месте не бывает много завсегдаев.

— Я чувствую себя как будто бы я в пещере, — говорит Сэмми.

— С кроватью?

— Я чувствую себя как будто бы я в уютной, но в тускло-освещенной пещере.

Я бросаю свою сумку возле окна, слишком уставший, чтобы учтиво засмеяться на его шутку.

— Эй, насчет Блейна...

— Если ты собираешься сказать, что ты сожалешь, или что это ужасно, или что ты не

можешь представить какво это, пожалуйста, не надо.

— Я собирался предложить сказать пару слов. И если ты захочешь, мы могли бы разжечь позже костер. Что-то вроде того, что мы делали после Бурга.

Я нахожу себя обнимающим его, прежде чем я сознательно решаю это сделать. Он немного выше Блейна и более худощавого телосложения, и в момент, когда я обращаю внимание на эти едва заметные различия, мои глаза начинают гореть.

Я отстраняюсь, бормоча слова благодарности.

— Мы заставим их заплатить, — обещает Сэмми. — За это. За все.

Часть третья: Код ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

УТРОМ НИЧЕГО не изменилось. Мы все еще были в мрачной комнате отеля. Солнце до сих пор встает. Блейн по-прежнему мертв.

Я слышу звук текущей воды... Сэмми... сопровождаемый гулом суетных людей, идущих по переулку за окном. Я надеваю чистую одежду, и хотя я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы смыть соль и печаль с моего тела, я направляюсь в коридор.

Харви с Клиппером не отвечают на мой стук, так что я стучусь к Адаму.

— Он разговаривает с владельцем, — говорит Бри. Она стоит в дверном проеме своей комнаты, одетая в чистую майку без рукавов, которая заправлена за пояс ее покрытых тонким слоем соли штанов. Эмма стоит позади нее в тесно облегающем свитере. У них одинаковый хмурый вид. Что заставляет меня задуматься, хмурилась ли Эмма до этого или я только сейчас узнал об этом.

— Предполагается, что мы займемся чем-то по хозяйству этим утром, — добавляет Бри. — Чтобы заплатить за наши комнаты.

— Ты шутишь. Если Адам думает, что я буду согласен делать работу по хозяйству... снова, после всего... он сумасшедший.

— Это прозвучало так, как будто бы она шутила? — огрызается Эмма. — Грей, ты думаешь, люди говорят что-то без причины? Совершают поступки без повода?

Я стою в замешательстве, с разинутым ртом.

— Думаю, я пойду, встречу с Адамом, — говорит Бри. Она бросает взгляд через плечо, в то время как она удаляется по коридору, выглядя одновременно извиняющейся и изумленной.

— Ты эгоистичный ублюдок, ты знаешь это? — продолжает Эмма.

— Прости?

— То, что случилось с Кроу *не* твое дело. Ты объявился, когда это было удобно тебе, и затем тебе хватило наглости вести себя так, как будто ты был единственный, с кем поступили несправедливо, и как будто я была до того отвратительна, что не стоило со мной связываться. Я думала, что ты мертв, Грей. Ты оставил меня одну. На много месяцев. И даже после всего, я была готова оставить все это позади, как только узнала, что ты жив. Я сказала Кроу, что все кончено в тот самый день, когда ты появился у моих дверей, но и после этого меня бросили, снова. Так или иначе, за все это я заслуживала смерть? За то, что была человеком? Ты выбрал Блейна, потому что он никогда не *предавал* тебя?

— Я выбрал Блейна, потому что он был моим братом.

— Ты выбрал его, потому что ты слишком эгоистичный, чтобы простить меня, и

слишком боишься предстать перед миром без него! Я никогда тебя за это не прощу!

— Хорошо! Я тем более никогда себя не прощу. Ты думаешь, я хотел этого, Эмма? Делать выбор? Терять кого-то?

Ее глаза стали такими, какими я никогда их прежде не видел: прищуренными, злыми.

— Это было легко, признай это. Как это могло быть сложно: отбросить в сторону девушку, которая не ждала тебя?

— Прекрати, — обозлился я. — Я простил тебя очень давно. У тебя был второй шанс с первым парнем, к которому ты что-то чувствовала после Клейсута, к тому же ты считала, что я был мертв. Как ты и сказала, единственная вещь, в чем ты виновата это в том, что ты — человек. Мне потребовалось время, чтобы понять это, но я сказал все, что хотел, когда я извинился перед тобой тогда в декабре.

— В декабре? — Эмма искоса смотрит на меня.

— Эмма, она выглядела в точности как ты. Все было идентично. Ее голос и воспоминания, у нее была такая же полуулыбка. Она была добра с людьми, особенно с Эйденом. Тот малыш любил тебя. Сэмми тоже.

— Сэмми? — Она отступает от меня. — Он любил... Так вот почему он был...?

— Дело в том, что я уже пережил это, Эмма. Я сказал твоей Копии то же самое, и я сожалею, что ты только сейчас это слышишь.

— Ты сказал ей, а затем она сдала тебя Ордену? Неудивительно, что ты выбрал Блейна.

— Не делай этого, — говорю я. — То, что случилось в Комплексе было ужасно, но это не имело отношения к твоей Копии, или к Кроу, или... — Я вздыхаю, разбитый. — Эмма, он был моим братом. Моим близнецом!

— И я не превзошла его. Я поняла, — говорит она нахмурившись. — Хорошо, что Блейн был не с ней в той комнате. — Она кивает головой в сторону, куда ушла Бри. — Это мог быть забавный выбор, а?

— Это не справедливо, Эмма.

— Ты любишь ее? — спрашивает она. Ее брови выжидающе поднимаются, и мысль о том, чтобы солгать утомительна. Эмма умна. Она уже видит правду, или по крайней мере подозревает ее.

— Да, — говорю я после мгновения. — Люблю.

— Что ж ты однажды думал, что меня ты тоже любил, так что будь осторожен.

Я прежде никогда не видел этой стороны Эммы, настолько мстительной. Предыдущая ночь всплывает в моей памяти... слова, которые я бросал Бри, желание сделать ей больно, потому чтобы больно было мне... и я решаю, что это ненастоящая Эмма. Это — Эмма отягощенная печалью, тонущая в ней.

Возможно, она права в том, чтобы никогда меня не простить. Может быть, мы далеко за рамками исцеления. Я твердо верю, что время способно все изменить, но даже отдаленная дружба между нами сейчас видится невозможной, и это так ужасно гнетуще, что я ощущаю боль как от солнечного ожога на коже.

— Мне не хватает его, — говорю я ей. — Всегда будет не хватать. Но я рад, что с тобой все в порядке. Я никогда не хотел сделать тебе больно.

— Мне почему-то по-настоящему трудно в это поверить.

Она скрывается в своей комнате и захлопывает дверь.

В это пасмурное утро грозные шторма витали в воздухе. Я отправился в книжный магазин в надежде застать там за работой Харви и Клиппера. Я до сих пор не знал, в чем

состоит их план, но я понимал, что помогая им, я потрачу свое время на что-то нужное. Сэмми же в это время был поглощен тем, что уговаривал Эмму выйти из своей комнаты, а я забил на это — я не особо ожидал, что она откроет мне дверь — а Бри была вынуждена вернуться ни с чем, кроме как со списком обязанностей.

Прогулка до отеля казалась простой, когда Адам прошлой ночью привел нас туда, но как я ни старался возвратиться тем же путем, под слабым утренним солнечным светом все выглядело иначе. Я собрался вскарабкаться вверх по водосточной трубе и отправиться к берегу по крышам, когда увидел, как фигура, одетая в темное, пересекает переулок впереди меня.

Мое сердце заколотилось, и я спрятался за ближайшей трубой, прижимаясь к фасаду здания. Я ждал какое-то время, а затем осторожно выглянул из-за стены. Это был не член Ордена. Простой человек, в потертой куртке, копался в переполненном мусорном баке. Я сжал и разжал кулаки. После Комплекса у меня развилась паранойя и, видя жителя Соснового Хребта, одетого в темные одежды, я делаю вывод, что он враг.

Я качаю головой и хватаюсь за водосточный желоб. С помощью подоконника и опоры на соседнюю трубу, я поднимаюсь на крышу. Затем я перепрыгиваю несколько узких улочек, двигаясь между зданиями, пока не нахожу ориентиры. К тому времени, когда я, наконец, прибываю в книжный магазин, начинает моросить.

Чарли стоит за прилавком, поглощенный еще одним романом, а Барсук жалуется ему на шпионов. Теперь он убежден, что каждый человек работает на него одного.

— А Харви с Клиппером здесь? — спрашиваю я, успев вставить слово, между разглагольствованиями Барсука.

— Они дальше, — Чарли указывает большим пальцем через плечо, едва взглянув на меня поверх своего чтива. Прозвучавший выстрел где-то на улицах шокирует нас обоих. — Что за...?

Я несусь к ближайшему окну, но Барсук уже застолбил его. Я бегу ко второму и борюсь с Чарли за наблюдательный пункт.

Чуть далее по улице стоит небольшая группа детей, в шоке замерев. Двое мужчин возвышаются над ними, одетые в черные униформы, один с оружием направленным вверх. Вне всякого сомнения, эти мужчины пришли за гражданскими.

Член Ордена, который сделал предупредительный выстрел, ударяет мяч, с которым играли дети. Их глаза следуют за ним, в то время как он скачет по улице, но они не смеют пошевелиться.

Член Ордена говорит что-то, чего мы не можем услышать.

Дети становятся немножко ровнее.

Произносится очередной приказ, и когда дети остаются стоять смирно, крайнего в строю бьют наотмашь. Бежит мужчина из близлежащего здания, наверное, отец ребенка. Он поднимает трясущегося мальчика на ноги, проверяет его лицо, потом набрасывается на Членов Ордена.

Мне хочется сказать ему, чтобы он не кричал, он уже кричит. Мне хочется предупредить его — не мстить, но его кулак уже летит.

Появляется пистолет, слышится звук выстрела, и мужчина лежит на земле.

Дети смотрят в изумлении. Один начинает плакать.

Морозящий дождь становится ливнем.

Член Ордена протягивает бумажку и угрожает чем-то, но чем мы не можем разобрать. Я

знаю, что на этой бумаге. Мое лицо. Или лицо Харви. Того, кто им нужен.

Ребенок, дрожа, поднимает руку и указывает в сторону книжного магазина.

Мы отступаем от окон.

— Прогони их, — говорит Барсук и вытаскивает свой пистолет.

— Но улицы... - спорит Чарли.

— Запасной выход. Затем к Мэй и Карлу.

Чарли тянет меня в дальнюю комнату, закрывая дверь на засов позади нас.

— Что происходит? — спрашивает Харви. Он сидит с Клиппером за столом Барсука несколько тетрадей разложены вокруг компьютера.

— Орден в городе, — говорит Чарли. — Нам нужно доставить вас в доки. Мэй и Карл отплывают на несколько дней порыбачить и вам надо успеть застать их до их отплытия.

Он отодвигает контейнеры с водой из центра комнаты, чтобы открыть потайной люк.

— Как насчет остальных? — спрашиваю я. — Бри и Сэмми, и...

— Я постараюсь донести до них вести, но вы, парни, должны двигаться, пока есть шанс. — Чарли открывает люк. — Держитесь туннеля, пока он не закончится. Поднимитесь по лестнице, которая приведет вас в дом Барсука, находящийся в одном квартале от пристани.

— Мы не можем просто так бросить остальную часть команды.

— У вас нет выбора.

В книжном магазине раздается приглушенный динь колокольчика над входом. Харви морщится, раздумывая над вариантами: магазин или люк. На долю секунды я думаю, что Бри возможно права, что он собирается отравиться к потайной двери, открыть ее и показать Ордену, где мы спрячемся. Но он только хватает Клиппера за щеки и оставляет поцелуй на лбу мальчика.

— Иди, — говорит он, толкая его в сторону люка. — Мы будем идти прямо за тобой.

Около витрины магазина, вспыхивает приглушенный спор. Харви укладывает ноутбук и жесткие диски в свой рюкзак.

Мы спускаемся в темный туннель и убегаем, прежде чем успеваем услышать, что творится над нашими головами.

ДВАДЦАТАЯ

ДОМ БАРСУКА ОБЕЗЛИЧЕН: В НЕМ МИНИМАЛЬНОЕ количество мебели, и еще меньше привязки к личности. Как будто это место для него только прикрытие и ничего больше.

Мы рассматриваем из окна второго этажа наш путь в доки. Несколько зданий закрывают вид, но из-за волнения в городе создается такое впечатление, что Орден по-прежнему собирается вокруг книжного магазина.

— Надень это, — Харви бросает мне скомканную одежду из шкафа Барсука.

Я распрямляю ее. Это темная кофта с капюшоном. Капюшон объемный, и когда я натягиваю его на себя, я чувствую себя полностью огражденным от мира. Харви надевает шляпу Барсука в стремлении скрыть свое лицо.

Когда мы готовы двигаться, Клиппер высовывает голову наружу, внимательно осматривая улицы. Быстрый кивок и мы уже в пути, несемся сквозь дождь. Сейчас льет так сильно, что я едва смогу видеть дальше вытянутой руки, но мы добираемся до пристани без

происшествий. Если здесь есть экипажи Ордена, ведущие наблюдение с лодок, то они вряд ли могут видеть лучше, чем мы.

Как только мы оказываемся на борту, лодка заводится.

— Стой! — кричу я Мэй. — А остальная команда?

Я смотрю на берег, как бы ожидая, что они появятся там, но все что я вижу — это дождь стеной и сражающиеся с ним клубы дыма рядом с тем местом, где находится магазин. *Находился.*

— Что ты тут застрял? — огрызается Мэй. — Иди вниз. Они будут счастливы увидеть тебя.

— Они...? — Я перевожу взгляд к ближайшему трапу.

— В каютах членов экипажа.

Я слишком быстро спускаюсь по крутым ступеням. Они скользкие от дождя, и я сваливаюсь с последних нескольких ступеней, приземляясь на руки и колени. В узком коридоре, я зову их.

Бри появляется первой, так быстро выскакивая из одной из кают-компаний, что еле успевает остановиться возле дверного косяка.

— Ты дурак! — Она толкает меня в грудь обеими руками. — Скрылся, — очередной толчок, — а мы и понятия не имели где ты, — еще толчок, — и я думала... думала... — Она падает мне на грудь и обнимает меня за пояс. — Чёрт, Грей, ты испугал меня. Ты так сильно меня испугал.

— Прости. — Я обнимаю ее в ответ.

Сэмми появляется в коридоре и Бри выпрямляется и отстраняется, увеличивая дистанцию между нами.

— Хорошо, что присоединился к нам, — говорит он.

— Откуда вы, ребята, узнали, как добраться до лодки? — спрашиваю я.

— Адам не договорился с хозяином отеля насчет работы. Сведения пришли ранним утром... от одной из команд Блика... то, что Орден был в городе. Не прошло и пяти минут после того как ты ушел, как Адам сказал нам собираться.

— Он решил, что они ищут тебя и Харви, — добавляет Бри. — Я знала, что от Копии не могло быть ничего кроме неприятностей.

— Мы направляемся в Бон Харбор, — объясняет Сэмми. — Мы не вернемся в Сосновый Хребет. Спрятаться будет невозможно, и Экспаты вероятно даже не выступят против тех Членов Ордена, что мечутся по городу. Вик не захочет напрасно тратить ресурсы или потерять сторонников до битвы. Они нужны нам.

— Для чего именно мы направляемся туда?

— Сейчас нам будет очень сложно добыть эту информацию от Адама.

Я рассматриваю жилые отсеки команды позади него. Эмма стоит в дверном проходе, но никто не выходит присоединиться к ней.

— Почему? — спрашиваю я.

— Он остался в отеле и пообещал задержать их, хотел дать нам фору, — говорит Сэмми. — Если бы мы знали, что он запланировал...

— Он взорвал что-то, — говорит Бри. — Вручную, изнутри, как только Орден вошел внутрь. Он не мог остаться в живых после взрыва.

Я на мгновение задумываюсь, что если дым, который я видел, шел от отеля, а не от книжного магазина. Все время я доставлял Адаму столько проблем, из-за того, что я считал,

что он не привержен к этой борьбе...

— А Чарли? Барсуку?

— Пока ни одной весточки, — отвечает Сэмми. — Похоже, это опять наша маленькая уютная команда.

В условленном месте Залива, траулер Мэй встречается другой траулер. Сентябрь машет нам сквозь дождь, слегка улыбаясь.

После скрепления двух лодок вместе — почти невозможная задача в условиях качки — наша команда перебирается с помощью поручней и запрыгивает на борт лодки Сентября. Она представляет нас Дейли, рыболову из ЭМИста, которого она называет одним из лучших клиентов Барсука. Мы снова рассекаем волны, прежде чем у меня появляется возможность выкрикнуть слова прощания к Мэй и Карлу, но возможно это и к лучшему. Прощания в последнее время стали казаться чем-то постоянным. И это не прощание. Во всяком случае, я надеюсь, что нет. Просто наши дороги на некоторое время разойдутся.

Находясь недалеко от берега, Сентябрь отправляется с командой в трюм. Она поднимает дощатую панель в полу каюты экипажа, открывая скрытый отсек для хранения контрабандных товаров. Я представляю, как часто он заполнен питьевой водой, но сегодня он содержит запасные рыболовные снасти.

— Ты хочешь, чтобы мы все поместились в этот спичечный коробок? — спрашивает Сэмми.

— Конечно, нет. Экипажи инспекции знают об этом отсеке. Он стандартный для большинства кораблей. — Она вытаскивает снасти. — Вы отправитесь ниже.

И затем мы понимаем, что в полу есть еще дорога вниз к не менее тесному пространству. Мы туда можем поместиться, но только в том случае, если мы все ляжем плечом к плечу и будем закрыты, подобно трупам.

— Шевелитесь, — приказывает Сентябрь. — У меня нет времени на приступы клаустрофобии. У меня есть несколько людей в Бон Харборе, которым я приплачиваю, но я не могу сопровождать вас у всех на виду.

— Там хватит воздуха? — спрашивает Бри.

— Там есть вентиляция, — заверила ее Сентябрь. — И это ненадолго.

— *«Ненадолго»* может быть субъективным мнением, — пробормотал Сэмми, выглядя задумчивым.

— Давай, просто полезайте внутрь.

Я иду первым. Бри следует за мной. Затем Сэмми, Эмма, Клиппер и Харви, пока мы не выстроились в линию как в игре на стойку.

— Ни звука, пока я не открою эту дверь, — предупреждает Сентябрь. — Вам придется дожидаться окончания проверки, а затем прибытия в порт. Я вызволю вас, когда будет безопасно.

Люк зарывается, заперев нас внутри в крошечной тьме.

— Я в гробу, — говорит Сэмми. — Я похоронен заживо.

— Заткнись, — шипит Бри.

С приглушенным стуком захлопывается второй люк над головой.

— Я полагаю, могло быть и хуже. По крайней мере, я зажат между двумя симпатичными девушками.

Бри ударяет его локтем.

— Заткнись, Сэмми. Ты зря переводишь воздух.

— Здесь вентилируется, — бормочет он, но замолкает после этого.

Мы ждем, такое впечатление, вечность. Ход со временем замедляется. Я чувствую, как судно ударяется об док, слышу приглушенные крики экипажа, закреплявшие его. Раздаются шаги над нашими головами.

— Я уже говорила вам, — произносит Сентябрь. — Мы чисты.

— Мы сами будем судить об этом, — отвечает грубый голос. Шаги приближаются и останавливаются прямо над нами. Другие топают. — Слышал? Эта модель имеет стандартный отсек для хранения, нет так ли? Гаррет! Проверь его.

Первый люк как будто выдирают. Выкидывают снасти. Я в своей жизни никогда не чувствовал себя настолько беспомощным. Рядом со мной Бри тянется к пистолету на поясе. Пространство настолько мало, что ей приходится вытаскивать его левой рукой и перекладывать в правую. Она снимает предохранитель, прижимая ствол к дереву над нашими носами.

— Сэр, здесь запасные веревки и сети, — говорит второй инспектор — Гаррет. У него молодой голос.

— Хорошо. Закрывай.

Снасти скидываются вовнутрь на пол, отделяющий наш отсек от обманки. Сверху захлопывается дверца. Поднимается немного пыли и витает в нашем пространстве.

И Клиппер чихает.

Мы все замираем.

— Проклятая пыль, — говорит Гаррет, шмыгая носом над головой. Пол скрипит в том месте, где он стоит. — Ну, разве вы не собираетесь сказать мне «будь здоров»?

— Парень, ты лучше следи за своим ртом, находясь рядом со мной. Вали отсюда.

Одна пара сапог удаляется.

— Вы во второй раз за последнюю неделю приходите в порт на лодке Дейли. Что вам надо от женатого мужчины?

— Просто нравится быть на воде, сэр, — отвечает Сентябрь.

Слышится ворчание.

— Я буду следить за вами.

Он уходит. Мне дышится немного легче. Но потом Сентябрь тоже уходит, звук от ее ботинок направляется вслед утихающим.

Когда сидишь в заключении теряешь ощущение времени. Что осознаешь, когда проходит несколько часов, а мы все еще остаемся в темноте. Отсек, похоже, становится все меньше с каждым вдохом. Стены давят. Воздух становится грязным, тяжелым, тягучим. Бри крепко прижата к моей правой стороне, а с другой стороны я приперт к стене. Мои ноги онемели. Болит спина.

— Я сожалею про эти шутки, про гробы, — говорит Сэмми. И когда никто не смеется, он добавляет: — суровая публика.

— Сэмми, — шипит Бри, — я чувствую себя несчастной и капризной, и раздраженной. Ты действительно хочешь меня разозлить?

Прежде чем у него появляется шанс ответить, мы слышим, как шаги возвращаются. Сентябрь. *Наконец-то.*

Первая дверца открывается. Снасти поднимают и отбрасывают в сторону. Затем,

наконец, открывается панель над головой. Меня ослепляет. Все кажется размытым и я дезориентирован. Когда все обретает смысл, я смотрю на лицо над нами. Молодое, с глазами выпученными от страха, особенно когда Бри прислоняет пистолет к его лбу.

— Единственная причина, из-за которой я еще не нажала на курок, это потому, что будет громко, — говорит она. А потом я замечаю, что он в униформе Ордена.

— Я Гаррет, — отчаянно произносит он. — Я работаю с Сентябрем.

— Конечно, ты работаешь.

— Ты думаешь, я не видел вторую дверь? Я не идиот. Я прикрыл вас, когда один из вас чихнул. Я на вашей стороне.

— Где Сентябрь?

— Отвлекает моего начальника, что бы я вам, ребята, помог пробраться в город.

Бри сужает глаза.

— Здесь нас шестеро, а один ты. Сделаешь что-нибудь подозрительное, что может поставить под угрозу нашу безопасность и это станет твоим концом. — Она опускает оружие, но держит палец на курке.

— Она всегда так проявляет благодарность? — спрашивает Гаррет, когда он протягивает руку, чтобы вытащить меня.

— Довольно часто.

Бри ударяет меня по руке. Мои конечности слишком затекли, чтобы дать ей сдачи.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЭТО БЫЛО СТРАННО, СНОВА ВЕРНУТЬСЯ в Бон Харбор. Я никогда не думал, что увижу это место снова, и я едва ли не потрясен, осознав то, что я не замечал его запаха — соли, сырой древесины и коптящих дымоходов.

Гаррет ведет нас к двухэтажному дому, который выглядит так же мрачно, как и большинство домов в городе. Западная сторона здания обветшала в два раза быстрее, чем другие стороны. Краска шелушится от солёных туманов Залива, а некоторые из досок сгнили, но внутри, здание сухое и теплое.

Первый этаж делят между собой Гаррет и его старшие родственники — один брат и одна сестра — которые оказались теми самыми дружественными Экспатами, местными жителями, с которыми, как упоминала Сентябрь, когда она навещала нас в книжном магазине, она сотрудничает. Она с Эйденем арендует верхний этаж.

— Вам показать подвал? — спрашивает Гаррет у группы после серии знакомств. — Я слышал, вам может понадобиться доступ к компьютеру пока вы здесь.

Сэмми приподнимает ляжку своего рюкзака.

— Сначала я его сброшу.

— Тогда ты? — спрашивает Гаррет, привлекая мое внимание слегка касаясь моего локтя. — Я хочу тебе кое-что показать.

Клиппер предлагает забрать у меня мою сумку, таким образом, я остаюсь с Гарретом. Центральных проход полностью застелен ковровым покрытием, он берется за его уголок и откидывает его в сторону, раскрывая люк. Я следую за ним вниз по шаткой лестнице и попадаю в подвал, заполненный компьютерами, радарами, картами, развешанными по всем стенам и достаточно мятыми пачками газет, которыми заполнены папки.

— Беа очень разборчива в получении правильных историй, — объясняет он, отбрасывая

некоторые газеты в сторону. — Говорит, что "Предвестник" имеет значение для людей, и мы не можем выпустить ничего, кроме лучших историй. Иначе это было бы безответственно.

Я замечаю в углу громоздкую шуковину, где кажется, скопилось большинство газет.

— Ребята, вы печатает их прямо здесь?

Он кивает.

— Но ты работаешь на Орден.

— Мне приходилось делать некоторые вещи, которыми я не горжусь, — признает Гаррет. — Я часто прикрываю людей, как могу, но иногда у меня нет альтернативы. Если мы хотим приоткрыть глаза на наиболее ценную информацию, это именно тот способ, чтобы это сделать. Я поистине должен быть вовлечен в это и это убеждает.

— Беа начала выпускать "Предвестник" несколько лет назад, прежде чем я даже начал работать под прикрытием. Она всегда была инициативная. Наш отец работал в Ордене в Хейвене, и она боролась с ним каждый чертов день, потому что была не согласна с его приоритетами. Однажды она взяла меня и моего брата и запрыгнула в лодку направляющуюся на юг, не сказав ему. Папа бы, наверное, назвал ее безумным теоретиком заговора, если бы он видел, что она творит до сих пор. Как она отправила меня работать в инспекцию, что собирать истории, как заставила Грега слушать радиоперехваты и взламывать любые базы данных Ордена, с которыми он мог справиться. Это или что-то другое выбило все дерьмо из нее. Моральные нормы были отброшены в сторону, и возможно хорошо, что нам пришлось избавиться от него. У него было не в порядке с головой.

Беа не выглядела намного старше Сентября, когда нас представили. Наверное, она вела себя как мать большую часть своей жизни.

— А вот, — разглаживает Гаррет одну из скомканных газет. — Это то, что я хотел тебе показать.

Мое лицо заполняет большую часть страницы. *"Жив и здоров, несмотря на слухи Ордена"* — гласит заголовок.

— Это великолепно, не так ли?

Я молчу.

— Орден на днях опубликовал несколько твоих ужасных фотографий. Ты резко оседаешь у стены. У тебя идет кровь из живота.

Ну конечно, они так сделали. Копия меня возможно мертв, но его труп может послужить какой-то цели.

— Ты не выглядишь, как получил пулю в живот, — добавляет Гаррет.

— Это потому что я и не получал.

Я мог бы рассказать ему о Копии, но это слишком: слишком тяжело, слишком сложно, слишком лично. Образ Блейна, вялый и безжизненный на полу в Комплексе, мелькает у меня перед глазами.

— Действительно очень круто встретить тебя, — говорит Гаррет. — Я... Ну, это делает меня храбрее. Каждый день мне приходится спускаться в доки и обыскивать лодки, никогда не зная, что я обнаружу, и не захочется ли мне это скрыть, не уверенный, что я не попаду в ту ситуацию, когда мне придется кого-то сдать. Легче встречаться с этим каждый день, зная, что ты делаешь то же самое. Что ты моего возраста. Что ты борешься со всем этим, несмотря на трудности.

— Гаррет, я ничего такого не делаю. Твоя сестра действительно очень хорошо все переключивает, чтобы это соответствовало ее потребностям.

Он смотрит на помятую газету.

— Тогда это все неправда? Что ты украл вакцину из-под носа Франка? Что ты перехитрил его войска на Западной территории, а затем пересек границу, несмотря на то, что его лучший человек был у тебя на хвосте?

— Это все правда, но я не делал это в одиночку. Мне оказывали помощь, а когда нет, мне везло. Я просто парень, который пытается выжить. Во мне нет ничего чудесного.

— Людям надо верить в чудеса.

— Но не в ложь.

Он мнет газету, сжав ее в кулаке.

— Ты повторишь каждое слово из этого Беа или я дам тебе в морду. Люди нуждаются в этом. Она нуждается в этом. И пока хотя бы один человек все-таки надеется, ничто, что она печатает, не является ложью.

Он кидает в мою грудь смятую статью, когда уходит.

Наверху становится понятно, что Сентябрь относится к этому дому, как временному. Голые стены. Разномастные стулья вокруг кухонного стола. Практически отсутствие мебели помимо матрасов в спальнях и двух продавленных диванов в гостиной. Эйден сейчас находится там, играя в играя в "Камень, Ножницы, Бумага" с Эммой, в то время как Расти дремлет у его ног.

— Еще раз! — Эйден качается кулаком вверх и вниз, ожидая, что она сыграет в следующий раунд. Когда мы приехали он встретил ее, как щенок, прижавшись к ней и обнимая за ноги. И она позволила ему. Даже прежде чем я успел установить с ней зрительный контакт и покачать головой, чуть сжавшись, как бы говоря ей: "*Не говори ему правды*", она уже знала, как поступить.

Видя, как они вместе сидят на диване, как ее распрямленную ладонь Эйден как бы разрезает своими пальцами, как ножницами, у меня создается такое впечатление, что я наблюдаю, как он играет с ее Копией. Некоторые частички Эммы были в той штуке. На самом деле, много частичек. Особенно в части ее взаимоотношений с другими, ее темперамент и заботливый характер, ее желание помочь. Это удивительно и очень страшно.

— Хватит уже. Ты проиграла последние пять раундов. Теперь моя очередь. — Сэмми хватается Эмму за талию и тянет ее на диван. Она смеется. Эйден усмехается. Игра продолжается. Это продолжается, как будто никогда не закончится. У меня колит грудь, когда я понимаю, что так оно и должно быть. Что если все пойдет хорошо — если мы придумаем, как все исправить — то такие моменты, возможно, никогда не закончатся.

Сентябрь входит позади меня.

— Упрямый, как осел, да? — На минуту, я думаю, что она говорит о людях, которые никогда не сдаются, даже когда все до последнего противостоит им, когда, кажется, все направлено против них, но потом она указывает пальцем на Харви. Он роется в своей сумке, Клиппер находится рядом с ним.

— Я сказала ему, что он должен сначала поесть, наполнить свой желудок, но он настоял на том, чтобы уйти с головой в работу.

— Ты знаешь, Харви. Поставит себе цели и отзывается сдаваться до тех пор, пока они их не достигнет.

— Увлеченный, — говорит она, покачивая головой.

— Плюс немного сумасшедший.

Сентябрь распускает свои растрепанные волосы, разглаживает их и повторно

завязывает.

— Да и спасибо за все... за лодку и обыск инспекции. Что тебе пришлось сделать, чтобы отвлечь босса Гаррета?

— Он думает, что у меня есть кое-что для женатых мужчин. И он, ну, в общем, *женат*. Мои глаза расширяются.

— О Боже, Грей. Я целовалась с парнем, но я не спала с ним. У меня есть свои пределы. Хотя позже мне придется помыть рот с мылом. Я клянусь, что я до сих пор чувствую вкус сигары, которую он курил. — Она указывает пальцем на кухню. — Ты голоден? Я могла бы пойти, сделать ужин.

Мне кажется, я всегда недооцениваю женщин в нашей команде.

После того как я покушал, я принял душ. Я уже много дней был покрыт слоем пота, солью после заплыва в Заливе и грязью из туннеля под книжным магазином. Смывая все это, у меня было такое впечатление, что я линяю.

Когда я вышел из ванной, Эйден и Расти уже спали на диване, и больше никого наверху не было. Я натянул кофту с капюшоном и пошел вниз, где обнаружил команду, собравшуюся в гостиной с Гарретом и его родственниками. Сентябрь устроила что-то типа разбора полетов, но Харви с Клипером тут не было. Бри что-то говорила, когда заметила меня.

Я направляюсь в подвал. Они выглядят как отец и сын, сидящие перед компьютерами, пристально смотрящие на экраны.

— Грей! — восклицает Клиппер и машет мне. — Ты не поверишь. Это удивительно. Это... — Он машет более судорожно, а затем хватает меня за запястья и тащит к компьютеру. На экране светился строка после строки ввода кода. Он проводит пальцем по экрану и он говорит: — Видишь?

— Клип, ты же знаешь, что я понятия не имею, на что я смотрю.

— Это ядро программы, которая работает во всех Копиях, — объясняет он. — Это было на украденных жестких дисках. — Харви выдавливает мне что-то вроде улыбки, как будто он в нескольких шагах от того, что его сейчас вырвет. — Он плохо себя чувствует, — добавляет Клиппер приглушенным голосом. — Я думаю, что показывая мне все это, он конфликтует со своими... внутренними приказами.

— Что такого особенного в том, чтобы иметь этот код? — спрашиваю я.

— Это то, на чем строится Копия, — говорит Клиппер. — Это то, что делает их верными Франку, то, что задает им цель.

— И мы можем это как-то изменить?

— Конечно, мы можем переписать его, если захотим, но это не принесет нам никакой пользы. Это не типа того, что мы здесь свяжемся со всеми уже существующими Копиями. Это просто резервная копия.

— Что важно, то эта функция, — говорит Харви, показывая на раздел кода. — Я написал ее... ну, оригинальный я написал ее... давным-давно, когда работал на ранних версиях Копий. Эта функция зарыта в кучу других функций, которые делают Копии верными. Она используется в каждой модели, начиная с первой.

— Во время моего пребывания в Комплексе, я как раз работал над созданием Копий, которых можно создавать неограниченное количество, или как Орден называл их — К-ГенХ, где эта функция всегда казалось мне странной. Она была неаккуратной. С ней приходилось соблюдать слишком много условий. Она казалась почти ненужной, но я не удалил ее. Я волновался, что ее удаление может нарушить верность Копий. И каждый раз, когда я

пытался по-настоящему понять цель функции, логика ускользала от меня, как будто я пытался прочитать код без очков. Но после того как Моцарт вернул мне все мои воспоминания, я знал, что должен повторно взглянуть на нее. И это маленькая функция... — Он снова нажимает на экран. — Сейчас я знаю, что она означает.

— Это подобно тому, как разум Джексона однажды очистился, когда он сломался, — сказал Клиппер. — Харви не мог понять эту часть кода, потому что его великое программирование говорило ему, игнорировать его, что это ничего кроме погрешности программирования и что он не должен обдумывать это. Но сейчас...

— Это *предохранитель*, — сказал Харви. — Франк не хотел этого, но всегда должна иметься возможность все обнулить и не важно, что вы там творили. Я написал его в тайне, спрятав его в код, и как только я начал сомневаться в своей работе на Франка, я был рад, что создал его.

— И как он поможет нам? — спросил я, уставившись на экран.

— На сегодняшний день функция предохранителя включена в каждую Копию и она включится, когда они услышат определенную мелодию.

— Подобно устному приказу?

— Не совсем. Больше похоже на очень точный набор звуков, — сказал Харви. — Они издаются в правильном порядке и с соответствующей продолжительностью, и тогда эта функция включается, а программа Копий выключается.

— Что подразумевает, что они сломаются, как ты и Джексон?

— Нет, когда я написал предохранитель, было намерение уничтожить труды без остатка, и там не было места для второго шанса. Эта функция будет инициировать бесконечный цикл противоречивых приказов, до тех пор, пока она не сожжет все — программирование Копий и их умы. Это вроде как вызвать обширный инсульт. Кровоизлияние в мозг.

— Поэтому мы с Харви подумали, — продолжил Клиппер, — а что если мы как-нибудь сыграли правильный набор звуков... и что если бы они прозвучали по сигнализационной системе в Таеме... тогда бы все Копии в этом городе были бы деактивированы.

Деактивированы. Это удобное слово для этого.

Именно так Франк оправдывал убийства людей Бурга, испугавшись того, что они стали слишком нестабильными, чтобы принести пользу для Проекта "Лайкос"? И разве действительно ли каждая Копия заслуживает того, чтобы стать *деактивированной*? Джексон когда-то помог нам. Харви помогает нам сейчас. Не подразумевает ли это решение — *убийство* — убийство тысячи невинных жизней?

Передо мной встает картинка, как мой собственный Клон держит пистолет у головы Блейна, и я осознаю горькую правду: если они не неисправны, то Копии — это враги, действующие против невинных людей от имени Франка. Мы не можем ждать, надеяться, что они пересекутся с чем-то, что вызовет сбой в их программировании, не говоря уже о том, что Ген5 не сбоят вообще.

— Вы уверены, что это сработает? — спрашиваю я.

— Если будет проигран правильный набор звуков, то должно, — сказал Клиппер. — Мы проверили эту функцию пару десятков раз.

— Хорошо, но разве мы не должны рассказать остальным? Это сенсация.

— Здесь есть одна проблемка, — произнес Харви. — Я не помню комбинацию звуков. Все, что я помню, это что-то маловразумительное, что-то случайное, с чем не столкнулась

бы Копия, если бы это не подразумевало вытащить вилку из розетки.

— Так как же узнаем, что там было?

— Это подводит нас к тому, что я помню: я спрятал ответ в коде.

Харви прокручивает его. Я наблюдаю за этим несколько минут, и строчки не прекращаются. Он может оказаться бесконечным.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я ПРОВЕЛ СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО часов просматривая то, на что указали мне Клиппер и Харви, именуя это *комментариями* к коду. Они показали мне, где находятся эти места — им предшествуют определенные символы — но истинной подсказкой является тот факт, что далее разборчиво написано одно или два связных предложения, а не цифры, не символы, и не фрагменты слов. Я работаю с одним экраном, Клиппер и Харви с другим.

Я не совсем понимаю, что ищу, но записываю подозрительные комментарии в блокнот, что кажется мне гораздо более продуктивным, чем быть наверху, на встрече подведения итогов.

Пока я работаю, Харви с Клиппером изучают сам код — его переменные, функции и параметры, как они их называют. Я продвигаюсь через эти бесконечные строки гораздо быстрее, чем они, но только потому, что в них гораздо меньше комментариев, чем в самом коде.

Гораздо позже, Харви, говорит, что уже ночь.

— Если ты не против, нам бы хотелось немного больше помощи завтра, — говорит он мне, и снимает очки, чтобы потереть глаза.

— Конечно.

— Клип! У тебя затечет шея, если ты будешь спать в таком положении. — Мальчик резко встает. На его щеке отпечатались клавиатура. Харви указывает на кушетку у дальней стены. — Иди и нормально выспись, так же будет лучше?

Я топаю наверх, стремясь к тому же. Эйден все еще спит с Расти на диване, и кроме их дыхания на этаже, стоит мертвая тишина. Я прохожу через гостиную и небольшой коридор, который ведет к спальням.

— Где ты пропал всю ночь? — Бри сидит прямо перед своей комнатой, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. Я прикладываю палец к своим губам.

— Сэмми до сих пор внизу с командой, — говорит она. — И даже если бы он там не был, его громом не разбудишь. Ты можешь кричать, сколько хочешь.

Что разбудит Эйдена, которого я не хотел бы будить с самого начала, но я не заморачиваюсь и не говорю ей об этом. Она не в настроении. Бри, как будто услышала мои мысли и ее лицо превращается в гримасу.

— Грей, ты не можешь просто так исчезать. Тебе надо говорить нам, куда ты собрался.

— Я помогал Харви и Клипперу, о чем ты, очевидно, догадалась, так как именно ты сказала мне, где их искать.

Она качает головой.

— Я не доверяю Харви. Это не правильно.

— Послушай, Бри, я не могу просто сидеть на собраниях. Если я не работаю над мщением за Блейна, то я зря теряю время.

— У Экспатов и Повстанцев *есть* план. Если бы ты не убежал вниз, ты бы узнал об этом

не понаслышке, а из первых уст — от Сентября. Она пересказала все, что ей было известно из ее разговоров с Адамом.

— Это тот *план*, о котором они с Виком отказались делиться подробностями? Что-то с участием скоординированных забастовок в различных купольных городах?

— Все немного сложнее. Блик, кстати, передает привет.

— Блик?

Он связался с помощью радиации с Хайди, чтобы проинформировать нас о состоянии дел в Сосновом Хребте. Он спрашивал как ты.

— Если ты будешь общаться с ним завтра, скажи ему, что я...

— Скажи ему сам. Я не передатчик.

Она встала. Неуклюже. Всего прошел день с того момента, как мы покинули Комплекс, что стало идеальным промежутком времени для придания мышцам жесткости и установления в них боли. Бри потирает шею, и я замечаю у нее синяки. По этим темным пятнам я могу точно определить, где были пальцы того члена Ордена, который пытался ее задушить.

— Все в порядке, — говорит она, когда понимает куда я смотрю.

— Нет, это не так. Видеть тебя в таком состоянии *никогда* не будет в порядке. — Я касаюсь ее подбородка и пытаюсь наклонить его в бок, чтобы осмотреть второй синяк вдоль ее челюсти. Она отбрасывает мою руку в сторону.

— Я приняла удары до того, как ты оказался рядом, чтобы волноваться о них.

— Ты хоть на одну секунду перестанешь быть упрямой и услышишь, что я хочу сказать?

Она посмотрела на меня.

— Бри, я серьезно. Если тебе позволено волноваться, когда я исчезаю на несколько часов, почему я не могу ненавидеть видеть тебя в таком состоянии? Ты думаешь, мне плевать? Ты думаешь, что я хочу видеть синяки на тебе? Особенно когда я единственная причина, почему они у тебя появились? Все, что я хочу, это для тебя... для нас...

Я замялся.

Как это я прожил большую часть своей жизни без нее? Она вошла в мой мир — нет, меня затащило в ее — в тот день в лесу за пределами Долины Расселин, и это было похоже на новое начало. Начиная с того момента, я медленно просыпаюсь.

Я потерял своего отца и брата-близнеца. Единственная семья, которая у меня осталась — это племянница, находящаяся так далеко, что создается такое впечатление, что она безвозвратно утеряна. Но теперь я смотрю на Бри и понимаю, что я могу противостоять всему. Она заставляет меня хотеть достичь большего. Просто ее присутствие заставляет меня хотеть большего. И даже когда она отстраняется от меня, загораясь от меня своим поведением, мне хочется, чтобы она была ближе. Я хочу ее и не могу удержаться.

— Ты собираешься глазеть на меня весь вечер, или будет что-то еще? — Она все еще хмурился, скрестив руки на груди.

Я открываю свой рот, закрываю его и открываю снова.

— Бри, я люблю тебя.

Она отступает назад, как будто слова ударили ее.

— Что?

— Ты слышала меня.

Ее глаза сужаются.

— Хоть я и давала тебе шанс сказать это с десятков раз, и ты всегда его игнорировал?

Хоть мы и все время ссоримся?

— Ты сказала, что когда есть огонь — это хорошо.

Она закатывает глаза и отводит взгляд.

— Бри, ссоры никогда для меня не были достаточной причиной, чтобы заставить меня не хотеть тебя. Легко ли это? — Нет. Иногда я хочу стереть ухмылку с твоего лица и сказать тебе, чтобы ты шла куда подальше? — Да. Ты сводишь меня с ума? — Все время. Но я знаю, что со мной не легче иметь дело, и я предпочел бы быть злым с тобой, чем с кем-либо еще. Я предпочитаю иногда спорить, чем каждый день оставаться довольным и со всем соглашаться. Ты единственный человек, который бросает мне вызов и не вредит мне в одно и то же время, и ты не боишься противостоять мне. Постоянно. Ты знаешь, что мне нужно — часто, прежде чем об этом знаю я — и ты всегда с готовностью делаешь это.

Она, наконец-то, снова смотрит на меня. Смотрит, на самом деле.

— Я был ужасен. Я оттолкнул тебя. Я говорил тебе такие вещи, которые даже не имел в виду. Я, наверное, не заслуживаю тебя, но ты должна знать, что я сожалею. И что я чувствую. Как я хочу быть тем, в ком ты нуждаешься. Я не могу обещать тебе всегда быть хорошим в этом, но я клянусь, я буду стараться изо всех сил. Сейчас и каждый день, так долго, как ты мне это позволишь.

Она качает головой, резко выдыхая.

— Зачем ты делаешь это?

— Делаю что?

Она толкает меня в грудь.

— Это! Говоришь все, что я хочу услышать, когда я пытаюсь сделать все, чтобы забыть тебя. — Она снова толкает меня, выглядя, как будто сейчас заплачет. — Черт, Грей, мне трудно тебя ненавидеть.

— И в чем проблема?

Она улыбается и снова давится всхлипом. Одинокая слеза бежит вниз по ее щеке. Я снимаю ее своим большим пальцем.

— Не говори никому, что я плакала.

— Бри, ты самый сильный человек из всех кого я знаю. Слезы это не изменят.

И в этот момент тишины, когда ее глаза находят мои, она бросается ко мне. Наши губы соприкасаются. Первый поцелуй, второй. Глубже, быстрее, более настойчиво. Я обхватываю ее, а она запрыгивает на меня, оборачивая ноги вокруг моего пояса. Ее руки замыкаются на моей шее. Она такая маленькая в моих руках, но ее присутствие огромно, окружает меня, топит, опьяняет. Я немного отшатываюсь. Мы врезаемся в стену, спина принимает большую часть удара, и она задыхается.

— Ты в порядке? Я не имел в виду...

Она целует меня спокойно, больше зубами, чем губами, потому что она так широко улыбается. Потом она отстраняется, пытаясь отдышаться.

— Когда я говорю, я хочу тебя, я имею в виду *все* тебя. Так что больше так не делай: не держи в себе боль или не скрывай правду или не говори вещи, которые ты не имеешь в виду. Будь честен со мной, всегда, или это будет твоим последним шансом.

А потом мы снова целуемся, даже когда я несу ее в свою комнату и закрываю от всего мира.

Я опускаю ее на кровать. Мне больше не достаточно ее губ, одежда между нами вдруг становится толстой броней. Я стягиваю свою кофту, через голову снимаю ее. Мы снимаем

слои за слоем, пока на нас не остается ничего, кроме кожи на простынях и друг напротив друга. Ее волосы, яркие и светлые, разметались по подушке. Я изучаю каждый ее дюйм. Действительно, по-настоящему смотрю на нее. Может быть, впервые.

Обхватив меня рукой за шею, Бри тянет меня ближе к себе.

— Ты уверена? — спрашиваю я ее у ее губ. — Мы не можем...

— Я принимаю кое-что, что дала мне Джулс в Пайке. Все нормально.

— Значит, да?

— Да.

— Но что если...

— Грей? Замолкни.

Мы растворяемся в друг друга. Сливаемся. Все замедляется. Все, но не мой пульс. Бри зарывается руками в мои волосы, когда мы становимся единым целым.

И я больше не думаю.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

БРИАННА НОКС ВСЕ ЕЩЕ НАХОДИТСЯ В МОЕЙ кровати, когда я просыпаюсь.

Она выглядит так, как будто она сражалась в течение ночи. Волосы спугались, создав вокруг ее головы что-то наподобие нимба. Ее рот приоткрыт. Становится смешно от того, насколько широко раскинуты ее конечности, как будто она бегала где-то, а потом упала замертво на полушаге. Она одета в мою кофту с капюшоном, и хотя она на изнанку, а рукава ей слишком длинны, так что не видно ее рук, мне кажется, что я никогда не видел ничего лучшего. Она может ничего не одевать, но ей если на ней будет эта кофта, то это сделает меня счастливым.

Я целую ее в лоб, и она начинает просыпаться, да так яростно, что чуть не ударяет меня по голове.

— Где...? — Она переводит взгляд с простыней, затопленных ранним утренним светом, на кофту, в которую одета и потом, наконец, на меня. — Эй, — говорит она, так беззастенчиво улыбаясь, что у меня колет в груди. — Кто-нибудь уже встал? Мне пора...

— Неа.

Бри выгибает бровь.

— Почему у меня такое чувство, что ты пытаешься удержать меня в своей постели?

— Может быть потому, что это случилось в первый раз и я хочу продлить этот момент. Ты слишком хорошо сбегал от меня.

— Я крадусь лучше чем ты и так будет всегда.

Она потягивается — растопырив пальцы и руки в разные стороны, а потом опускает их, поднимаясь с матраса — и я больше не могу держать свои руки при себе. Она вяло борется со мной и пытается вырваться, пока я не прижимаю ее к себе. Я целую ее шею — и она смеется, затем ее подбородок — и она мурчит, ее губы — и она затихает. Не только затихает, но и полностью успокаивается.

— Что не так?

Она пристально осматривает меня тяжелым взглядом, и страх ударяет меня. Она сожалеет о произошедшем. О прошлой ночи, о нас. Она хотела бы тогда сказать "нет".

— Бри?

Она упирается взглядом в мою грудь.

— Пожалуйста, скажи что-нибудь.

— Я не хочу, чтобы это что-то изменило, — говорит она, прослеживая линию моей ключицы указательным пальцем. Она понятия не имеет, как трудно мне сосредоточиться.

— Грей, я ни в ком никогда не нуждалась. Это звучит ужасно, но это правда. Я была одинока большую часть своей жизни. Я сама о себе заботилась. Когда я встретила тебя, ты напомнил мне того, для кого я была готова измениться, а затем, когда я поняла, что люблю тебя, я испугалась. Потому что мы, *правда*, очень хорошо подходим друг другу. Мне не приходится меняться рядом с тобой. Даже ни на чуть-чуть. Мы были сильны по одиночке, но вместе мы еще сильнее, и это было страшно, потому что это заставляло меня больше хотеть тебя. И когда мне нужен кто-то, не означает ли это, что я от него зависима? Подразумевает ли это, потерю своей независимости? Я хочу оставаться собой. Я только и хочу остаться собой.

— Бри, *нас* не может быть без тебя *и* меня. Без двух независимых половинок. И без доверия? Я думаю, жизнь была бы очень одинока, если бы нам пришлось столкнуться со всем этим в одиночку.

Она кладет ладонь на мою грудь.

— Просто пообещай, что не будешь относиться ко мне по-другому. Я хочу, чтобы мы оставались такими же.

— Я говорил тебе прошлым вечером, что я был чудачком на букву М.

— Это не то, что я имею в виду. — Она прикусывает нижнюю губу. Вздыхает. — Смотри, если я с тобой спорю, и ты не согласен со мной, пожалуйста, не сдавайся только из-за *этого*. — Она машет рукой туда-сюда между нами. — Или если я делаю что-то глупое, не сдерживайся, выскажи мне это, не бойся меня обидеть. Не относись ко мне с внезапно взявшейся нежностью.

— Это был мой план: спать с тобой, чтобы я мог держать тебя в узде и превратить наши отношения в нечто совершенно противоположное тому, что я в них люблю.

Она шлепает меня по плечу.

— Я серьезно! Для меня это действительно трудно — вести разговор об этих вещах, а ты превращаешь все в шутку. — Она снова замахивается, но я хватаю ее запястья и прижимаю их к матрасу.

— Ладно, ладно. Это была глупая шутка. Но это нелепо, я на девяносто пять процентов люблю тебя именно из-за того, о чем ты только что говорила: что у каждого из нас свой путь, хоть мы и вместе, но в тоже время мы друг друга не отграничиваем. Я понял. Реально.

Она прекращает попытки высвободиться, и я отпускаю ее руки.

— А что за остальные пять процентов?

— То как ты выглядишь в моей кофте.

Она закатывает глаза.

— В таком случае я немедленно ее у тебя изымаю.

— Это будет нравиться мне еще больше.

Я уклоняюсь еще от одного удара, и в конечном итоге ложусь рядом с ней, уставившись в потолок.

— Так для кого ты хотела измениться?

— Это был парень из Солтвотера. Я была безнадежно влюблена в него, но он даже меня не замечал.

— Вначале я тоже тебя не замечал Бри. Иногда люди слишком глупы.

— Но я отошла в сторону, когда и подумать не могла, что ты мной заинтересуешься. С Локом все было не так. Его мама забрала меня, когда умерла моя. Мы выросли под одной крышей, и я думаю, что он думал обо мне как о родственнице, как о лучшем друге. Я позволяла ему все... и я имею в виду реально *все*... думая, что все изменится, что он посмотрит на меня по-другому, полюбит меня, как я любила его. Правда заключается в том, что если кто-то не замечает тебя перед сексом, то он наверняка не обратит на тебя больше внимание после него.

Она проводит рукой по матрасу между нами, сглаживая неровности на простыне.

— Лок пытался сбежать до своего восемнадцатилетия, и его выбросило мертвым на берег. За исключением его младшего брата, Хита, я была одинока и полностью опустошена за несколько недель до моего шестнадцатого дня рождения и Кражи, которая, я даже не была уверена, что произойдет. Я пообещала самой себе, быть всем, в чем я когда-либо буду нуждаться. Если я снова открою себя для кого-то, это будет только потому, что чувства будут взаимными и это пойдет на пользу нам обоим, а не только ему.

— Ты сожалеешь об этом? О Локе?

— Нет. Это не одно из моих самых теплых воспоминаний, но оно сделало меня той, кем я являюсь сейчас. Я стала сильнее после этого. Как я могу сожалеть о чем-то подобном?

— Я сожалею о множестве вещей. Например, о моих последних словах Блейну, и обо всех тех людях, которых мы оставили в Бурге, и том, как я с тобой обращался.

— Я могла бы быть более искренней. Я бы точно могла тебе рассказать, почему я не остаюсь на ночь, но вместо этого я заставляла тебя теряться в догадках.

— Мне следовало бы это понять.

— Может быть. — Она теребит край одеяла большим пальцем. За пределами нашей комнаты с шумом закрывается дверь. Включается душ. Бри поднимается с кровати, несмотря на мои возражения.

— Я должна узнать, что Сентябрь запланирована на сегодня. Я правильно полагаю, что ты продолжишь помогать Харви независимо от того, насколько я не доверяю ему?

Я киваю.

— Рада, что ты все еще не боишься меня злить.

Она находит свою одежду и переодевается спиной ко мне. Мгновением позже она оказывается в своей обычной одежде: в сапогах и брюках карго, в топе, заправленном в штаны, а мои глаза не могут оторваться от нее. Она берет мою кофту и бросает ее в меня.

— Когда ты будешь готов поговорить о Блейне, дай мне знать. И ничего страшного, если ты никогда не получишь ответов... может это то, с чем тебе придется разбираться самостоятельно, может быть, если бы я приплыла на лодке в другой день... но я здесь, если понадобится.

— Бри, — говорю я, когда она тянется открыть дверь. — Я действительно люблю тебя.

Она ухмыляется.

— Ты такой дурачок.

Дверь со щелчком закрывается, только для того, чтобы возобновить сердцебиение. Держась за дверной косяк, она вваливается обратно в комнату.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она. — Я прекрасно понимаю, что ты уже знаешь это, но я беспокоюсь, что такой дурачок как ты, возможно, что-то неправильно понял и захочет уточнить.

— Как предусмотрительно. — Бри, смотря на меня, долго мне улыбается, и когда она,

наконец, разворачивается, чтобы уйти, я бросаю: — Дурочка.

У меня остались ужасные впечатления от приятия душа. В один момент я непобедим, пьян от воспоминаний о прошлой ночи, на адреналине от слов Бри, произнесенных сегодня утром, а в следующий момент я сижу, обнимая колени, заглушаю всхлипы кулаками в то время как вода льется на меня сверху.

Как я могу быть так счастлив, когда мой брат мертв? Как я могу быть опустошен, когда Бри простила меня? Я поднимаюсь и заставляю себя выпрямиться. Я бью себя по щекам. Включаю холодную воду просто для того, чтобы начать действовать.

"Иди вниз", — говорю я себе. — "Возвращайся к работе. Станет легче, когда противостояние закончится".

Когда я возвращаюсь в спальню, Сэмми сидит на кровати, сложив руки на груди.

— Почему дверь была закрыта, когда я хотел войти прошлой ночью?

— Эээ... Извини за это. И где ты бросил свои кости, на диване?

— Сентябрь и Эйден расположились на диване, чтобы у команды в распоряжении были кровати. Помнишь? — Я не знал об этом, поскольку я был внизу, когда команда решала, как разделить комнаты на время нашего пребывания. — Моим единственным вариантом была Эмма, — уточняет он.

— Так что ты остался с ней? Это не могло быть слишком уж страшным для тебя.

— Грей, она заставила меня спать на полу, — сказал он очень серьезно. — И она поклялась, что если я даже *попытаюсь* залезть к ней в постель, то она ударит меня коленом между ног так сильно, что я никогда не смогу иметь детей.

Я улыбаюсь.

— Это так на нее похоже.

— Предупреждай в следующий раз, ладно? Мне нужно морально подготовиться спать на полу, когда мои мысли направлены на матрац.

— Это просто внезапно случилось. Этого не было в планах.

— Но это произошло, — он шевелит бровями, — *случилось?* — Я пожимаю плечами, и Сэмми начинает так широко улыбаться, что я вряд ли когда-либо видел такой оскал на его лице. Потом он хлопает меня по плечу, как будто я сделал что-то героическое. — Думаю, теперь она будет менее напряжена?

— Это именно то, что ты никогда не должен говорить ей. Если ты не хочешь потерять конечность.

— Очевидно. Я ж не самоубийца.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА КУХНЕ ОКНО, ОБРАЩЕННОЕ на запад, выходит на Залив, и вид из него похож на объемную картину. Я останавливаюсь, чтобы посмотреть, как доки приходят к жизни.

— Ты ел?

Эмма.

Она стоит у входа в кухню, ее волосы влажные от душа. Она бросает мне булочку и в это же время берет себе небольшое количество еды и присоединяется ко мне у окна. Мы стоим там оба в молчании, наблюдая, как чайки лавируют на ветру вдоль береговой линии.

— Я даже не знаю, за что я больше борюсь, — произносит она. — Я лезла на Стену за ответами по поводу происходящих у нас Похищений, за тобой, которого я потеряла и на

которого я в тоже время не могу смотреть. Так что теперь? Какой в этом смысл?

— Смысл? — Я смотрю на нее краем глаза. — Эмма, он в том, когда мы все изменим. Для Клейсута, твоей матери, для Кейл. Разве ты хочешь избавить их от этого?

— Они в безопасности там, где они находятся. Этого мира они должны опасаться. Франка. Копий. Полного отсутствия свободы.

— Еще больше оснований отстранить его от власти. — Она смотрит на меня с возрастающим сомнением, таким взглядом, какой может быть у человека, коим она становится. Таким пессимистичным, уже побежденным. — Но они не свободны, Эмма. Они рабы.

— Почему?

— Похищение. Совет. Все эти глупые правила, которые были созданы только для последующего поколения. Мы оба ненавидим критику. Я не хочу, чтобы Кейл имела с этим дело, когда она станет старше. Я хочу, чтобы она была в состоянии сделать свой собственный выбор. Помнишь птиц?

Он свирепо посмотрела на меня.

— А ты?

Конечно. Я сейчас по-другому к ней отношусь, но идею, связанную с птицами, подкинула мне она, о том, что у них постоянные пары на всю жизнь и это то, о чем я никогда не забуду. Эмма изменила меня. Она изменила меня к лучшему.

Несколько чаек пролетает мимо, направляясь к белоокропленной береговой линии. Одна из них садится на крышу прямо рядом с окном и начинает клевать черепицу, как будто она может пробить себе путь в комнаты на первом этаже. Я складываю ладони и подношу их ко рту, и хоть я ничего не ожидаю, но я дую в них. Слабенький свит издается между ними.

— Ты это слышала?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я принаравливаю ладошки и снова пробую. На этот раз безошибочно. Не так чисто и четко, как воспроизведенные крики Бри, но внятно.

— Ха! — Я открываю окно и высовываюсь наружу. Я хватаюсь за верхнюю часть рамы и подтягиваюсь. Визжат чайки, плещется вода, и мир пахнет солью, надеждой и возможностями. У нас все будет хорошо. У всех нас. У Повстанцев, Экспатов, у нашей неуклонно сокращающейся команды. В мои глаза бьет жестокий утренний ветер, а я стою на черепичной крыше, сложив ладошки вместе, и снова и снова воспроизвожу крик гагар, которых нигде не видно.

— Ну, я рада, что один из нас доволен тем, как все получилось, — бормочет Эмма.

Я поворачиваюсь, но она уже ушла. Теперь Эйден стоит у оконного проема и одной рукой чешет медную шерстку Расти. Он отказывается перелезть ко мне.

— Почему ты солгал по поводу Эммы? — спрашивает он.

— Это сложно объяснить.

— Я не дам тебе попасть назад, пока ты не скажешь.

Я хочу быть честным с ребенком, но это, правда, даст толчок его кошмарам, что только расстроит меня. Он кладет руку на стекло, угрожая запереть меня.

— Эйден...

Он смотрит на меня. Ветер хлещет по моей рубашке.

— Иногда люди врут, потому что они пытаются защитить тебя. Они пытаются помочь.

— Но ты заверил меня, что она мертва. Это было больно.

— Я сожалею об этом, — сказал я. — На самом деле. Я просто действительно не думал, что мы увидим ее снова.

Он стучит по раме, прикусываю свою нижнюю губу. А потом произносит:

— Ты будешь со мной играть?

— Да. Безусловно.

Он отходит в сторону и позволяет мне проскользнуть в дом. Я желаю, чтобы все переговоры были такими простыми.

После нескольких раундов с Эйденом в "Камень, Ножницы, Бумага", я спускаюсь вниз. Харви с Клиппером переписали долю фрагментов кода, и прикрепили их к дальней стене. Выборочные буквы и символы обведены, а линии, соединяющие их, напоминают паутину.

— Ребята, вы хоть поспали? — спрашиваю я.

— Едва ли, — произносит Клиппер зевая. — Но это того стоило.

— Вы что-то нашли?

— Похоже на то. — Он стучит по одну из приколотых листков с комментариями, и я подхожу ближе, чтобы прочитать.

/ Основная логика и большая часть управления варьируется в зависимости от Зоны принадлежности Копии (к какой тестовой группе принадлежит, место назначения и т. д.). Соответствующие алгоритмы должны работать последовательно, хотя некоторые ошибки были инициированы в ранних моделях Копий. Обходить (Ø) ловушки и перезагрузить логику Копии в этих случаях согласно K492. */*

— У Копий есть определенное зонирование?

— Это часть не так важна, — говорит Харви. — Но "обходить", — он постукивает на слове указательным пальцем, — является функцией предохранителя. Он встроен в условия, о которых я говорил прошлой ночью. Если их инициировать, придет их конец.

— Ладно, но как мы инициируем их?

— Мы все еще пытаемся это выяснить. K492 упоминался только один раз во всей программе: здесь, в этом примечании. — Харви наклоняет голову вбок. — Что ты пытаешься мне сказать? — спрашивает он код.

— Мне казалось, что употребление заглавных букв является странным, — говорит Клиппер. — Кстати, между прочим, случайные заглавные буквы появляются и в середине предложений. — Он указывает на другой клочок бумаги, который припилен к стене.

ММОКЦАРТКСБФК

Харви постукивает карандашом по столу. Мы с Клиппером пристально смотрим на буквы.

— Здесь слишком тихо, — нахмуривается Харви. — Мне нужна музыка. Я не могу работать без музыки.

И прямо после его слов буквы бросаются мне в глаза. Я до этого никогда не видел полностью написанное имя, так что я могу быть совершенно неправ, хотя после того, как из-за этого слетела программа Харви, все это мне не кажется таким уже совпадением. Я вскакиваю на ноги и выхватываю маркер у Клиппера.

— Забудь о третьем предложении. Просто посмотри на первые два. — Я вычеркиваю буквы в последнем предложении.

ММОКЦАРТСК

— Мы пытаемся устранить Копии, ведь так? Так что если ты уберешь их... — Я вычеркиваю обе К.

ММОЦАРТС

— ... и просто удалишь заглавные буквы в начале каждого предложения.

МОЦАРТ

— Черт подери, — говорит Клиппер.

Харви шлёпает по затылку Клиппера.

— Следи за языком.

— Я увидел это, как только ты упомянул музыку, — объясняю я. — Имя же так пишется, верно?

Харви кивает.

— Так что это за композиция?

— К492: *Свадьба Фигаро*. Я не понимаю, как я не увидел этого раньше.

— Я не понимаю, — перебивает Клиппер. — Если все верно, предохранитель не сработает.

— Почему нет? — спрашиваю я.

— Вы, ребята, уже однажды делали так в Таеме. Когда вы отправились за вакциной, эта часть... увертюра... была использована для организации диверсии, и тогда это не уничтожило Копии. К тому же, это помогло пробудить Харви в Комплексе, а не вырубить его. — Клиппер оборачивается к учёному. — Может предохранитель требует другого действия?

Харви качает своей головой, оживленная улыбка появляется на его губах.

— Нет, сейчас я вспоминаю, но, чёрт возьми, верно ли я поступил, пытаюсь спрятать это от пытливых глаз. — Харви прищипывает новый клочок бумаги на стену и выхватывает у меня маркер. Он переписывает "*Обходить (Ø)*", а затем указывает на ноль.

— Я думаю, что я специально поставил ноль, чтобы ввести в заблуждение. Он выглядит, как естественный параметр... номер бы прошел, когда функция запустилась бы... но я всего лишь пытался напомнить себе, что *Ø* означает *увертюру* и *обход* — это одновременно и функция, с помощью которой можно уничтожить Копии *и* прием, которым можно играть это произведение.

Ничто из этого не имеет для меня никакого смысла, но глаза Клиппера оживляются.

— Проиграть увертюру *с конца*.

— Ты прав, гений. — Харви ерошит волосы мальчика.

— И это все? — спрашиваю я. — Проиграть эту часть музыки с конца, и это отключит всех до последней Копии?

— В этом вся суть.

— Есть какой-то способ протестировать это?

Харви чешет затылок.

— Нет, если только у тебя не валяется где-то коллекция классических опер. Плюс есть хороший шанс, что я не переживу испытание. У нас, возможно, есть только единственный шанс.

— Но ты уже вышел за рамки своего программирования.

— Я не думаю, что ты понял мою идею о предохранителе, Грей. Когда придет время, будет не важно, являюсь ли я свободно мыслящей Копией или самым лояльным к Франку человеком. Не избежать мне этой последовательности отключения. Он встроен в каждую модель.

Клиппер, вдруг поняв истинный вес слов Харви, качает головой.

— Возможно, есть другой способ. Может...

— Нет, Клэйтон, это он. К тому же, как ты сможешь достойно заменить меня, если я все еще ошиваюсь рядом?

— *Я не хочу* заменять тебя. Я не хочу, чтобы ты опять ушел и я определенно не хочу этого сейчас! — Затем следуют еще ругательства подобного рода.

— Что я тебе говорил насчет этих слов?

— Ты мне не отец, Харви, — огрызается Клиппер и, отпихнув его, выходит из комнаты. Люк захлопывается и Харви поворачивается ко мне.

— Он вернется. — Затем он улыбается, как будто взрыв Клиппера был простой банальностью. Почему этот человек всегда жертвует собой ради других? У него нет ни инстинктов выживания, ни стремления к самосохранению?

— Итак, — говорит он, — как насчет того, чтобы задействовать остальную часть нашей команды?

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПОСЛЕ ТОГО, КАК МЫ ВСЕ СОБРАЛИСЬ НА Лухне на первом этаже, Харви рассказал, что предохранитель спрятан в базовом коде Копий.

— Грей сказал, что у вас, ребята, есть собственный план...

— Хотя он и не знает никаких деталей, поскольку он уклонился от вчерашней встречи, — встревает Бри.

— ...и нам думается, что если мы скоординируем наши усилия вместе, шансы на успех сильно возрастут.

Брови Сентября опускают вниз, делая ее и так не очень симпатичное лицо еще более угловатым.

— Еще раз объясни, как это работает. Я поняла, что аудиозапись инициирует аннулирование деятельности Копии, но как мы сможем добиться того, чтобы каждая Копия услышала ее?

— Клиппер? — говорит Харви, давай парню слово. — Это была твоя идея.

Клиппер смотрит на него в упор, скрестив руки на груди, выглядя достаточно злым, готовый разорвать его голыми руками.

— Я предполагаю, что могу рассказать...

— Мы перезапишем звуковой сигнал системы сигнализации ЭмИста, — выплевывает Клиппер, — заменим стандартный звук сирены на увертюру. В любом городе под куполом обязательно включится сигнализация, если случится нападение, и тогда мы включим увертюру через динамики в каждом здании правительства, на общественных площадях... почти во всех городах.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты можешь перезаписать звук системы сигнализации отсюда, — говорит Сэмми, но тон его голоса выдает, что он не уверен, что такое возможно.

— Я могу подготовить все здесь, — поясняет Харви. — Я напишу вирус, который заставит сигнализацию воспроизвести нашу запись, но она должна быть загружена в сеть Таема вручную, а затем таким же образом отправлена в другие города под куполом.

— *Вручную* — подразумевается человеком? Из Таема? — лицо Сэмми становится бледным в одну секунду.

Харви кивает.

— Это не поможет нам с Копиями, находящимися за пределами купольных городов, — замечает Сентябрь.

— Это правда, — говорю я. — Но большинство из них находятся в городах, и учитывая то, что я узнал в Комплексе, их туда отправляют в большом количестве, в то время, как мы тут разговариваем. Это поможет устранить большинство сил одним махом, давая нам огромное преимущество. Да и выловить оставшихся Копий позже, не должно быть слишком трудным занятием.

— У нас есть агентурные силы, которые уже ведут приготовления к действиям в большинстве купольных городов, — говорит Сентябрь. — И я готовила людей здесь в Бон Харборе. Блик готов появиться перед людьми Ордена в Сосновом Хребте, как только мы скажем, и Хайди направляется на границу.

— Я единственная, кто думает, что этот план совершенно нелепый? — Бри выпрямляется в своем кресле. — Мы не можем сделать тестовый прогон, потому что у нас нет копии увертюры. Но мы все равно собираемся незамеченными вернуться в город, который является оплотом ЭМИста, как раз в то время, когда лицо Грея висит по всей стране, а Харви, скорее всего, самый разыскиваемый актив Ордена. А потом, что? Попросите включить свою сигнализацию? Побывать в одиночестве несколько минут в лаборатории?

— Мы делали кое-что подобное раньше, — говорю я. — Когда мы украли вакцину прошлой осенью, риски были равноценными.

Бри поворачивается к Харви.

— Дай угадаю. Единственный человек, который может вручную загрузить этот вирус — это ты, верно? Потому что это сложно. И в данной работе в последнюю минуту понадобится немного воображения в процессе супер сложного кодирования.

Харви выглядит уязвленным.

— Да, это было бы проще для меня. Клиппер мог бы, вероятно, справиться с этим, но если у нас будет единственный шанс, я думаю, именно я должен это сделать.

— Конечно, ты должен, — иронизирует она. — Конечно.

— Как мы должны туда попасть? — прерывает Сэмми.

— Так же, как мы делали это в прошлый раз, — поясняет Харви. — Лицо Грея развешено на плакатах. Я буду сопровождать его со стражей Ордена и...

Бри выпрыгивает со своего места в мгновение ока. Она ударяет Харви локтем в челюсть, затем заводит его руку за спину.

— Ты думаешь, кто-нибудь здесь купится на это?

— Бри! — ору я.

— Я уже травмировала тебе плечо, Харви, — говорит она, усиливая хватку на его руке. — Я могу сделать это снова.

— Черт, Бри! — Мне приходится использовать много силы, чтобы оттащить ее, и я понимаю, что она в конечном итоге останется с синяком на ее бицепсе от моих рук.

— Ты веришь в это? — спрашивает она, поворачиваясь ко мне.

— Это лучшая возможность, которая нам представляется.

— Это самое наихудшее! Нет никакой гарантии, что когда они тебя схватят, то привезут в Таем. В конечном итоге у тебя появляется возможность вернуться обратно в Комплекс или упокоиться в сточной канаве. И даже если тебя *притащат* в Таем, как удачно складывается, что Харви единственный, кто сможет выполнить эту работу. Может быть, увертюра ни на

что не влияет. Может быть, она сделает Копии выносливее и сильнее. Может быть, он всадит в тебя пулю от имени Франка, а затем вернется в Объединенный Центр как герой.

Харви вытирает салфеткой уголок своих кровоточивших губ.

— Бри, он помогал нам, — говорит Клиппер. Он выглядит почти раздосадованным из-за того, что ему приходится защищать Харви вскоре после их ссоры. — Он хороший.

— И я был с ним один внизу, — говорю я. — Если Харви было бы нужно, он мог бы несколько раз перерезать мне горло. Плюс, если это *сработает*, ты осознаешь, что это подразумевает, верно? Харви умрет, помогая нам это сделать. Он не переживет увертюру.

Прищуренные глаза Бри округляются, смотря на Сентябрь и Сэмми.

— А что насчет того плана, который разрабатывали Адам и Вик с Райдером, прежде чем мы потеряли связь? А наши разговоры с Хайди и Близом прошлой ночью? Мы просто отбросим это в сторону?

— Как мне кажется, это может только увеличить наши шансы, — отвечает Сентябрь. — Мы сделаем это совместно с существующими планами. Плюс, я, наконец, этим утром получила вести от Вика. Я ждала, чтобы рассказать вам о том, что Элия рапортовал из Долины Расселин. По ним был нанесен удар. Сильный. Почти все мертвы, за исключением немногих, кто успел спрятаться в подземных бомбоубежищах. Райдер жив. Мы все еще ждем список выживших, но основываясь на том, что передал Элия, похоже, их не больше сотни.

Клиппер оседает на пол, его рука накрыла его браслет.

— Повстанцы из Долины Расселин думают, что они попали под часть организованного удара, — продолжает Сентябрь. — Этот удар... он сократил нашу численность на Востоке. Сейчас нам необходимо преимущество больше чем когда-либо.

Бри не прекращает качать головой.

— И Вик согласен с этим планом?

— Я доведу это до его сведения — говорит Сентябрь, — но сейчас он находится на корабле. Экспаты и Повстанцы будут действовать в запланированную дату, и если мы это провернем, то это только увеличит наши шансы.

— Это слишком большой риск, — настаивает Бри.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Бри поворачивается ко мне.

— Грей?

Она хочет, чтобы я согласился с ней. Она хочет, чтобы я сказал, что это глупо, рискованно и опасно. И так оно и есть. Но это также преимущество, в котором мы нуждаемся, как только что и сказала Сентябрь, и я хочу посмотреть на выражение лица Франка, когда он будет смотреть, как падают его Копии одна за другой. Я хочу быть там, когда его последняя оборона падет, и смотреть ему в глаза, когда я заберу за его жизнь за Блейна. За всех за них.

Бри хмурится из-за моего молчания.

— Тебе не придется быть частью команды, которая направляется на восток, — обращается Сентябрь к ней. — Ты можешь остаться со мной, помочь с борьбой в Бон Харборе. Вдоль Залива будет безопаснее, чем в Таеме.

— Ты считаешь, что все это из-за этого? Я хочу остаться *в безопасности*? — Она хватается свое оружие со стола и засовывает его за пояс. — Вы все идиоты.

Я хватаю ее за руку.

— Бри...

— Я знаю, я говорила тебе не чувствовать себя плохо, если ты не будешь соглашаться со мной. Но я все равно ждала, что ты будешь использовать свои мозги.

Она вырывается, высвобождая себя, и выскакивает наружу.

Остальная часть команды разрабатывает план до позднего вечера.

Осталась ровно неделя до Дня Разъединения — праздника ЭмИста, который знаменует собой годовщину официального отделения Запада и конец войне. В этот день в Таеме будет проходить Праздничный Митинг. Все будут праздновать. Гвардейцев будет меньше. Это будет тем днем, когда мы атакуем. Это так же та самая дата к которой, как я понял, Адам, Вик и Райдер всегда хотели приблизиться.

Теперь каждый день на вес золота.

Харви с утра первым делом начнет работать над вирусом для сигнализации. За день или за два до Митинга, мы позволим, что бы нас засекли. Вернее, Харви обнаружит меня. У нас не будет вируса при себе, не тогда, когда вероятно, что нас разыскивают. Сэмми с Клиппером как можно скорее доедут до Таема на машине, а затем дождутся нужного момента, чтобы включить трансляцию.

— А что если Вику не понравится наш план? — высказывает Клиппер свои опасения вслух.

— Понравится, — говорю я. — И если по какой-то странной причине этого не произойдет, мы будем двигаться вперед в любом случае. Пойдем напролом. Никто не сможет остановить нас, и мы сделаем это. Я сделаю это. Мы уже достаточно ждали это всю жизнь.

— Я буду завтра первым делом разговаривать с Виком, — уверяет Клиппера Сентябрь. — До тех пор, как насчет того, что выпить за наши новые планы?

На столе появляется бутылка ликера. Стаканы полны. Я жду, что Бри забредет на кухню и нехотя присоединится к нам, но даже когда стаканы наливаются по второму кругу, становится очевидно, что она не передумает. Из-за чего возникает следующая парализующая мысль — осуществить эти планы без нее. Я ставлю свой стакан на стол и отговариваю себя.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ДВЕРЬ БРИ ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА я толкаю ее. Она сидит на краю своей кровати, локти упираются в колени, пистолет сжат в ее руках. Он направлен на противоположную стену, но ее лоб упирается ствол.

— Эй! — говорю я, бросаясь внутрь и забирая у нее пистолет. — Черт подери, Бри.

Она поднимает свой взгляд на меня, ее глаза красные. Она переводит свой взгляд на пистолет и потом снова на меня. Она производит тихий звук — *пфф*, — и говорит: — Я просто думала.

— Ты пьяна? — она продолжает смотреть вперед, как будто бы она может видеть сквозь меня. — Не так ли?

— Я расстроена! — кричит она, вскочив на ноги. — Это запрещено? Разве что-то должно изменить мое психическое состояние, для того чтобы стать эмоциональной?

— Просто ответь на вопрос.

Она бросает на меня взгляд.

— Нет. Я не пьяна.

И потом она плачет. Я не привык видеть ее в таком состоянии: истощенной, с красными

от слез глазами. Прежде чем она успеваает отвернуться от меня, я хватаю ее за руку.

— Почему мы ругаемся?

— Потому что он собирается нас уничтожить... и *ты*... и ты не хочешь этого понять! — говорит она. — У нас нет ни единого доказательства, что Харви не обернется против нас.

— Джексон однажды помог нам.

— Джексон делал то, что было выгодно ему. Всегда. Он спас тебя от Титуса, потому что знал, что если он этого не сделает, то умрет или застрянет под Бургом. Он позволил тебе залезть на Стену, потому что он думал, что преследующие нас Копии не навредят ему. Он думал, что сможет вернуться обратно к Франку, что его семья находится там, и они просто заберут его домой. — Она качает головой. — Грей, разве ты этого не видишь? Есть Копии и есть люди, но между ними нет ничего общего. Джексон всегда искал выгоду для себя.

Но Бри не слышала признаний Джексона под Бургом. Она не слышала его рассказы о том, чего он не должен был в состоянии помнить, или его признания, что он любит своего младшего брата — эмоции, которых не может быть у запрограммированной Копии. Он остался в Бурге не потому, что он думал, что это спасет его. Он остался потому, что знал, что это спасет нас.

И я бы поставил на свою жизнь на то, что Харви такой же. Бри не была там и не видела, как его лицо в Комплексе приобретает осознанность, не видела, как он снял с меня веревки в комнате для допросов и позволил мне уйти. Ему ничего больше не нужно, кроме как помочь нам.

— Праздничный Митинг через неделю, — говорю я ей. — Сэмми и Клиппер скорс уезжают в Таем... чтобы стать нашей подстраховкой...

Ее лицо бледнеет.

— Я хочу, чтобы ты была с ними. В той машине. Прикрывала мою спину.

— Я прикрываю твою спину, Грей. Я говорю тебе прямо сейчас, что я не доверяю Харви.

— Но я верю ему. Неужели мое мнение ничего не значит?

— Если бы ты не ставил свою собственную жизнь под угрозу, возможно все было бы иначе.

— Блейн тоже рисковал своей жизнью. Как и мой отец. И Бо и Ксавье и все остальные. Когда мы вернулись в Сосновый Хребет, я дал обещание в тот вечер, что я отомщу за Блейна или умру, пытаюсь. Это все ради чего я сейчас живу. Чтобы сделать все правильно.

— А как насчет тех, кто у тебя остался, Грей? Я, Сэмми и Клиппер. Неужели мы не стоим того, чтобы жить ради нас?

— Я не могу отвернуться от Блейна. Мне нужно это сделать.

— Но его больше нет, Грей. — Тяжесть в ее голосе достигает ее глаз. — Единственные люди, от которых ты уходишь, что бы сделать это, это те, что у тебя еще остались.

Когда я ничего не отвечаю, она издает слышимый рык и рвет свои простыни.

— Теперь уйди. Я очень устала.

— Бри... — Я кладу руку на ее плечо, но она стряхивает ее.

— Бри, ты нужна мне там, — снова пытаюсь я. — Пожалуйста, не оставайся здесь с Сентябрем. *Пожалуйста.*

Она изучает меня с несчастным выражением на лице.

— Это когда же я говорила, что останусь?

— Но ты только что... и все что ты говорила внизу...

— Все правда, — заканчивает она за меня. — Я думаю, что это тупой план. Я боюсь, это аукнется. И я в бешенстве, что даже со мной, признав все это, ты все еще собираешься работать с ним. Но у меня нет выбора, Грей. Когда у меня *был* выбор?

Я в замешательстве смотрю в ее глаза.

Бри побеждено пожимает плечами.

— Единственное, о чем я больше всего буду сожалеть, прежде чем отпустить тебя на верную смерть, это то, что меня там не будет, чтобы попытаться остановить это. И если я не могу остановить это, я хочу быть с тобой до конца.

— Это звучит самоубийственно, особенно от тебя.

— Любить кого-то уже самоубийство. — Я, должно быть, выгляжу скептически, потому что она добавляет: — Серьезно. Любовь делает людей иррациональными. Я имею в виду, что я чувствую это по отношению к тебе... иногда это пугает меня, Грей. Я пулей отправляюсь за тобой в Комплекс, убиваю мужчин, стреляю не раздумывая прямо в живот в твоего двойника, и если надо будет, я сделаю все это снова. Я сделаю все, чтобы не потерять тебя, и это опасно.

— Для тебя я сделаю то же самое.

— Что делает нас тупыми.

— Нет, если мы не будем терять голову. Мы раньше проходили через трудности. Мы сможем пройти и через это тоже.

— Я надеюсь, ты прав, — говорит она. — Реально. Потому что я без конца повторяю себе то же самое, но это ощущается как гигантская ложь.

Я не могу уснуть. Частично из-за нервозности... впереди нет недостатка в неизвестности, лежащей перед нами... и также еще и потому, что я не могу выкинуть из головы выражение страха на лице Бри, ее стойкое возражение относительно плана. Тем не менее, в первый раз за многие месяцы, я чувствую, что все же, я все делаю правильно. Я точно там где мне нужно быть, иду по единственной дороге, которую осталось пройти. Эта характерная, естественная одержимость, напоминает мне о том дне, когда я перелез через Стену в Клейсуге. Мое сердце уже где-то впереди меня, и теперь мне стоит только отпустить свои ноги, чтобы догнать его.

— Волнуешься? — спрашивает Сэмми, в то время как я снова переворачиваюсь на другой бок.

— Да. А ты?

— Конечно, но я не могу уснуть из-за тебя куда больше, чем из-за своей нервозности, ты бьешься как рыба об лед.

Представленная картина заставляет меня улыбнуться. Но он не может увидеть это в темноте.

— Она же не останется здесь, не так ли?

— Нет. Она поедет.

Сэмми выдыхает.

— Слава Богу. Тебе пришлось умолять?

— К счастью нет, потому что вероятнее всего это бы не помогло. Разве ты не видел, как я просил у нее прощения последние два месяца?

Он слегка посмеивается, а потом добавляет:

— Чёрт, приятель. Почему все, что тебе дорого, всегда в одном шаге от того, чтобы быть отнятым у тебя?

— Мне так думается, жизнь просто заставляет тебя вертеться как белка в колесе.

Вдали я слышу приглушенный шум ударяющихся волн: набегающих на берег, отступающих и ударяющих снова.

— Эм, Сэмми? Что ты делал после того как казнили твоего отца?

— Разбил всю посуду в своем доме, кричал до тех пор пока не охрип, и сжег все его фотографии потому что его улыбка сводила меня с ума.

— Но после этого? После злости и печали?

— Нет никакого после. Я все еще это чувствую. Каждый божий день. Вот почему я оставил Таем и направился в лес. Мне было все равно, что я ставлю мишень на свою спину до конца моей жизни. Я собирался сделать так, чтобы мой отец гордился бы мной, продолжить его дело на свой лад. И я никогда не думал, что я скажу это, но конец возможно уже близок. — Очередная пауза. — Почему ты спрашиваешь?

— Я просто хотел убедиться, что я поступаю правильно. Даже если люди которым я верю, говорят мне обратное.

— Все что я знаю так это то, что если ты игнорируешь, что ты чувствуешь внутри, ты будешь вечно об этом сожалеть.

Мне тоже так кажется. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Слишком темно чтобы разобрать что-нибудь кроме профиля его лица, смотрящего вверх, сфокусированного на потолке.

— Я рад, что этот хаос свел нас вместе.

— Вместе? — он скашивает на меня свои глаза. — Я думал ты пошел на все это ради Бри. Ты же не хочешь обниматься, не так ли?

— Спокойной ночи, Сэмми.

— Что я и пошутить не могу, чтобы немного разрядить обстановку? Здесь все становилось слишком серьезным.

Я улыбаюсь в темноте. Он не может этого увидеть, но он чувствует мое настроение так же, как это мог делать Блейн и добавляет:

— Продолжишь вертеться и я вырву твои жабры.

— Это лучшая угроза, которую я когда-либо слышал.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВИК ПОЛНОСТЬЮ ПОДДЕРЖАЛ наши планы. На самом деле, у него даже появилось несколько предложений, которые увеличивают наши шансы, и он согласился донести эту информацию до нужных людей на востоке.

Я провел большую часть дня, вводя Бри в курс дела, в то время как Харви и Клиппер не вылезали из подвала. Парень собирал убийственную информацию на Орден, которую можно будет выпустить в массы как раз перед слаженным ударом — надеюсь, это простимулирует как можно больше мирных жителей присоединиться к Повстанцам. Харви трудится над своим кодом, создавая вирус, необходимый для заражения системы охранной сигнализации Таема. Когда работа будет закончена, останется вопрос, как попасть в Центральное Объединение, загрузить вирус и найти ссылки на архивные версии увертюры, которая, как обещает Харви, где-то есть. Франк может и запрещает отдельные виды искусства для широкой публики, но он сохранил лучшее из лучших. Послабление допускалось только для него и для нескольких членов Ордена, таких как Харви, когда он еще работал в лаборатории

Центрального Объединения.

В следующий вечер, он машет передо мной флешкой, сообщая, что мы готовы.

У Сентября есть машина, находившаяся в переулке на южной стороне города: одно окошко у нее намеренно разбито, краска местами снята, как если бы она ржавеет там в течение многих лет. Она утверждает, что ей во время торга за эту машину пришлось отдать и руку и ногу, но у нее по-прежнему четыре конечности, и я, как очень заторможенный ребенок, только в последний момент понял, что это фигура речи.

— Запас топлива сзади, — говорит она, бросая Сэмми ключи. — Даже не спрашивай меня, с каким трудом я это обеспечила.

— Так топливо так легко достать?

— Черт, Сэмми, — сказала она улыбаясь.

— У тебя есть документы? — спросил Харви у Клиппера.

— Десятый раз — да! Ты хочешь на них посмотреть?

— Нет, нет. Каждый раз, когда ты открываешь сумку, я волнуюсь, что поездка сорвется, и тогда я спрашиваю еще раз.

— Мы не будем спускать глаз с убежища в Таеме, — обращается Сэмми ко мне и Харви. — Как только птичка на хвосте принесет нам, что вы прибыли, мы выдвинемся.

— Канализация. Не могу дождаться, — слышится от Клиппера.

Хотя она и была наименее предпочтительным вариантом, канализация будет единственной дорогой, которая приведет ко мне независимо от того, где я в конечном итоге окажусь.

— Хватит трепаться, — говорит Сентябрь, призывая трио к действию.

Я протягиваю Клипперу ладонь, но он обнимает меня вместо рукопожатия. Он стал выше Бри за эти дни, где-то мне по нос.

— Держись от этого подальше, гений, — говорю я ему.

Он переходит к Харви, и я вижу Бри, стоящую в коридоре рядом со спальней. С пистолетом на бедре, в куртке, застегнутой на молнию до подбородка и с забитым до отказа рюкзаком, давящим ей на плечи.

Мою грудь сжимает. Я хотел, чтобы она была частью этого, и я убедил ее, но теперь, когда она задействована в этом и готова к работе, я вдруг пугаюсь, что это возможно последний раз, когда я вижу ее.

Я ринулся к ней и потянул ее в свои объятия, стараясь запомнить ее ощущение в моих руках.

— Бри! — Сэмми зовет ее из гостиной.

— Я вскоре действительно увижу тебя, — говорю я ей и оставляю поцелуй на ее лбу. — Доверяй своим инстинктам и все будет в порядке.

— Мои инстинкты говорят остановиться прямо сейчас. Не позволять тебе уйти от меня. Чтобы быть уверенной, что Орден снова не заберет тебя.

— Но они вернут меня к тебе. Ты только подожди.

Она сжимает губы и хмурит брови.

— Я люблю тебя, — выдает она.

— Аналогично.

Еще один быстрый поцелуй, и она обходит меня. Когда я поворачиваюсь, Сэмми стоит в начале коридора.

— Позаботься о ней, — говорю я.

— Ты же знаешь, что она в этом не нуждается, — отвечает он.

— А ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Я это сделаю.

Когда мне исполнилось двенадцать, Ксавье обещал сделать мне лук как для взрослого. Это было за месяц до его Похищения, и он сказал, что это будет его подарок мне. Я был лучшим стрелком, которого он когда-либо тренировал, и он хотел, чтобы я запомнил его после того как он уйдет, чтобы лук стал напоминанием, что я даже не мог выстрелить прямо без его указаний.

Ему понадобилось несколько дней, чтобы найти подходящую ветку клена, и еще день, чтобы снять с нее кору, сделать насечки для тетивы и обернуть ее кожей. Но последним делом было — натянуть лук — что длилось, казалось, гораздо дольше, чем час, пока Ксавье работал над этим. Когда вы беспокоитесь о чем-то, ожидание становится формой пытки.

Прошло всего лишь два дня с тех пор как команда отправилась в Таем, а такое чувство — как будто бы два года.

Беа напечатала вчера свой последний номер "Предвестника", в котором она настояла на том, чтобы сообщить, несмотря на мои возражения, что я вернулся на восток и кое-что задумал. Это привело к новой волне моего поиска Орденом, потому что они не были уверены в своих усилиях до этого. Несмотря на должность Гаррета, дом был взят штурмом. Харви, Эмма и я сидели, забившись в подвале, боясь выдохнуть, чтобы не выдать себя. Все было перевернуто вверх дном, но Орден был слишком занят опрокидыванием мебели и перетаскиванием книжных шкафов от стены, чтобы посмотреть под ноги, под ковер. Они не нашли люка.

Сегодня вечером под покровом пасмурного неба Беа со своими братьями растворилась в ночи для одной из подпольных встреч Сентября. Даже Эмма присоединилась к этому, но для меня было небезопасно покидать дом. Если меня и должны были заметить, то это должно было произойти специально. А пока мне не следует идти на ненужный риск. Ясно одно, что в доме я начал чувствовать себя как в тюрьме и после финального раунда в "Камень, Ножницы, Бумага" с Эйденем, я оставил его в компании Расти и нанес визит Харви.

— Мы отправимся домой завтра ночью, — сказал он, когда я вошел в подвал. — Ты готов?

— Харви, Таем не мой дом.

Я подтягиваю к себе стул и наблюдаю за ним некоторое время. Он проводит каждую секунду бодрствования, с тех пор как команда ушла, глядя на экран, и я понятия не имею, на что он там смотрит. Вирус выявлен и создан, он в руках Клиппера и как-то дальше отправился на восток.

— Что ты делаешь тут? Я думал, твоя работа сделана.

— Так и есть. Я просто читаю.

— Да ну?

Он прищуривается, наклоняясь поближе к экрану.

— Это захватывающе.

Я пробегаюсь большим пальцем по краю деревянного стола, вздрагиваю, когда напарываюсь на занозу. За очками глаза Харви бегают по строчкам, иногда сужаются, иногда поблескивают. Как будто код — это вещь, которую он уважает, человек, от которого он в восторге.

— Ты абсолютно уверен, что это сработает?

— Нет, — просто говорит он.

— Что? — я выпрямляюсь. — На собрании ты сказал...

— Это *должно* сработать. Я действительно думаю, что так оно и будет. Но я также думал, что Копии будут оберегать людей, и что Франк будет использовать их во благо. По крайней мере, поначалу. — Он снимает очки и поворачивается ко мне. Это то, что Харви всегда делает. Когда снимаются очки, это означает разговор и глубокие размышления. Он трет глаза, что значит, что ему отчаянно требуется поспать.

— Наука — это сильная вещь, Грей, замечательная вещь, — говорит он над чем-то задумавшись. — Но когда она используется для обслуживания одного человека, а не общественных масс, тогда это провал. Она становится личным. Технологический прогресс должен приносить пользу многим, чтобы они могли пользоваться им в равной степени. Если один человек поднимается к вершине, если он или она получают гораздо больше, чем все остальные, ну, это шаг в неправильном направлении.

— Я *думаю*, что предохранитель сработает, в этом я практически уверен, но я не знаю точно. Просто так же, как я не знаю, как поведет себя К-ГенХ пока он не перестанет функционировать. Если бы я знал наверняка, мы не оказались бы в этой неразберихе.

Он говорит как *настоящий* Харви, такой страстный и рациональный. В последний раз я видел этого человека, когда его проецировали в ту ночь на куполе Таема.

— Как ты умер, Харви? Ты помнишь?

— У меня есть воспоминания о нахождении меня с тобой в офисе Франка, — говорит он. — Когда медики навещали меня в тюремной камере, чтобы вставить мое плечо. Они вкололи мне что-то, и все помутнело после этого. Следующее воспоминание, это как я открываю глаза под звуки Моцарта. Что касается моментов между ними... — Он прикусывает нижнюю губу, откидываясь в кресло. — Я не уверен, как он... как я... умер. В документах Таема значится, что я получил пулю, когда начались боевые действия на площади.

Я помню, что говорил Бо о Харви, что он в тот день попал под перекрестный огонь. Я искренне надеюсь, что он не мучился.

— Нам никогда не следовало оставлять тебя.

— Я умер.

— Нам следовало это проверить.

— И, возможно, мы не оказались бы здесь прямо сейчас, если бы ты это сделал. Возможно, ты бы тоже был мертв. Или, может, вакцина не попала бы в руки Повстанцев. Жизнь слишком сложна, чтобы задаваться вопросами: «*А если?*». Переживать надо здесь и сейчас, решать, какой дорогой ты пойдешь. Сосредотачиваться на *этих* вопросах.

Он надел очки и повернулся к экрану. Я изучал его профиль.

— Ты знаешь, Бри до сих пор не доверяет тебе, — говорю я.

Разглядывая меня поверх оправы очков, он произносит:

— Полагаю, мне просто придется доказать ей, что она неправа.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ДАЖЕ, НЕ СМОТЯ НА ТО, ЧТО СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ~~но~~носится в мучительном темпе, ночь, наконец-то, неизбежно настает.

— Помните, вы действительно не сможете ни с кем связаться, пока не выйдете на

контакт с Сэмми, — говорит Сентябрь. — Гаррет сможет передать все, что будет происходить во время вашей перевозки, но это будет мертвая зона между здесь и Таемом.

Я это все прекрасно осознавал, но позволил выступить Сентябрю. Для нее это раз плюнуть — все организовать. Я надеваю куртку и закидываю рюкзак. У Харви мой пистолет, который, если все будет разворачиваться как планировалось, нужен будет после того, как Орден возьмет нас под стражу.

Прощаемся мы быстро — ничего кроме рукопожатий. Даже Эмма не затягивает со словами.

— Увидимся как-нибудь, — говорит она мне. Эйден прижимается к ее бедру, другая его рука покоится на облезлой гриве Расти.

— Будем надеяться, — отвечаю я. Она мне улыбается, но, похоже, вынужденно.

Мгновение спустя я выхожу на улицу с Харви. Как же изумительно снова вдохнуть свежего воздуха. Почувствовать ветер на своем лице. Четыре стены не для меня.

Мой желудок сворачивается, когда мы держим наш путь в порт. Лодки на привязи качаются на беспокойной воде, звездное небо отражается на просторах Залива.

Мы, как и планировалось, встречаем Гаррета в доках. Жесткая манжета его формы Ордена царапает мое запястье, когда мыжимаем руки.

— Настало время, чтобы подкрепить всю *ложь* Беа чем-то настоящим, — шепчет он. — Вы готовы, парни?

Я киваю.

— Готов, как никогда.

— Хорошо.

Я закрываю глаза, потому что я знаю, что я не буду способен справиться с этим иначе. Гаррет хорошенько ударяет меня по лицу. Дважды. Второй удар заставляет меня отступить в ошеломлении.

— Ну, тогда начинайте, — говорит он Харви. — Зови их.

Харви направляет мой пистолет в ночное небо и делает выстрел. Звук от выстрела, как гром среди ясного неба в окружающей нас тишине.

— Сюда! — кричит Гаррет, таща меня в блестящие от соли доки. Он прижимает колено к моей спине, и я позволяю ему связать мои руки сзади. — Я... святая преисподняя! Я сказал *сюда!* Быстрее!

Подбегают два члена Ордена, появляясь из затемненных улиц, видимо оттуда, где они несли свой пост.

Руки находят мою спину. Меня переворачивают. Ставят на ноги. Заостренный нос осматривает меня.

— Это тот, о ком я думаю? — Я узнал его голос. Начальник Гаррета. Инспектор, которого отвлекла Сентябрь. Он моложе, чем я ожидал.

— Он похож на него, — говорит Гаррет.

— Он и есть, — утверждает Харви.

— Какого дьявола, а ты кто такой?

— Харви Малдун. Грей держал меня в заложниках, с тех пор как он сбежал с нашего объекта неделю назад. Я еле смог напасть на него сегодня.

— Сделай звонок, — говорит инспектор кому-то позади него. Потом он поворачивается ко мне. — У тебя дела в Бон Харборе? Думаешь, ты можешь проникнуть в мой порт в глухую ночь?

— Я уже проник сюда. Если бы я не потерял свой пистолет, вы бы до сих пор понятия не имели, что я здесь был.

Он ударяет меня коленом в живот. Когда я сгибаюсь и ртом ловлю воздух, Харви просит члена Ордена успокоиться, что в результате приводит к тому, что ставит по сомнению преданность ученого.

— Вы явно не имеете понятия, с кем вы разговариваете, — говорит Харви. — Франк будет доволен, если вы приведете этого мальчика невредимым. И еще он станет более взволнованным, когда он увидит меня рядом с ним.

— И меня, — доносится голос с другой стороны. — Он так же будет рад тому, что я вернулась.

Я поднимаю голову и мою грудь сдавливает. Эмма. Походит к доку, как будто она владеет всем Бон Харбором.

— Я сказал тебе бежать, — рычит Харви, мастерски импровизируя на ходу. — Зачем ты...? — Он поворачивается обратно к члену Ордена. — Она была с нами, еще один заложник Грея. Когда я одолел его, я сказал ей бежать, потому что я не знал, как долго я смогу его удерживать.

— Я работаю в больницах Таема, — говорит Эмма гвардейцам. — Я была одной из самых квалифицированных медсестер. Я просто хочу попасть домой.

Домой? В Таем? В какие игры она играет? Она хотела остаться здесь, в Бон Харборе присматривать за Эйденем, помогать Сентябрю в приготовлении ко Дню Разъединения.

Инспектор отклоняется назад, крича во тьму.

— Каков был ответ на звонок?

— Они сразу же отправили вертолет. Охраняйте его.

— Позвольте мне, — сказал Харви.

Я знаю, что это часть спектакля, но когда он наотмашь ударяет меня пистолетом, я не могу не подвергнуть все происходящее сомнению. Его улыбка — такая коварная, настолько желающая сыграть эту роль. Его прохладная реакция на присоединение Эммы, отсутствие заминок в репликах создает такое впечатление, как будто они репетировали. Я съеживаюсь, когда он ударяет меня снова. Мир становится размытым, потом отрубается полностью, когда мешок опускается на мою голову.

Меня толкают, пихают.

Я слышу, как Эмма называет свое имя и как Орден принимает ее в свои ряды. Гул приближающегося вертолета заглушает все вокруг.

Пока меня тащат, во мне возрастает паника. Вначале глубоко в моей груди, а затем, вздымаясь вверх, подобно болезни, которую мне нужно изгнать, как палящий жар, сжигающий меня изнутри.

Это неправильно. Эмма не должна быть здесь. Нет никаких причин для этого. Нет, если она как-то не уговорила Харви позволить ей присоединиться. Или, может быть, она пытается сделать что-то — месть, справедливость. Не стал ли я ее заклятым врагом?

Это смешно, так думать, что это все сводится к этому? Разве можно поверить, что Эмма — ласковая, нежная, любящая Эмма — может быть направлена по дороге ненависти и горечи?

Я корчусь в своих оковах.

Бри, Сэмми, Клиппер.

Они нужны мне. Они нужны мне и я послал их подальше.

Чьи-то руки толкают меня в спину, заставляя двигаться вперед. Потом меня поднимают и пихают. Я приземляюсь на бок, ударяясь головой о твердую поверхность.

Далее слышится рев двигателя и тошнотворное чувство исчезновения мира окутывает меня.

По крайней мере, одна из частей плана по-прежнему идет так, как задумано. Мы летим. Надеюсь на восток. Я не знаю, что я буду делать, если это не так.

Когда я пришел в себя, мне требуется время, чтобы вспомнить, как меня запихнули в вертолет, мое падение, из-за которого я ударился головой. Я не помню, что было дальше, как я попал сюда, где нахожусь. Или сколько времени прошло с момента полета.

Они, держу пари, дали мне что-то для того, чтобы притупить мои чувства, затуманить мой разум.

Я сижу в темноте и чувствую стеснение, сдерживающее меня на моей шее. Мои пальцы находят веревку. Грубую. Ломкую. Когда я понимаю, что она там находится, царапая мне шею и добавляя дискомфорта, я удивляюсь, как это я проигнорировал ее ранее. Веревка ведет куда-то гораздо выше, чем мои руки могут дотянуться. Я привязан, как собака.

Меня ослепляет. Я нахожусь в абсолютно голой комнате, расположенной на платформе, поднятой на несколько метров над землей и такой маленькой, размером не больше чем средний матрас. Это чудо, что я не выпал оттуда во время сна.

Я слышу, как открывается дверь позади меня, и когда я разворачиваюсь, Франк входит в комнату. Надеюсь, это означает, что я в Таеме.

— Ты как муха, Грей, — говорит он шелковым приказным тоном, таким гладким, как тогда, когда он заставил меня довериться ему. — Назойливая неприятность, которая постоянно жужжит вокруг, создавая достаточно проблем, чтобы по настоящему достать меня.

Франк ходит вокруг платформы, соединяя свои пальцы по очереди спокойной волной. От мизинца к мизинцу. Безымянный палец к безымянному. Его глаза пронзительны — убийственны — когда они впиваются в меня.

— Грей, кое-что не давало мне покоя. Тараканы, ползающие по окрестностям моего города. Они алчные и неблагодарные. Все, что они делают, это поглощают. Они едят и возвращают свои новые колонии. Они думают, что так правильно, потому что они не осознают, что они вредители, что они будут уничтожать любую вероятность безопасности на своем пути. Они пытаются вторгнуться в мой куполообразный рай, чтобы *выпустить* зло в этот мир.

— Я думал, что ты бы мог помочь мне сдержать их, но если быть до конца честным, ты больше не кажешься мне стоящим усилия. Интеллект, который ты получил, в лучшем случае посредственен, и чем больше я позволяю тебе сновать вокруг, тем сильнее эти вредители, такое впечатление, вырастают. Ты подпитываешь их. Это опасно тебе не кажется? Разве можно позволять людям верить в то, что на самом деле не поможет им?

Я фыркаю.

— Что ты действительно можешь предложить им кроме глупой газеты и дико непрактичной слепой надежды? Они прониклись этой идеей, что я — *паразит*, зло, которое нужно сместить, но это я построил их улы. Я обеспечил им безопасность, когда загнивал мир. Я дал им воду, когда все пересохло. Нет, я думаю, я знаю, как с ними теперь бороться, как искоренить это растущее нашествие.

Он замолкает, сведя свои указательные пальцы, которые он подносит к губам.

— Ты расходный материал, Грей. На самом деле, я думаю, что твоя жизнь закончится, когда ты истечешь кровью во время Праздничного Митинга и это, возможно, будет лучшим вариантом для меня, чтобы показать, как мало власти у Повстанцев, раз они потратили все свои силы на безнадежную борьбу.

Он планирует меня казнить. Публично. Возможно, транслировать мою казнь по всем купольным городам. Прелестно. Что даст Харви прекрасную возможность сделать свою работу.

— Разве что... — Франк приближается очень близко к платформе, так близко, что я могу разглядеть морщины вокруг его глаз. Я мог бы ударить его, если бы я был достаточно храбр, чтобы рискнуть, пытаюсь сделать это. — Разве что, если ты, наконец-то, готов к сотрудничеству. Если у тебя есть информация, которая была бы мне полезна.

— Типа расположения штаба? — блефую я.

— О, нет. Я уже позаботился об этом. — Он проводит указательным пальцем по краю платформы и смотрит на меня. — Что планируется? Какой-то удар, верно? У твоих людей есть свои шпионы, а у меня свои. Я знаю, что-то замышляется. Детали за твою жизнь.

— Эти угрозы ничего не значат для меня, — говорю я. — Не тогда, когда все сказанное мной будет использовано против людей: чтобы наказать их, посадить их в тюрьмы, уничтожить их. Все это уже мы проходили: в погоне за властью, вы считаете, что ваш курс — самый лучший курс — *единственный* — и вы заставляете всех его придерживаться.

— Ты думаешь, что это все из-за власти? — Он смеется. — Мой отец всегда пытался помочь стране, люди при власти до него пытались сделать то же самое. Но правда заключается в том, что правительство не сломить. Людей можно. Грей, я исправляю людей. Я создаю мир, где люди милые и порядочные, где они следуют правилам и законам, где порядок превыше всего.

— Я создал Копии для борьбы с ЭмВестом, чтобы держать их в страхе, а теперь я буду использовать их, чтобы обеспечить новый социальный порядок для каждого в ЭмИсте. «Лайкос» — *социальный проект*. Это всегда было для людей, Грей. Когда проект стартовал, я произвел на свет пять общин. Они рождаются самыми верными, преданными солдатами, которых только можно вообразить. Лучший тип граждан. *Достойных* граждан.

— Вы сошли с ума! — выплевываю я. Это неубедительный ответ, но я не могу придумать ничего другого.

— Люди, которые не хотят порядок, сошли с ума. Ты отброс. Твои люди — террористы. Вы угрожаете нашему образу жизни, вы пытаетесь разрушить мир, который мы создали. Мои люди благодарят меня, Грей. Я дал им все: безопасность, охрану, защиту от Запада и Копий, которые могут поддерживать это. Они станут новым Орденом, который никогда не подведет, не устанет и не поредеет. Они будут еще долго продолжать то, что я построил после того как я уйду. Хотя, возможно, я никогда не уйду.

Он улыбается своим словам и мой живот скручивает.

Если предохранитель не сработает, станет не важно, как много газет с моим лицом напечатает Беа, или какое количество сторонников Повстанцев будут шептать друг другу ее умные лозунги. Копии безграничны, а людей не так уж много. Они будут править на земле.

— Скажи мне, что вы, тараканы, планируете, — говорит Франк, — или тебя казнят.

— Я умру в любом случае, поэтому я думаю, что я не предаю свою команду в качестве своего заключительного акта.

Он с небольшой улыбкой на губах отходит на несколько шагов от моей платформы.

— У тараканов есть крылья, Грей, но они не умеют летать.

Платформа кренится подо мной и медленно начинает опускаться. Я вскакиваю на ноги, смотрю наверх на потолок. Веревка по-прежнему провисает.

— Ты убил Марко подобной манерой, не так ли? Такого отличного солдата, Марко. Пожалуй, он был одним из самых лучших людей, которые когда-либо были под моим командованием. Чувствовался иногда, как Копия, учитывая, насколько он был мне верен.

Моя платформа продолжает опускаться. Медленно. Мучительно медленно. Я сильно дергаю веревку, напрасно надеюсь, что она лопнет.

— Теперь ты можешь повеситься или ты можешь сказать мне планы Повстанцев и умереть за них мученической смертью позже. Харви даже может принести тебе почести. Это будет, как и в прошлом году, только наоборот.

Он выжидательно потирает руки.

Пол становится ближе. Я чувствую, как веревка тянет меня выше и заставляет встать на мысочки. Далее идет давление на горло, перекрывающее воздух.

— Удар по Комплексу, — я в шоке от того, как быстро я принимаю соглашение. — Попытаться уничтожить Копий, которых я обнаружил, пока вы держали меня там.

— Когда?

— Во время Праздничного Митинга.

Мои ноги почти не касаются пола. Я ору.

— Интересно. — Это все, что говорит Франк, продолжая наблюдать, как мои ноги отрываются от пола и как я пытаюсь ослабить веревку на моей шее, как я задыхаюсь.

Ужасно умереть вот таким вот способом. В один крошечный миг мне становится жаль Марко за то, что я сделал с ним такое. Я чувствую, как мои легкие дрожат, вздымаются, умоляют.

Я слышу шаги, кто-то входит в комнату. Харви подходит к Франку, наклоняется вперед и что-то говорит ему на ухо.

— Сэр, — говорит он, — я действительно думаю, что мы должны сделать из этого зрелище. Это будет большим ударом.

Они оба спокойно разглядывают меня. Я извиваюсь, как будто я могу плыть по воздуху.

Франк хмурится, но сигналов никому не подает. Веревка обрывается, и я падаю как камень. Боль простреливает в моих коленях и спине, когда я ударяюсь об платформу.

— Увидимся на Митинге, — говорит Франк.

Я стою на четвереньках — у меня рвотные позывы и я задыхаюсь — но я улавливаю улыбку в его радостном тоне. Когда я поднимаю взгляд, чтобы удостовериться в этом, он уходит.

Хлопает дверь.

Свет выключается.

Снова темнота.

Часть четвертая: Хаос ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я СИЖУ У ПОДНОЖИЯ платформы, вытянув перед собой ноги. Моя правая лодыжка болит с тех пор, как я свесился с края и упал на пол. Это было более долгое падение, чем я спрогнозировал во тьме, но мне в любом случае нужно было попытаться. Теперь, не имея

ничего кроме моих собственных мыслей, чтобы занять себя в то время пока опускается вечер, мои страхи множатся.

Мне следовало поехать на восток на машине вместе с Сэмми, Бри и Клиппером. Почему я считал, что лучший вариант — быть приведенным Харви прямо в руки врагов?

Тебе было необходимо стать уверенным в том, что Харви сможет заслужить доверие Франка, шепчет рациональная часть моего разума. Тебе было нужно, чтобы его снова приняли во внутренний круг Ордена.

И да, с тех пор как я покинул Комплекс вместе с Харви на буксире, который являлся якобы моим заложником, только для Харви имело смысл, снова появиться со мной. Проходит еще несколько минут и мой пульс начинает снова ускоряться. Я, совершенно беспомощный, заперт комнате и жду собственную казнь. Если команда не сможет добраться до меня, я знаю, как они будут действовать, когда меня доставят на Праздничный Митинг. Мы в Бон Харборе разработали все варианты по различным спасательным операциям. Но все-таки... Вдруг что-то пойдет не так? Что-то *всегда* может пойти не так. Казнь может произойти здесь. Меня никуда не отправят, и моя смерть может транслироваться по всей стране во время Митинга из этой самой камеры.

Успокойся, говорю я себе, снова стуча своей головой о платформу. Ус-по-кой-ся.

Мне потребовалось очень, очень много времени, чтобы уснуть.

Я просыпаюсь, когда кто-то дергает мои руки за спиной, в том месте, где они достаточно плотно связаны, что начинают натирать мою кожу, когда я напрягаюсь. Меня ставят на ноги, завязывают глаза, а затем заталкивают в машину. Я ничего не вижу, но звук хлопающей дверью, сопровождаемый урчанием двигателя, не вызывает сомнений.

— Давай обратно, — говорит охранник сбоку от меня.

Автомобиль трясется на ухабистом участке дороги и после набирает скорость. Либо окна автомобиля затемнены, либо солнце еще не встало, потому что я не чувствую ни одного солнечного луча, когда мы ускоряемся.

Пока мы едем, охранники ведут разговор о простых вещах: об их зарплате, о желании большего свободного времени, о свадьбе в прошлые выходные, когда кому-то круто повезло. Один из них упоминает о больной дочери, находящейся дома. Их разговор звучит... таким *нормальным*. Если бы я не знал лучше, я предполагал бы, что я нахожусь в машине Повстанцев.

— Вот этот поворот.

Автомобиль замедляется и поворачивает за угол. И снова набирает скорость.

— Держись. Что с мостом? Почему...

Мы резко тормозим.

Я слышу взрыв, прежде чем я чувствую его: оглушительный грохот, сопровождаемый урчанием под колесами автомобиля.

— Это слева! Поворачивай здесь!

Меня бросает на дверь, и я ударяюсь правым плечом. Очередной взрыв. Какие-то осколки ударяют по крыше как дождь.

— Назад! Назад! Прежде чем нас заблокируют.

Автомобиль начинается двигаться в обратном направлении. Мой живот скручивает. Удары раздаются снаружи автомобиля. Я слышу звуки похожие на дождь, стучащий в окна, но мы по-прежнему куда-то движемся.

Третий грохот. Визг тормозов. Мы набираем скорость. Слишком быстро. Я чувствую,

как правая сторона транспортного средства теряет сцепление с землей. Ощущение опрокидывания длится лишь мгновение, потому что вскоре чувства совсем отступают, когда автомобиль начинает крутить. Я ударяюсь, как я полагаю, об крышу автомобиля, затем меня бросает обратно в другом направлении. Автомобиль, останавливаясь, кренится, но канонада снаружи продолжается.

Моя голова раскалывается, и вся правая сторона тела болит. Кровь стекает по лбу и впитывается в повязку на глазах. Я стараюсь не обращать на нее внимания, но когда я напрягаю свои связанные запястья, такое впечатление, что наручники стали еще крепче.

— Пит! — кричит охранник придавивший меня. Он пихает меня, и я чувствую, что он переваливается в сторону того, что было передней частью автомобиля. — Пит? — он замолкает. — О Боже. Ох...

Он хватается меня за локоть и тащит. Мы движемся вверх, но это должно быть ближе к двери с правой стороны, если бы мы не перевернулись. Он не перестает кричать о боли в ноге, но вроде как он находится в лучшем состоянии, чем Пит.

Я слышу, как он борется с дверью, кричит проклятия по поводу своей травмы, и продолжает бороться.

— Помоги мне с этим, — рычит он.

— Сними повязку.

— Забудь об этом.

— Ты хочешь здесь умереть?

Он снова ругается, а потом стягивает повязку.

Машина попала в автокатастрофу. Левым бортом она лежит на земле, крыша и двери помялись, и я бы сказал, что мы перевернулись больше чем один раз, прежде чем остановились. Водитель — Пит — разбил свой череп об рулевое колесо. Второй человек впереди не двигается.

За треснутым лобовым стеклом видно сумеречное небо. Все, что я могу разобрать — это густой дым и темные силуэты нескольких зданий. Мы можем быть где угодно — в Таеме или в Хейвене или еще в каком-нибудь городе, о котором я ничего не слышал. Видимость слишком плоха, чтобы определить, есть ли над нашей головой купол.

Вокруг пахнет огнем и топливом. Я никогда не забуду этот резкий запах — не с тех пор, как Сэмми использовал дизель с "Кэтрин", чтобы помочь мне поджечь мои стрелы в декабре прошлого года. Снаружи густой дым, и позади него видно несколько языков пламени. Это пламя *не* достанет нас. Не должно, хотя я чувствую, что из нашей машины вытекает топливо.

Я напираю своим весом на дверь, находящуюся напротив охранника. Огонь подползает ближе, перекрывая дорогу. Больше выстрелов слышится где-то за паутиной трещин на лобовом стекле.

Пока охранник держит защелку, я снова напираю своим весом на дверь. Ничего. Опять. По-прежнему не открывается.

Что-то раскачивает нашу машину. *Кто-то.*

Я вижу, что ноги карабкаются на машину и ползут в сторону нашего окна. Он тянет дверь. Я со своей стороны напираю своим весом, и на этот раз это удастся. Дверь не распаивается широко, так как это тяжело сделать в перевернутом состоянии. Появляется рука, одетая в черную кожу. Мы хватаем друг друга за запястья. Я знаю, за кого я схватился, даже не видя ее лица. Я узнаю ее фигуру в любом случае и везде.

Она вытаскивает меня, а потом дважды стреляет в автомобиль. Я чувствую себя плохо

из-за охранника, а затем Бри тащит меня по узкому переулку, в то время, как пламя пробирается в машину. Я рассматриваю ее черное одеяние — черные брюки, черная шапка, черная кожаная куртка, обтягивающая ее фигуру, словно вторая кожа. На ней надета маска для защиты от дыма, и она проходит через его густые волны как будто я также одет.

Бой продолжается на улице позади нас, слышится канонада выстрелов, дым клубится в свете пламени. Мы ныряем в здание. Бри держит путь наверх по лестнице, через окно пролезает в соседнее здание, и спускается по нескольким ступенькам вниз, в подвал. Он пустой, но громко и злобно орет сигнализация, мигая красным цветом. Из этого места была произведена эвакуация — что сделала Бри каким-то образом, или, может быть, она орет из-за боевых действий снаружи.

Все это было запланировано. Досконально. И ей должно быть помогли. Слишком много выстрелов для того, чтобы это были просто Сэмми и Клиппер. Должно быть, они связались с другими сторонниками Повстанцев в Таеме после прибытия в убежище.

Бри разворачивается ко мне лицом, выставляет передо мной ладони и я врезаюсь в них. Она срывает с себя маску, а затем шапку.

— Твое самое большое сожаление, — требует она.

— То, что я говорил, что сомневался в нас. — Я не знаю, почему она спрашивает это, не тогда, когда мой единственный двойник умер у нее на руках в Комплексе.

Она держит давление на груди и достает фонарик.

— И назови мне имя человека, про которого я рассказала тебе после нашей первой совместной ночи. — Я моргаю, временно ослепленный. Она собирает в кулак мою рубашку и толкает меня назад. — Как его зовут?

— Лок?

Она опускает фонарик и я понимаю, что и я должен был заподозрить ее. Теперь я знаю, что это она, потому что она упомянула наш разговор о Локе — произошедший в момент, проведенный вместе, один из последних — и шрам над бровью, лишь подтверждает, что проверять ее дальше будет как-то глупо с моей стороны. Как глупо, доверчиво и наивно было при первой встрече с Бри после Бон Харбора сразу поверить, что передо мной *моя* Бри.

— Ты хочешь меня проверить? — Она протягивает фонарик, словно она услышала мои мысли. Затем она качает головой и убирает его в карман. — На самом деле, нет времени. Гагары. Тогда цапли, теперь гагары. У нас все в порядке?

— В порядке.

Бри хватает небольшой топор около стены, лежащий с инструментами на столе.

— Клади руки. — Я поворачиваюсь спиной к столу, кладу свои руки на поверхность и расставляю их как можно дальше друг от друга, насколько мне позволяют наручники.

— Не прома...

— Я не промахнусь. Просто замри.

Я ощущаю движения воздуха в то время как она опускает топор, сопровождаемый болезненным резонансом, который распространяется от запястий и до суставов моих плеч.

— Еще раз, последний, — обещает она.

Слышится свист рассекаемого воздуха, за которым раздается звон разделяющихся оков и мои руки свободно свисают. Оба запястья все еще закованы в металл, но они больше не скованы вместе.

Она отбрасывает топор в сторону.

— Сэмми ждет.

— Сколько людей принимали в этом участие?

— Это имеет значение? Главное, что сработало.

— Но...

— Мне кажется, что за нами кто-то следует, Грей. Объяснения потом.

Я не слышал и не видел никого, но если она говорит, что кто-то на хвосте, я верю в это. Мы мчимся сквозь массивный подвал, который заполнен станками, настолько громадными, насколько позволяет потолок. С равными интервалами на стене прикреплены медицинские аптечки, аварийные выключатели для отключения электроэнергии, пожарная сигнализация. Это должно быть завод и исходя из того оборудования, которое мы минуем, мы находимся где-то на уровне производства.

— Где убежище? — кричу я, в то время как мы бежим.

— Не близко.

— Так как же тогда, черт побери, мы собираемся туда добраться?

— Через канализацию.

Ну, разумеется.

Она делает резкий поворот, ведущий к лестнице.

— Наверх, вылезаем в окно, а потом идем полкорпуса до входа. — Она, обернувшись, едва одаряет меня улыбкой, прежде чем поставить ногу на лестницу.

Выстрелы снова становятся громче, как будто мы повернули в сторону боевых действий. Я вижу окно в верхней части лестницы. Небо практически потеряло все свои цвета.

Бри достигает лестничную площадку и открывает окно.

— Стой, — говорит она, когда я кладу руки на подоконник. Она поворачивается обратно к лестнице, держа пистолет наготове. Проходит несколько секунд и она хмурится. — Он был на хвосте. Я слышала его.

Я не знаю, как. Я едва ее слышу из-за рева сигнализации, а она кричит прямо мне в ухо.

— Мы, должно быть, оторвались от него.

— Неа. — Она хватается мою руку и тянет меня подальше от окна. — Что-то не так. Она морщит лоб. Она лезет рукой себе за спину и вытягивает запасной пистолет из-за пояса. — Мы проверим вместе. Ты проверь внизу, я наверху.

— Ловушка? — спрашиваю я, принимая оружие.

— Я не уверена. Что-то не так.

Мы обходим окно. Она шепотом считает, и на счет три мы оба разворачиваемся, выставляя оружие перед собой. Внизу чисто, никого не видно. Бри сбоку от меня кричит и ныряет обратно в здание. Я слышу, как ее пистолет падает на пол. Прямо тогда я понимаю, что это действительно ловушка, но не на улицах. Нет, это хуже. Я медленно двигаюсь, понимая, что я сейчас увижу и собираюсь принять это.

Бри находится в руках члена Ордена. Он держит ее с ножом, ласкающим ее гладкую кожу шеи, прижав к груди, как щит. В другой руке у него пистолет, направленный прямо на меня.

— Бросай оружие, — приказывает он, и я не вижу ни одной причины, почему бы мне не подчиниться.

ТРИДЦАТАЯ

— НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, ГРЕЙ, — ГОВОРИТ Бри. — Не делай ничего из того, что он

тебе говорит.

— Ты действительно хочешь испытать меня? — говорит член Ордена. — Ведь ты знаешь, что мне придется пойти до конца. — Он сдвигается так, что он уже не полностью прикрыт Бри. Я вижу только половину его лица и мой живот падает. Я смотрю в зеркало.

— Ты же умер. Она застрелила тебя.

— *Я умираю*, — поправляет меня моя Копия. — Но раны живота это медленный, мучительно долгий процесс, что дал мне время. Достаточно для того, чтобы быть доставленным в Таем для получения квалифицированной медицинской помощи. Спасибо тебе за это. Теперь опусти пистолет.

Половина его лица все еще скрыта за Бри, я едва могу выстрелить. Едва ли. Я никогда хорошо не управлялся с пистолетом. Не так как Бри. И если я попаду в нее...

Я сгибаю локоть, направив тем самым пистолет в потолок.

— Черт, Грей!

— Вот хороший мальчик. Теперь опусти его на пол.

— Не делай этого, — говорит она. — Я прошу тебя, не делай.

Но что я должен делать? Что я могу сделать?

— Стреляй в него. Выстрели, — призывает она.

— Так громко, — Копия подносит нож к ее губам и заставляет ее замолчать. Она замолкает, но он продолжает давить, так что она начинает задыхаться. Нож проскальзывает в ее рот, и я вижу, что он вырастает как волдырь, прижимаясь ее щеке изнутри. Моя кровь холодеет при виде этого, а затем стынет в жилах от слов, изливающихся из Копии меня. Он сыплет угрозами, как будто они песни, которые он любит петь: что у Бри грязный рот... Что она использует его как оружие против него и ему следует отобрать его у нее. Что она собака, которой требуется намордник, но, возможно, безопаснее будет оставить ее без губ вообще.

Ее глаза впиваются в мои и она закатывает глаза. Такое впечатление, что она сейчас осуждает меня, критикует за мою нерешительность. Как будто у меня море вариантов, что делать. Здесь не может быть речи ни о какой-либо стрельбе, я не смогу выстрелить в Копию не задев ее.

Бри ставит ноги в широкую позицию и снова закатывает глаза. Показательное движение. И я понимаю.

Бри собирается согнуться.

Прежде чем я успеваю образумить ее, она наступает Копии на ногу. Он стонет. Затем она наклоняется, ударяя его своими бедрами в живот, и перекидывает его через плечо. Он плюхается на пол, и моя пуля достает его. Дважды. Так что тут ошибки быть не может. Я хватаю оружие Бри и дважды выстреливаю в Копию. Он мертв. Ушел навсегда.

Но когда я оглядываюсь, я понимаю, что случилось что-то страшное.

Бри истекает кровью. Везде. Крови так много, что я не могу сказать, где заканчивается ее рот и начинается рана.

Я бросаюсь к ней, цепляясь за ее лицо. Его нож без проблем нашел себе дорогу. Когда она наклонилась, чтобы он потерял равновесие, она сделала это с ножом, прижатым изнутри к ее щеке, даже не смотря на то, что для этого движения потребовалось противостоять острому лезвию.

Уголок ее губ больше не заканчивается там, где должен быть.

Она не кричит от боли — пока, по крайней мере — но море крови выливается из ее рта, а она пытается ловить ее своими руками.

Я тяну ее подальше от окна и дальше по коридору. Медицинские аптечки в большом количестве находятся на уровень ниже, но создается такое впечатление, что проходит вечность, прежде я нахожу что-либо. Я выдергиваю аптечку из держателя и тащу Бри до ближайшего туалета. Я кидаю наши пистолеты в сумку, достаю бинты и прижимаю к ране.

Бри нечленораздельно ругается своим разрезанным ртом.

— Это плохо? — спрашивает она.

— Да, — говорю я, потому что я знаю, она не захочет услышать ложь. — Но с тобой все будет хорошо.

Я нахожу хирургические иглы, медицинскую нить. Я могу зашить, я могу починить ее. Не то, что она сломлена. Она *ни за что* не способна сломаться. Даже в руках этого жалкого комка плоти, остывающего в коридоре — той ужасной тени меня самого.

Бри сидит на краю раковины, когда я стараюсь очистить ее от лишней крови, но повязка задевает рваную плоть ее щеки. И вот тогда приходят слезы.

Он увидела себя в зеркале.

Я признаю, что это плохо. Это одна из самых худших, самых противоестественных вещей, которые я когда-либо видел, улыбка, которая тянется к ее щеке. Она опять ругается. Слезы капаят. Я говорю ей, что я могу сделать это лучше, хотя я не уверен, что смогу.

Я промываю рану раствором, который нашел в аптечке. Она кричит, ее руки впиваются мне в предплечья.

— Ты в порядке. С тобой будет все хорошо.

Она впивается ногтями в мою кожу.

Далее идут стежки. Игла зацепляется, когда я направляю ее в щеку. Приходится собрать все свое самообладание, чтобы успокоить дрожащую руку, и продолжить приближение к ее щеке, чтобы посмотреть на ее прекрасное лицо и знать, что я собираюсь оставить на нем шрам. Что это даже хорошо, что я пытаюсь сделать сейчас, — это еще одна рана, которую она будет носить всю свою жизнь.

Я зашиваю до уголка рта, прежде чем меня осенят, что я не знаю, как закрыть шов. Я хотел бы, чтобы Эмма была здесь, чтобы это было сделано правильно. Ее работа была бы чище, более аккуратной. Но ее нет, и поэтому я делаю все так, как могу. Я заканчиваю свою работу узелком, отрезав излишек нитки хлипкими ножницами, которые я нашел в аптечке. В момент, когда я закончил, я поцеловал Бри. Прямо в порезанный рот, но, насколько это возможно, как можно дальше от свежих швов. Я ощутил вкус крови на ее губах, и я возненавидел себя за то, что это заставило меня съежиться.

Я бросаю грязные бинты и принадлежности в раковину и перевязываю рану. Получается громоздко и неудобно — марлевая повязка на нижней части щеки. Она дрожит, осознаю я. Все ее тело содрогается.

— Что с тобой? Больно? Тебе что-нибудь надо?

Ее кожаная куртка вся блестит от крови и несколько высушенных борозд, тянется вниз по ее подбородку и шее. Что-то побежденное написано на ее лице, в некоем роде сомнение и отчаяние, которое я чувствовал в ней только однажды — когда мы были в ловушке под Бургом и она плакала у меня на груди, в крошечной тьме камеры.

— Эй.

Она не отводит глаз от зеркала.

— Бри! — я хватаю ее за запястье, и ее взгляд устремляется на меня. — Я люблю тебя, я так сильно, твою мать, люблю тебя, — говорю я ей.

Ее нижняя губа подрагивает, ее глаза изучают меня, задерживаясь на волосах. Она выуживает салфетку из медицинской аптечки и притягивает меня ближе. Я стою между коленями Бри, а мои бедра опираются на прохладную раковину, на которой она сидит, в то время как она устремляется к моему лбу. Я забыл о своей травме, о крови, которая заливала мне повязку, когда автомобиль закрутило. Она очищает рану, сражаясь с дрожанием собственных пальцев, а затем делает небольшую повязку. Я предполагаю, швы не требуются.

Сигнализация все орет, слегка приглушенная дверью, которая отделяет нас от коридора. Боевые действия кажутся сейчас невероятно далекими.

Бри смотрит на меня. Нет то чтобы на меня, а как бы сквозь меня. Это заставляет меня чувствовать себя слабым и не способным сделать вдох. Потом, как будто что-то вытряхивает ее из забытья, она спрыгивает с раковины и хватается за свой пистолет.

— Канализация. Мы опоздали и Сэмми подумал, что случилось худшее.

Вот только сейчас она становится самой собой — напористо сильной и уверенной — и тогда же шок обрушивается на меня. Мои ноги подгибаются. Я опираюсь на стену, моя рука дрожит, когда я сжимаю пистолет.

Я не могу потерять кого-нибудь еще. Не могу.

— Грей, — говорит она. — Мне надо, чтобы ты был рядом со мной.

Я сглатываю. Держа обеими руками пистолет, Бри поднимает его и шагает в коридор. То ли потому что она попросила меня, то ли потому что никого нет, я предпочитаю следовать за ней и это заставляет меня двигаться.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я СПРЫГИВАЮ С ЛЕСТНИЦЫ и мои ноги с плеском ударяются о воду.

Здесь отвратительно воняет, как будто сама смерть обосновалась здесь: плесенью, отходами и тухлятиной.

— Следи за своим ртом, за повязкой.

— Расслабься, Грей. Я не собираюсь совать свой нос в эту грязь.

Хоть она и говорит медленно и с трудом, но нож Копии, конечно же, не нанес урон ее язвительному языку.

Ширины тоннеля едва достаточно для двух человек, чтобы идти рядом, а единственный источник света проникает с уровня выше, с улицы, где-то каждую сотню шагов или около того. Чем дальше мы идем в канализацию, тем мутная вода становится глубже. К счастью, дорога на следующем перекресте идет в гору. Новый тоннель в два раза больше, с лестницей наверх, идущей параллельно потоку воды. Я стараюсь не думать, что мои руки хватаются за ступеньки, по которым прошли грязные сапоги Бри, когда я лезу за ней. Над головой какой-то автомобиль с грохотом проезжает над нами по улице.

— Ты думаешь, они найдут нас? — спрашиваю я.

— Они будут пытаться. Особенно когда они получают сигнал, откуда передавал его последний раз передатчик Копии. — Она оглядывается назад. — Тебе следует быть осторожным в городе. Франк к чертовой матери содействует Праздничному Митингу, прося каждого поучаствовать. Он даже предлагает семьям дополнительные карточки на воду, чтобы они тем самым гарантировали свое личное присутствие.

— Митинг начнется с казни... это кучка незадачливых ублюдков хочет сделать все публичным... а затем он разоблачит Копии. Тем не менее, он, конечно, не будет их так

называть. Это будет представлено таким образом, как будто он собирается познакомить всех с новой рабочей группой, иными правоохранительными органами, которые будут служить и защищать каждого в обществе, всех до единого под куполом.

— Я предполагал, что буду составлять часть казни, — говорю я ей.

— Я знаю. Весь Таем это знает. Ты самая большая звезда этого мероприятия. Франк опровергает новости, напечатанные "Предвестником" — правду о водных ресурсах, о смертях в Стоунуолле, о битве в Бурге. Он утверждает, что вся эта кровь на твоих руках, что Повстанцы и ЭмВест — террористы и ты дергаешь их за ниточки.

Мне вспоминается, как Исаак однажды заявил в Заливе, что *революционеры и террористы — это одно и то же*. Мы — меньшинство, угроза нормам. Но то, что мы делаем — это правильно. Не так ли?

Бри поглядывает через плечо.

— Что случилось с твоей шеей?

Я надолго не задерживался в туалете, чтобы осмотреть себя в зеркале, но я представляю, что у меня остались следы от веревки с того времени, как меня подвесили. Может еще и синяки.

Бри хмурится, когда я рассказываю ей историю, потом слушаю ее. Поездка на восток с Сэмми и Клиппером прошла без происшествий. Люди Повстанцев подтвердили, что меня держат на допросе на окраине города. Как и планировалось, Харви слил время, когда меня должны будут перевести в Объединенный центр, плюс маршрут машины, которая будет меня перевозить. Повстанцы заранее скоординировали свои атаки, взрывы блокпостов на перекрестках, чтобы развернуть бронированную машину и привести ее в тупик по их выбору. Команды на улицах должны были сдерживать силы Ордена в преследовании, пока Бри с Сэмми не вытащат меня.

— А где сейчас Сэмми?

— В убежище, — отвечает Бри, — уверенный, что что-то пошло не так.

Она замолкает, когда мы доходим до еще одного перекрестка, затем сходит с дорожки и спускается вниз по лестнице. Возвращаемся в отходы. Она указывает на ответвление в туннеле, такое же по которому мы впервые вошли в канализацию.

Я вздыхаю и следую за ней.

Убежище — это не более чем блок, из которого мы выходим на поверхность.

Сэмми и Клиппер ждут нас вместе с Элией. Место принадлежит его кузену, которого нам представляют по прибытии. Элия находится здесь в течение последних нескольких ночей. Райдер тоже в городе и располагается в другом месте. *"Готовится"*, — поясняет Элия.

В ближайшем будущем я надеюсь никогда больше не услышу слова *"подготовка"*, *"планирование"*, и *«ожидание»*.

Нам показали подвал, в котором мы останемся на ночь, и это не симпатично. Несколько кроватей между пыльных ящиков и коробок для хранения. Одинокое окно, находящееся всего в нескольких дюймах от потолка, может с утра добавить немного света, но сейчас это захлавленная комната является темной и серой. Воздух влажный. Я чувствую, как будто я вернулся обратно в канализацию.

— Ты думаешь, что цирк приехал или что-то в этом роде? — огрызается Бри.

Клиппер отводит глаза от ее перебинтованной щеки, внезапно очень заинтересовавшись носками своих ботинок.

— Что случилось? — спрашивает Сэмми.

— Нож, — отвечает она.

— Нож?

— Ты оглох что ли с тех пор как я тебя в последний раз видела?

Сэмми мельком бросает взгляд в мою сторону, и я незаметно киваю ему головой. У Бри нет абсолютно никакого желания говорить о том, что произошло на том заводе. Я знаю, что это так же верно, как если бы она сказала мне об этом. Возможно, когда-нибудь она сможет вдаваться в подробности, но сейчас — это то же самое, как я запер трагедию с Блейном в моем сердце — она просто хочет двигаться вперед.

Как только Бри собирается снять мои наручники с запястьев, немного согнув металл, Сэмми вываливает на нас все детали, которыми Элия поделился с ним до того как мы пришли в дом.

Франк придерживается своих планов, как будто ничего не изменилось. День Разъединения будет завтра, и он по-прежнему притворяется, что я у него. "Иллюзия порядка вызывает порядок сама по себе", — говорит он своим ближайшим советникам. По крайней мере, это то, что передал Харви.

— Кто-нибудь что-нибудь слышал об Эмме? — спросил я.

— Да, моя экстрасенсорная связь с ней была в последнее время довольно сильной, — говорит Сэмми. Затем добавляет более серьезно: — Мы еще не общались с Сентябрем, но Элия сказал, что попробует сегодня вечером связаться с ней. Так что возможно скоро?

Зная, что Харви слил информацию о моем перемещении команде, становится непонятно, почему он ничего не упомянул о том, что Эмма присоединилась к нам в Бон Харборе. Я чувствую, как щелкает замок на левой руке и металлический браслет открывается. Я тру освободившееся запястье, но скручивающий узел в желудке только усиливается. Бри хватает меня за другую руку, и пока она опять работает над замком, я делюсь своими страхами по поводу мотивов Эммы.

Сэмми мотает головой.

— Она бы не поступила так с нами. Я знаю ее.

— Ты знал ее Копию, — указывает Бри, — и она была беспощадной.

— Но зачем? — продолжает Сэмми. — Что она может получить с этого?

— Может она...? — Бри обрывается и ругается. — Может она просто Копия.

— Она не Копия, — настаиваю я. — Я проверил ее глаза. А ты убила одну из ее моделей.

— Возможно ты выдел то, что ты хотел видеть, из-за того кто она и что она для тебя значит. Возможно...

— Черт побери, Бри. Я не настолько слеп. Это она.

Сэмми трет костяшки своих пальцев большим пальцем.

— Тогда чего, черт возьми, она хотела?

— Я не имею представления. Она, должно быть, знает что-то, чего не знаем мы.

— Звучит как адский секрет, — говорит Бри.

Сэмми выдвигает несколько теорий, и ни одна из них не имеет большого смысла, но он уже был предан Копией Эммы, и я не думаю, что он еще раз выдержит это. Он любит ее, даже после всего, и он хочет, чтобы она была человеком, достойным этого.

Второй замок открыт и я массирую и это запястье.

— Я по-прежнему выкладываю файлы завтра, правильно? — спрашивает Клиппер.

— Абсолютно точно, — отвечаю я.

Это ничего не меняет. Клиппер должен доставить вирус на флешке, и завтрашнее вербовочное событие Ордена — та часть мероприятия Митинга открытая для любого гражданина с тринадцати лет и старше — для этого прекрасная возможность. Он попадет внутрь Центра Объединений у всех на виду, не вызывая при этом никаких подозрений. Харви заберет ее в заданном месте и немедленно примется за работу. Остальные из нас рассеются по центру.

Повстанцы и Экспаты будут оставаться на позициях в Таеме, в других купольных городах, в открытых и бедных городах. Вирус Харви найдет Копий после того, как сработает сигнализация. А что насчет нас троих — меня, Сэмми, Бри? Мы останемся ночевать под открытым небом, наблюдая за Франком, выжидая. Каждый из нас готов сделать первый выстрел.

— Я не знаю, ребята, — говорит Бри. — Вполне возможно, Харви и Эмма работают вместе. Может быть, это не очень умная идея, чтобы Клиппер доставлял флешку. Удар Экспатов и Повстанцев все равно произойдет, и у нас все равно будет возможность сделать тот выстрел во Франка. И *мы не должны* рассчитывать на сигнализацию. Особенно когда нет никаких доказательств, сработает ли предохранитель на Копиях или нет.

— Я пойду туда, — настаивает Клиппер. — Харви хороший. Я видел это.

— Так же как и Грей видел, что Эмма такая же? — возразила она.

— Иногда мне кажется, ты слишком гордая, чтобы признаться когда-нибудь, что ты можешь ошибаться.

— Клип, ты можешь ткнуть меня этим в лицо, если я такая. На самом деле, я надеюсь, что до этого дойдет. Потому что у меня плохое предчувствие.

— Поэтому мы просто сдадимся, потому что у тебя есть *предчувствие*?

— Нет, мы принимаем решение командой.

— Командой! — взрывается он. — *Командой?* Ты единственная, кто все еще намерен ненавидеть Харви. Команда еще несколько дней назад решила, что делать, так что присоединяйся или отвали.

— Наверху Элия, — говорит Сэмми. — Мы можем узнать его мнение.

— Это ничего не изменит, — говорю я твердо. — Предохранитель сможет дать нам невероятное преимущество, и мы не отступим только потому, что Эмма тянет нас вниз. Меня не волнует, что об этом скажет Элия.

— Тогда я надеюсь, что у кого-нибудь есть карты, — бубнит Бри. — Мы должны перепроверить завтрашний маршрут.

Под куполом города Повстанцы готовят скоординированный удар. То же должно произойти в Хейвене, Лоде и Редиксе. Шестеренки уже завертелись. Предохранитель станет неожиданным компонентом. Винтиком, сюрпризом.

Сам Таем становится беспокойным. Элия рассказал, что на улицах вспыхивают бои. Магазины разграблены. Водяная консерватория была зачищена, когда граждане завалили охранников в попытке набрать пару лишних галлонов для своих семей. Он говорит, что некоторые из этих актов были спланированы нашими людьми, что уже подлило масло в огонь. А что касается других? Они ведут себя естественно и растворяются среды обычных граждан. День Разъединения призван напомнить им об освобождении от Запада, о том дне их жизни, когда снова стало безопасно, но в этом году, станет совсем наоборот. До континентального землетрясения и войны, всегда было достаточно еды, воды,

продовольственных карточек не существовало, а Орден не патрулировал улицы в любое время суток. Но газета Беа стала искрой, от которой разгорелось пламя. Истории, которые зародились в Бон Харборе, поползли на восток. *«Вы не одиноки в чем-то, желая лучшего»* — обещали эти страницы. И люди наконец-то поверили в это.

По-прежнему раздраженный Бри Клиппер пораньше отправился спать, а остальные остались корпеть над картами города и канализационными трубами до поздней ночи. Митинг не мог происходить в более центральном месте расположения. У нас достаточно много вариантов оказаться там, но канализация будет самым безопасным. Бри указывает на место, где мы можем разделиться, и мы решили, что определим точку воссоединения позже. К тому времени, когда мы улеглись по нашим кроватям, сон ко мне никак не приходит.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить образ Блейна. Это не должно быть сложно, и все же я не могу представить его должным образом. Какие-то моменты опущены и туманны. Я забыл точный оттенок его глаз и уголок рта, когда он смотрит на меня неодобрительным взглядом. Он уже становится призраком, воспоминанием, и все же боль так же остра, как и в тот день, когда я потеряла его.

В темноте скрипит кровать.

Я понимаю, что Бри подходит ко мне, приподнимает мою простыню и скользит в мои объятия.

— Что не так? — шепчу я.

Она прижимает лицо к моей груди. Я целую ее в макушку. Кровать не достаточно большая для нас двоих, но едва ли хочется на что-то жаловаться.

— Ничего, — отвечает она. — Теперь все великолепно.

Мы засыпаем вот так — вместе. И завтра мы тоже встретим вместе. И если у меня есть она — если мы есть у друг друга — я знаю, что нет ничего, с чем бы мы не могли встретиться.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

КЛИППЕР УЖЕ УШЕЛ, когда мы проснулись. Бри кидается наверх и высовывается из окна с надеждой, что она все еще успеет поймать его.

— Я хотела пожелать ему удачи, — говорит она, позволяя занавеске упасть обратно на место. Она оглядывается через плечо на меня, и ее противоречивое выражение на лице разит сожалением.

— Зная, Клиппера, я сомневаюсь, что он все еще злится на тебя, — говорю я. — Не беспокойся на счет этого.

Она несколько раз кивает, но я чувствую, что она изо всех сил пытается убедить себя, что это правда.

Элия уехал ночью, чтобы занять свой пост, но его двоюродный брат проводил нас. Он дал нам к тому же шарфы и шапки, чтобы прикрыть наши лица, и мы отправились под видом гражданских лиц в центр города на Митинг. Мы попадаем в канализацию без каких-либо инцидентов, и расходимся по дополнительным уровням безопасных туннелей. Сэмми отделяется в первую очередь. Другой блок подземелья — и теперь очередь Бри. Моя рука находит ее запястье, когда она поворачивается, чтобы уйти.

— Ты в порядке? Как твоя щека?

— Швы зудят, но я в порядке, — говорит она.

— Бри, я бы хотел, чтобы ты знала что...

— Никаких прощаний, — заявляет она. — Я очень скоро тебя увижу.

Она целует меня в щеку и уходит, ее ботинки шлепают по воде и нечистотам. Я смотрю на нее и поднимаюсь по лестнице на улицу. Она не оглядывается, даже когда она забирается выше и скрывается из виду.

Все это кажется слишком хорошо знакомым, это своего рода прощание перед точкой невозврата. Последний раз, когда она также поцеловала меня в щеку, то столкнулось с нутром Таема и мы покидали город с ней на руках, без сознания и истекающей кровью от пулевого ранения в плечо. Я приложил кулак ко лбу.

Нервы. Чертовы нервы.

Когда я был маленьким, я был дерзким, смелым и глупым. Я прыгал с высоких веток деревьев. Я выпускал стрелы слишком близко к городу. Я искренне верил, что я был непобедим. Но я осознаю правду сейчас: я — человек. Напуганный, мимолетный человек. Как и Блейн, который умер из-за кусочка металла размером не больше, чем мой мизинец.

Я досчитал до десяти, а затем заставил себя двигаться. На следующем перекрестке, мне налево. Точно так, как и планировалось, лестница ждет.

Я хватаюсь за ступеньки и поднимаюсь.

Мой пост находится на верхнем этаже офиса с видом на площадь Таема в юго-восточном углу. Через окно я вижу толпу, состоящую из жителей и членов Ордена, которая уже начинает собираться. Возвышающаяся платформа, на которой я стоял прошлой осенью, была реконструирована после пожара, и новые перекладины выглядят гладкими, как лед, по сравнению со старым зданием за ней.

У меня хорошее место для выстрела. *Надеюсь*. Все зависит от того, где Франк будет стоять. Тупая охрана Митинга. Если бы члены Ордена не были бы размещены на крышах, помимо улиц, все это было бы намного проще.

Я запираю дверь, хотя дом пуст и залезаю на стол. Я срываю потолочную панель прямо над компьютером. Слепо шарю своими пальцами и нахожу винтовку, оставленную тут Бри и Сэмми несколько дней назад по прибытию в Таем. Длинный ствол с прикрепленным прицелом, один магазин. Год назад я вообще ничего не знал о таком оружии, а теперь я хоть еще пока и путаю названия моделей, но я могу перечислить основные его части. Я не уверен, рад ли я тому, что приобрел этот навык.

Я приседаю рядом с окном и смотрю сквозь жалюзи. Стена позади платформы оснащена экраном, транслирующим видеоряд из других купольных городов. Похожие площади. Стабильно растущая толпа. Группа членов Ордена напрягается, чтобы поднять купол, а-ля шатер над Таемовской платформой. Только этого мне не хватало. Еще один заслон от обстрела.

Я открываю окно, нацеливаю винтовку в ту сторону, где, как я думаю, Франк будет сидеть на сцене. Остается только ждать.

Мне хочется, чтобы у меня была связь между мной, Сэмми и Бри. Тишина дает мне слишком много времени, чтобы подумать обо всех вещах, которые могут пойти не так. Доставил ли Клиппер посылку? Загрузил ли Харви вирус, чтобы взломать систему сигнализации? Как много людей, находящихся на нашей стороне, находятся на площади? Когда они начнут действовать, присоединятся ли к ним остальные, или Орден затушит сразу же их вспышку? А что насчет Эммы? Эмма, Эмма, Эмма.

Где-то около полудня начнутся официальные празднества. Сцена будет кишеть жизнью,

наполненная высокопоставленными членами Ордена и политическими деятелями. И конечно, там будет Франк.

Всматриваюсь в прицел и начинаю бормотать проклятия.

Харви защищает Франка, как телохранитель. С северо-западного угла площади у Сэмми вообще не будет возможности выстрелить, не с этой видеооснащенной стеной в глубине сцены и с навесом, поднятым над головой. А Бри — на другом южном углу площади — вероятно, имеет такую же возможность выстрелить, как и я, что требует пристрелить Харви, для того чтобы добраться до Франка.

Я почти представляю ее в любом случае нажимающую на курок. *Два в одном*, сказала бы она.

Но что, если он еще не загрузил вирус? Я жду, затаив дыхание.

Выстрела не будет.

Хорошо, она думает также как я.

Мы просто должны быть терпеливыми. В конце концов, Харви передвинется. Он знает, что мы ждем здесь, и он в нужный момент прекратит притворяться.

Проследовала серия выступлений, некоторые были сделаны чиновниками Франка со сцены, другие транслировались на стену позади платформы о том, как Орден выступал в разных купольных городах. Вспоминали войну, говорили о том, как смогли обрести свободу от разбушевавшегося Запада, о том, что нужно держать фигуральные стены, крепкие и высокие, между двумя странами. Утверждали, что ЭМИст никогда еще не был таким сильным, что Орден обеспечил новое будущее для своего народа. Из пепла и разрушений Франк дал возможность вновь почувствовать себя в безопасности.

Никаких казней не происходит. Франк никогда не признает этого, но я уверен, что он специально выбрал мотивационные выступления вместо казней из-за растущей напряженности под его куполом. Ему не нужны мученики.

Когда он, наконец, встает и подходит к микрофону, толпа становится до жути безмолвной. Харви все еще как тень стоит с одной его стороны, второй советник с другой. Хотел бы я быть на крыше, желая просто встать и дойти до такого места, где я бы мог сделать чистый выстрел. Вместо этого чертового окна и его ограниченной ширины.

Франк благодарит людей за их терпение, когда он ищет как можно больше воды для масс, объявляет свою благодарность за то, что они позволили ему стоять во главе так долго.

— Это была нелегкая работа, но мы становимся сильнее с каждым днем, — говорит он. — Как Франконианский Орден. Наша численность растет в геометрической прогрессии, и эти новые солдаты будут служить тебе, народ ЭМИста, не покладая рук.

После его слов, появляются члены Ордена и встают по периметру площади. Некоторые выглядят идентично. Копии.

На стене позади Франка можно увидеть, как дополнительные силы заполняют улицы, которые окружают площадь. Видео сменяется улицами Таема и другими купольными городами. Везде число К-ГенХ моделей является подавляющим, окружая мирных жителей, как скот в загоне.

— Многие из вас знают о растущих угрозах, с которыми мы сталкиваемся — неспособность ЭмВеста прекратить войну, попадание нашего народа под влияние террористической пропаганды и невыносимой лжи. Я уверяю вас, что я не позволю этим людям поставить под угрозу наше будущее — *ваше* будущее. Я буду продолжать бороться за ЭМИст. Я неуверенно принял эту роль годы назад, но сегодня я с радостью принимаю это.

— А что насчет тех людей, которых ты убрал, чтобы поддержать свое место? — раздается голос. — Тех, кто смел подвергнуть сомнению, правильный ли ты человек, чтобы *принять* эту роль?

Толпа отступает от провокатора, как будто он выдыхает смерть. Он говорит в конусообразное устройство, которое усиливает его слова, и когда он на мгновение опускает его, признание появляется на лице Франка.

— Райдер, мой старый друг. Из какой канавы ты вылез, чтобы присутствовать на этих торжествах?

— Почему же, я выполз из леса, Димитрий, из-под моего разрушенного дома. Хотя ты уже знаешь это, смотря, как вы сбрасывали на нас бомбы. На меня и на всех, кто достаточно смел, чтобы признать в том, что мы не считаем, что твое правление лучшее для Таема — или ЭмИста, если на то пошло — чем могло бы быть.

— Осторожнее, с тем что говоришь здесь, Райдер.

На соседней крыше, я могу разобрать нескольких членов Ордена, встающих на колени по краям здания.

— Разве я говорю слишком громко, как *вероломный* Запад? — Райдер поворачивается к толпе, повысив голос. — Если несколько сотен из нас думают как на Западе, может быть, на Западе не так ужасно. И если тысячи из нас думают как на Западе, возможно, нас большинство. Возможно, что Франк и его Орден это те, кто в меньшинстве.

Франк поднимает руку. Стрелки на крышах ставят оружие наизготовку.

— Что ты собираешься делать, Франк? Стрелять в меня? Перестрелять всех нас? — В время слов Райдера, смешанные с толпой Повстанцы двигаются вперед, пробираясь через толпу, как стадо движущееся среди деревьев. Они окружают Райдера, образуя барьер из тел и отталкивают всех к краю площади. Оттесненные к краю жители смотрят то на армию Райдера, то на Орден, неуверенные, кто есть кто.

— Вот это ты делаешь с теми, кто выступает против тебя, не так ли? — продолжает Райдер. — Казнишь их? Охотишься на них? Устраняешь их, прежде чем они смогут найти кого-то, кто разделит их взгляды?

При этом стена за Франком с ревом возвращается к жизни с новыми кадрами: Повстанцы, выбирающиеся из-под обломков подпавшей под бомбежку Долины Расселин. Дома Бон Харбора разрывающиеся на части во время проведения обысков и конфискации. Дымящийся отель в Сосновом Хребте, в котором мы останавливались, и члены Ордена, прочесывающие улицы. И после этого, я вижу Бург, как это было, когда Франк впервые попытался уничтожить там Проект "Лайкос", а затем опять же Бург, под снегом, освещаемый вспышками взрывов. Последний кадр выхватывает самолет, где человек Адама идет на таран, чтобы дать нам шанс для побега.

Снимки мелькают между клипами. Мой отец. Мать Клиппера. Ксавье бросает дротик и Бо в процессе своего постукивания. Я даже мельком увидел себя с Блейном, находящихся в больнице Долины Расселин, когда он был еще в коме. Есть и другие лица, которых я не узнаю, но я уверен, что все их жизни закончилось слишком скоро.

Я знал, что Клиппер составил эту запись, но ничто не могло подготовить меня к тому, что бы увидеть это в связке, одно изображение за другим. Это как будто бы удар под дых.

Видеоряд ускоряется: аресты, пожары, очереди с карточками за водой, разовые казни в темных переулках. Инспекционные лодки и тонущие корабли.

Все дело рук Ордена.

— Ты утверждаешь, что ЭмВест наш враг, — кричит Райдер. — Ты утверждаешь, что держишь нас в безопасности, но мы в безопасности с друг другом. — Он поворачивается к толпе. — ЭмВест обошелся без Ордена и без дозирования воды. Они помогли некоторым нашим, когда мы были в беде, и они готовы стоять с нами сейчас, прямо здесь. В День Разъединения. Пришло время для нового разделения на Востоке: людей от Ордена. Мы не нуждаемся в защите и безопасности, которые обещает Франк. Мы теперь должны держаться вместе, пока не стало слишком поздно. Прежде, чем мы будем на самом деле в меньшинстве. Эти новые силы на площади, эти солдаты, о которых он говорит, как о молодых специалистах — только начало. Давай, Клип! — кричит Райдер в небо. — Покажи им.

Видео снова меняется.

Плохо освещенная, большая комната, в которой я когда-то стоял в оторопи. Сплошные ряды Копий. Светящиеся. Растущие.

— Если вы думаете, что Орден сейчас властвует, просто подождите, пока их число не станет бесконечным, — говорит Райдер.

Двигайся, Харви, я бормочу про себя. С угла моего зрения, он по-прежнему блокирует все, за исключением плеча Франка. *Подвинься*.

— Это все деяние ЭмВеста то, что он вам показывает, — говорит Франк, его голос спокойный и уверенный, как никогда. — Не обманывайтесь. Райдер — это тот, кто скрывался все эти годы, пока я сражался за вас.

Видео обновляется, показывая дополнительные кадры из Комплекса. Производственный уровень, а также склады, доки, Франконианский герб на ящиках и лодках, и людей в штатском ходящих по коридорам.

Люди по краям толпы бормочут, шепчут.

— Вы слышали слухи, — говорит Райдер. — Некоторые из вас возможно даже читали о них в подпольной газете. *Существует* сопротивление. Есть парень, такой же потерпевший как и вы, изгнанник стоящий за свободу. — Газета Беа появляется на экране. Мое лицо. Ее заголовок. Ее ложь, которая становится правдой как раз в этот момент. — Он здесь, среди нас. Он только один человек, но он будет сражаться, если и вы будете, и вместе нас станет много.

Шепот перерастает в рев. Когда Копии поджигают толпу по краям, оружие готово, первый агрессивный контакт начинается: толчок, колено, удар.

— Поэтому я обращаюсь не только к вам, граждане Таема, но и ко всем в куполообразных городах-сестрах, и к людям, отрезанным от укрытия много лет назад и до сих пор каждый день сводящих концы с концами, — продолжает Райдер.

Голова Франка дергается к экрану. Панические нотки в словах советника подхватываются микрофоном.

— Это вещает везде? Вырезать это. Прекратить передачу.

— Встанете ли вы со мной, с Востоком и Западом? — вопрошает Райдер, раскинув руки.

— Почему никто не стреляет? — спрашивает Франк, держа руку у своего уха. Он говорит с Орденем, но как и его советник, он тоже стоит рядом с микрофоном.

— Давайте *Митинговать*, — заканчивает Райдер. — Давайте *Разъединим* наши отношения с Орденем.

— Ради Бога... Схватить их! — кричит Франк. — Кто-нибудь. Стреляйте!

Взрыв.

Райдер падает.

Кто-то кричит.
И вспыхивает битва.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ТОЛПА НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ почти так же быстро, как и Копии. Члены Ордена на крыше распыляют слезоточивый газ на площадь. Из окон слышатся одиночные выстрелы, больше людей Райдера обнаруживают себя на своих постах.

Я снова смотрю через прицел. Харви провожает Франка в сторону броневика, стоящего прямо возле платформы.

Я цепляюсь за спусковой крючок.

Давай же, Харви.

Он нагибается.

Еще чуть-чуть.

Теперь достаточно.

Прежде чем я успеваю нажать на курок, пуля врезается Харви в руку, полностью промахиваясь мимо Франка. Слышатся крики, большее количество членов Ордена устремляются туда. Франк спешит в машину. Я смотрю в то место, откуда стреляли: пост Бри. Они указывают туда. Что-то кричат.

Матерясь, я с трудом отрываю взгляд от прицела. Эти здания будут прочесаны. Мне нужно двигаться.

Бой теперь становится оглушительным. Хлопки выстрелов, взрывающиеся заряды и крики. Слишком много криков. Сигнализация, наконец-то, взрывается, но это стандартное, безэмоциональное, повторяющееся жужжание. Означает ли это, что Харви не смог получить нашу загрузку, или он решил не заморачиваться с этим?

Нет времени, чтобы заикливаться на этом.

Я оставляю винтовку и бегу обратно тем же путем: в шахту лифта до первого этажа, потом по воздуховоду в подвал и обратно в канализацию.

Огибая первый поворот, я сталкиваюсь с Бри. Мы оба падаем в неглубокие нечистоты. Она вскакивает на ноги и немедленно берет инициативу на себя.

— Зачем ты сделала тот выстрел? — спрашиваю я на бегу за ней.

— Я думала, я достану его.

— Но ты попала в Харви и если он не сможет получить теперь вирус... если он ранен и не сможет...

— Я облажалась, ладно? Прости! Теперь ты отвяжешься от меня?

Я проглатываю возражения. Когда мы несемся по воде, мы сменяем друг друга и я не запоминаю дорогу. На самом деле, я понятия не имею, где мы находимся, но я знаю одно: мы должны объединиться сейчас с Сэмми.

— Бри, а что на счет Сэмми?

Она не замедляется.

Я хватаю ее за руку.

— Эй!

Она поворачивается, и эта часть канализации настолько плохо освещена, что я не могу разобрать ничего, кроме белков ее глаз. Под своими пальцами я могу чувствовать манжеты ее рубашки.

— Где твоя куртка?

— Мне пришлось скинуть ее.

— Почему?

— Что ты пристал ко мне с допросом? Мы должны добраться до места встречи.

Она пытается вырваться, и я не позволяю ей.

— Мы договорились встретиться в канализации. В том месте, где Сэмми первый отделился.

Эту рубашка. Знакомый материал. Куда она меня тащит?

Это не правильно.

Мое сердце падает.

Я знаю, что происходит, но я не хочу признавать это, потому что это означает то, чтобы надо дотянуться до своего пистолета, запасного, на моем бедре, и что если она опередит меня в выстреле? Ее уже наготове. Она уже была готова все это время.

Что-то взрывается на улицах, и вспышка света проникает в канализацию через дренажные решетки. Она освещает ее на секунду от шеи до талии. Она одета в униформу Ордена.

— Почему на тебе это одето?

— Грей, ты пугаешь меня, — говорит она.

— Почему на тебе надета эта униформа?

— Чтобы гармонировать. Я напала на молодого паренька из Ордена, носящего мой размер, застрелила его и забрала его одежду.

— Где?

— Где что?

— Где ты напала на него?

— На площади.

Моя рука тянется к ее шее, и я прижимаю ее к стене. Она роняет пистолет от удара.

— Черт, да что с тобой? — Она лупит по моей руке.

— У тебя не было времени, что выстрелить в Харви и также оказаться на площади. А потом еще попасть в канализацию в одно время со мной.

Я держу свой пистолет правой рукой, а левой прижимаю ее к стене.

— Грей, это я, черт возьми! Я стреляла, и врезалась в члена Ордена в полу квартале до канализации. Я клянусь, это правда. Я *клянусь!*

— Ты только что сказала, что пересеклась с пареньком на площади.

— Я имела в виду улицу! Как я могу думать, когда ты направляешь на меня пистолет.

Это так похоже на нее. Ощущается, как она. Во мне этого нет. Я не могу приставить пистолет к ее лицу и нажать на курок. Что если я ошибаюсь?

Я хватаюсь за щеку, отчаянно хотя ощутить повязку, чтобы найти доказательства, что она *моя* Бри. Прежде чем мои пальцы дотрагиваются в темноте до ее лица, слышится голос, от которого у меня все холодеет.

— Грей?

Это ее голос, но на расстоянии. Где-то еще в канализации.

Я кричу ей.

— Не двигайся. — Ее ответ эхом проносит по канализации, отскакивая от стен. — Я приду к тебе.

Это она. *Настоящая* она. Если девушка торопящаяся встретиться со мной Копия, тогда

та, кого я держу на мушке это Бри. Используя мой мгновенный перерыв в концентрации в свою пользу, девушка в моих руках бьет меня коленом в живот. Моя хватка ослабевает. Она карабкается прочь на четвереньках.

— Какая твоя любимая птица? — спрашиваю я, напирая на нее. — Отвечай немедленно или умрешь.

Она, молча, выпрямляется. Что-то поблескивает в ее руке. Пистолет. Она нашла его.

— Она приближается, Грей. Эта штука. Пожалуйста, нам придется...

— Ответь на вопрос.

— Цапли, — отвечает она.

— Цапли?

— Да, цапли. Всегда были.

Еще один взрыв на улице, еще одна вспышка света. На этот раз я вижу в мерцании ее лицо — лицо Бри. Красивое. Насупившееся. И ни одного изъяна на ее коже. Она выглядит как та девушка, которую я встретил несколько месяцев назад в Долине Расщелин.

Я выдыхаю и нажимаю на курок.

Раздаются шаги по туннелю позади меня.

— Какого черта ты здесь делаешь? Мы должны прихватить Сэмми. — У нее есть фонарик. Луч падает на валяющееся тело. Я отворачиваюсь и почти готов потерять то небольшое количество еды, которое осталось в моем желудке.

— Дерьмо, — говорит Бри, глядя на труп. — Грей...?

Она трогает мое плечо, и мои руки снова действует по своему усмотрению. Тянется к ее шее. Ее шея в моих руках. Опять. Безграничное количество в его распоряжении. Я не могу доверять ей. Никому нельзя доверять.

— Гагары, — говорит она. Она не борется в моих руках, просто позволяет поднять фонарик вверх к потолку и отвечать как угодно спокойно. Достаточно светло для меня, чтобы увидеть ее забинтованную щеку, шрам над глазом. — Цапли были до этого. Теперь гагары.

Я немедленно отпускаю ее. Мои руки трясутся.

— Мне так жаль.

— Не надо бы. — Она дотрагивается до своей кобуры. — А что насчет тебя?

— Сказал, что мы не сработаемся.

Она не обращает на это внимания. Сейчас нет нужды в фонариках, чтобы проверить шрамы, глаза или что-нибудь еще. Я заключаю ее в объятия. Прижимаю ее к своей груди. Ее кожаная куртка холодит мою кожу.

— Сейчас для этого нет времени, — говорит она, и я знаю, что она права.

Мы отходим друг от друга и я стараюсь игнорировать визуальные эффекты, которые проигрываются в моей голове. Что она выглядела как она. Как я всаживаю пулю в зеркальное отображение человека, которого я люблю больше всего в этом мире. Становится трудно дышать. И я был готов придушить ее — мою Бри.

— Ты выстрелила в Харви, — говорю я, чтобы отвлечься от безумия, бушующего в моей голове.

— Я думала, что у меня есть шанс и я это сделала. Я промахнулась на долю дюйма. Что уж вспоминать — это ничего не изменит.

Мы огибаем угол и едва не сталкиваемся с Сэмми.

— Ребята, где вы были? — выкрикивает он. Бри прижимает свое предплечье к его горлу

и прижимает Сэмми к стенке. — Дерьмо, Нокс! Что за чертовщина?

Она проверяет его глаза, отпускает его.

— Нам нужно идти.

— Как насчет плана, сигнализации? — спрашивает он. — Где отключающая последовательность?

Бри покачивает головой.

— Возможно, Харви и в самом деле сотрудничает с Эммой. Эти двое, единственные, за которых мы не можем сейчас поручиться.

Топот с правой стороны заставляет нас повернуться. Канистра, брошенная в канализацию, начинает распространять газ. Почти сразу глаза начинает жечь.

Бри поднимает воротник кожаной куртки, закрывая нос и рот.

— Туда, — говорит она.

Мы бежим.

Только чтобы окунуться в еще большее количество газа.

Надо отступить и мы возвращаемся к перекрестку, направляясь по единственному оставшемуся свободному маршруту с левой стороны.

— Они пытаются выкурить нас отсюда, — говорит Сэмми.

— Они ведут нас, куда им надо, — поправляю я, что не удивительно, в сторону к мертвой Копии. Туда, куда она пыталась вывести меня изначально. Мои желудок сворачивается, когда мы минуем двойника Бри, а потом мы еще несколько раз поворачиваем. Впереди, все заполнено газом. Позади, то же самое. У нас есть один оставшийся вариант: лестница справа, ведущая наверх.

— Стреляют, — говорит Бри, скользя, пытаясь остановиться. — Я знаю, куда это нас приведет. Мы всего в нескольких кварталах от Центра Объединений.

— Насколько это может быть плохо? — спрашивает Сэмми. — Все находятся на площади.

— *Нам* тоже следовало быть на этой площади, — говорю я, чувствуя вину накрывающую меня. Таков был наш план, и ничего не сработало. Люди гибнут из-за этого. Мы можем в конечном итоге тоже умереть. Я едва могу дышать, а мои глаза такое впечатление горят.

— Просто лезь, — приказывает Сэмми. — У меня абсолютно нет никакого желания умирать в этой грязи.

Мы карабкаемся вверх по лестнице и отодвигаем решетку. Мы вылезаем в узком переулке, прямо напротив колес. Автомобиль — стандартная модель Ордена — типа такой, что напали на "Кэтрин" несколько месяцев назад — но водителя в ней нет. Там Клиппер. Он зовет нас, и мы не спорим. Как только Бри хлопает дверью, мы летим.

— Как ты нашел нас? — спрашиваю я.

— Харви. — Клиппер ведет машину грубо и нервно. Примерно так же ужасно, как и я. — Орден решил, что стрелок будет передвигаться по канализации, и они хотели вести его к Объединенному Центру. Харви сказал мне, где вас подобрать.

Газ, должно быть, был последней надеждой, брошенной Орденом после того, как сигнал Копии Бри прекратил передачу.

Я оборачиваюсь. Через заднее окно я смотрю на еще несколько автомобилей Ордена скользящих от торможения и разворачивающихся к точке входа в канализацию. Водители поглядывают в нашу сторону, когда мы поворачиваем за угол. Они могли предположить, что наш автомобиль, заполнен другими членами Ордена. Опять же, мне кажется, мы обязаны

избежать неудачи в конечном итоге.

— Вам следует посмотреть трансляцию, ребята, — говорит Клиппер. — Беспорядки везде. Не только в Таеме, но и в других куполообразных городах тоже.

— А сигнализация? — спрашивает Бри, когда автомобиль сворачивает за очередной угол и выезжает на главную дорогу. Здесь до жути пустынно. Объединенный Центр маячит впереди, глядя стоически за его величественными воротами.

— Все загружено, — обещает Клиппер. — Это займет несколько минут.

— Харви никогда не упоминал о задержке.

— Это потому...

Лобовое стекло покрывается паутиной и Клиппер падает вперед. Весом своей руки он поворачивает руль налево, и мы врезаемся в дом. Моя голова ударяется в сиденье передо мной. Выбивается дым из-под капота.

— Клиппер! — вопит Бри. Она выпрыгивает из машины и открывает переднюю дверь. — Клип. Черт! Помогите мне, ребята. Помогите мне!

Сэмми зажало в середине и он пытается вылезти неровно дыша. Крови на нем не наблюдается — в той части, где мне видно, — но он, похоже, не в силах пошевелиться. Я переползаю через него и как раз вовремя помогаю подхватить вес Клиппера, пока Бри вытягивает его из машины. Кровь булькает на губах мальчика, выливаясь на его грудь.

— Черт, черт, черт, — бормочет Бри.

— Клиппер, держись. — Я прикладываю ладонь к его груди. Кровь не останавливается. — Оставайся с нами.

Я поднимаю взгляд на пулевое отверстие в лобовом стекле. Угол, прицел... Стрелок находит в одном из близлежащих зданий прямо сейчас. Наверное, сейчас он держит нас на мушке.

Я беру Клиппера за руку. Он пытается нам что-то сказать, но вместо этого закашливается. Бри что-то кричит, мои уши ничего не воспринимают.

Клиппер выглядит юным. Он выглядит таким юным.

— Мы сделаем, чтобы с тобой все было хорошо, Клиппер. Ты будешь в порядке.

Но уже его хватка на моей руке слабеет.

Проклятие, он выглядит как ребенок.

Автомобили со скрежетом останавливаются позади нас. Члены Ордена выскакивают на улицы со всех углов. Я стягиваю браслет с запястья Клиппера.

Голова мальчика покоится на его груди с того момента, как мы его тащили. Он смотрит прямо на меня, но больше нет света в его глазах.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БРИ СЖИМАЕТ ЧЕЛЮСТИ Когда автомобиль несется по улице. Повязка на щеке темная и влажная, швы разошлись после ее криков.

Я чувствую подушечкой большого пальца грубое плетение браслета Клиппера.

Тринадцать.

В свои тринадцать я был охотником. Я проводил свои вечера, терроризируя Мод, дергая Колокол Совета, а днем я флиртовал с Эммой. Я подстрекал Блейна, когда это было возможно, но молчаливо желал, чтобы он считал, что все крутится вокруг меня. Все было возможно. Даже в мире, где жизнь заканчивалась в восемнадцать лет, я думал, что я смогу

сделать все, что захочу.

Любые вещи мог бы делать Клиппер, все, что захотел бы, мог бы иметь... Они забрали это у него. Украли. Отобрали прямо из его рук.

Он был ребенком. Проклятым дитем. Все еще растущим. Немного меняющимся каждый день.

Тринадцать.

Ярость заполняет мою грудь.

Я хватаю руку Бри, переплетаю свои пальцы с ее. Она сжимает их в ответ.

Этого становится достаточно, чтобы удержать меня от взрыва.

В Объединенном Центре сигнализация мигает красным, ее звук стандартный и чистый, как никогда.

Нас тащат не в камеру, а на закрытое и пустующее поле для тренировок. На овальный участок травы, окруженный экранами, на каждом из которых транслируется хаос. На площади пламя вырывается из окна здания и дым окутывает все внизу. Где-то падают люди, их тела растаптываются теми, кто еще борется. Войско, носящее темные мундиры преобладает над остальными. Еще больше автомобилей едет на площадь. Из-за каждого угла появляются бесконечное число Копий.

Хотя я не узнаю все места, я вижу подобные дебоши на других экранах. Пожалуй, в Хейвене. Да и в Радиксе и Лоде.

Мы в меньшинстве. Нас перехитрили. Мы побеждены. Без предохранителя, люди обречены стать раздавленными.

Копия ведет меня, толкает между лопаток, призывая идти быстрее. Мы доходим до линии, нарисованной на траве, и он говорит нам встать на колени.

— Я не могу... дышать, — выдыхает Сэмми, — не говоря уже... встать на колени.

Его пинают в спину коленями. Мы с Бри сдаемся без боя.

На смотровой площадке стоят Франк и Харви, наблюдая за происходящим. Плечо ученого забинтовано после промаха Бри, и когда он видит нас на коленях и избитыми его рот дергается. В улыбке? В гримасе? Я не могу сказать.

— Предатель, — огрызается Бри.

Я собираюсь признать, что она была права, что Харви никогда не работал с нами. Его план существовал для того, чтобы вытащить всех Повстанцев и Экспатов из укрытия, чтобы завлечь нас на убой. Но потом...

Сигнализация меняется.

Рев отрубается и превращается в беспорядочное стаккато. Это не песня, а какофония. Ноты, кажется, повышаются и смягчают во всех неправильных местах, пульсируя от некоего спазма. Франк прикрывает руками уши. Копии делают то же самое. Я бы тоже так сделал, если бы они не связали мои руки при выходе из автомобиля. Шум является ничем, кроме оглушительного, конвульсивного припадка.

— Какого дьявола, что с ней случилось? — кричит Франк.

— Не знаю, сэр. — Харви наклоняет голову, прислушиваясь, как будто он очарован этим безумием. — Я пойду, проверю.

Он проскальзывает внутрь. Франк возвращает свое внимание к Копиям на поле и проводит пальцем по своей шее.

Я чувствую дуло пистолета, прижатое к затылку. Краем глаза я вижу так же, как напрягается Бри.

Мои последние мысли забавны. Я был в такой ситуации до этого и я мог думать только о настоящем, о вещах, по которым я бы скучал, о вопросах, которые остались без ответа. Но не на этот раз. Я знаю, что Сэмми и Бри отправятся за мной, так что я не задерживаюсь на них. Я знаю, что Клиппер будет ждать там, куда мы идем. И Блейн тоже.

На долю секунды я, несомненно, согласен. Если все, кого я люблю и о ком забочусь не в этом мире, на хрена я борюсь, чтобы остаться в нем? Но всплывает воспоминание обо мне и Эмме, стоящих около окна в апартаментах Сентября. Она говорила так безропотно, как будто потеряла всякую надежду.

Поэтому, когда я слышу, как снимается предохранитель, я думаю о ней. О ее выборе. О ее все еще загадочной цели.

Даже после всего этого, я надеюсь, что она обретет какое-либо счастье. Я не могу представить, что будет легко справиться с чувством вины после того, как она столкнется с этим миром без друзей.

Сигнализация затухает, потом спазмы возвращаются к жизни, зацикливаются, как и планировалось.

Позади меня Копия начала заходиться от кашля. Я чувствую, что дуло скользит по моему черепу, а затем вообще прерывает контакт. Кашель становится все хуже, и когда я поворачиваюсь, Копия лежит на земле. Все они — и те двое, что держали на мушке Бри и Сэмми, и другие, что стояли на страже. Я хватаю отброшенный пистолет и встаю. Мои руки все еще связаны, но я достаточно хорошо могу целиться. Мой палец может нажать на курок. Но когда я смотрю на балкон, глаза Франка закатываются. Он секунду пошатывается, хватается за дверную раму, а затем рушится, как и все его Копии.

Как будто *он* Копия. Или был Копией.

Я не могу оторвать глаз от того места, где он упал. Разве я когда-нибудь встречу с ним настоящим? Была ли до этого Копия на площади, которая обращалась к общественности, в то время как реальный Франк отсиживался в безопасности?

Я оборачиваюсь, внимаю то, что происходит на экранах, окружающих поле. Копии падают везде. На площади Таема, на улицах, под другими куполами. Это как смотреть на высокую траву, на которую дует ветер, видно как идет волна, руша все на своем пути.

Харви пошатываясь, выходит через дверь на поле. Он смотрит, затаив дыхание. В шоке, но пока живой.

— Ты в порядке! Это не... Клиппер собирался...

Я проглатываю слова, но Харви всматривается в нас — в кровоточащую щеку Бри, в браслет, который я по-прежнему сжимаю в своей руке, в Сэмми, ссутулившегося на траве — и понимает.

— Этот ребенок, — говорит он, борясь со слезами. — Боже, как я любил этого ребенка.

Это вторая Копия, от которой я слышу признание в любви. То, что должно быть невозможно. Насколько зыбка грань между человеком и не человеком? Сделали ли мы что-то одновременно необходимое и неправильное с предохранителем?

Бри предлагает Харви ладонь.

— Мне жаль, что я сомневался в тебе. Что, вероятно, не кажется сейчас слишком многим, так как ты доказал, что ты тот, кем ты был, но я все равно должна была это сказать.

Когда они пожимают руки, на его лице отражается паника. Его скрючивает и он падает на колени.

— Харви? — Я бегу к нему.

Он кашляет, забрызгивая траву с кровью, потом перекачивается на спину. Это происходит. Предохранитель не сработал на нем сразу, потому что он сломал его собственным программированием? Потому что его жертва сделала его более человечным, чем Копия? Он запускается в кашле, и я понимаю, что я никогда не узнаю ответ. Единственное, что я знаю наверняка, это не остановить, нет способа помочь ему, и я падаю на колени.

Харви выгибается. Мы с Бри хватаем его за руки и пытаемся удержать его, когда его трясет. Крики, которые он издает намного страшнее, чем были у других Копий.

Бри смотрит на пистолет на траве, потом на меня.

— Ты хочешь пулю? — спрашиваю я Харви. — Это будет быстро.

Он качает головой в агонии.

— Только вы двое.

Так что мы удерживаем его руки, даже когда он заставляет нас держать так, что наша кожа становится белой под его хваткой. Он просит, чтобы это закончилось, беззастенчиво плачет, а затем, так же быстро, как все и началось, он вздрагивает и это конец. Кровь сочится из уголка его рта.

Бри прощупывает пульс на его шее и хмурится.

Член Ордена врывается на поле.

— Оружие на землю! Отойдите от него.

— Он умер, — говорит Бри.

— Оружие *на землю!*

Эмма следует за охранником. На ней медицинский халат и ее правая рука сжимает пистолет.

— Кого первым? — спрашивает ее член Ордена.

Она приставляет пистолет к его виску.

— Никого.

— Но ты сказала... Я думал...

Своей свободной рукой Эмма достает шприц из кармана халата. Игла вонзается в мягкую плоть шеи охранника, прежде чем он даже осознает опасность. Он хмурится, а затем его лицо полностью расслабляется, за секунду до того, как он падает.

Эмма поворачивается к нам и развязывает наши руки.

— Дело дрянь, — говорит она, смотря на валяющегося Сэмми. — Он выглядит еще хуже, чем на камерах. Здесь. — Она кладет небольшой кусок окровавленного металла в мою ладонь. — Его офис, — говорит она. — Используй чип, чтобы попасть туда. Там книжные полки, за ними есть потайная комната.

Я замечаю окровавленный бинт на руке Эммы. Она вырезала имплант из своей руки. Она порезала себе руку, чтобы получить этот чип.

— Чей офис? — спрашиваю я, окончательно сбитый с толку.

— Франка, — объясняет она. — Я выяснила это некоторое время назад, прежде чем они посадили меня в Сосновый Хребет, чтобы ждать тебя. Он много раз навещал меня в больнице. *Я одаренная*, говорил он. *Талант, как Харви*. Иногда его глаза были вполне человеческими. В другое время они не были неправильные, как у Копий. Я очень хорошо вижу разницу при свете в операционной.

Глаза Бри смотрят туда, где находится рухнувшая Копия Франка и начинает ругаться.

— Я сожалею, что не сказала тебе, — продолжила Эмма. — Я хотела, чтобы Франк

доверял мне, что означало, сделать так, чтобы никто из вас не знал. Я собиралась сделать это сама, два дня назад, когда мы вернулись, но я *испугалась*, что если я убью его первым, Ген5 начнет что-то подозревать, а если я вначале убью Копию, то будет Франк. Один из них всегда следил за мной. Так что я выжидала.

— А теперь? — спрашиваю я.

Эмма падает рядом с Сэмми и просовывает одну руку ему под шею.

— А теперь Сэмми нуждается в медицинской помощи, так что вам придется сделать это за меня.

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

С ПОМОЩЬЮ ЧИПА ЭММЫ МЫ ПОПАДАЕМ ВНУТРЬ поднимаемся по нужным лестницам. Когда мы с Бри врываемся на этаж Франка, несколько сотрудников, находящихся там, дают нам пройти без боя. Что-то изменилось. Как будто они знают, что контроль Франка практически исчерпан. Они решают, чьей милости они хотят, когда рассеется дым.

Его офис закрыт и это единственная дверь, которая не считывает чип Эммы. Я ударяю дверь плечом, нажимая в этот момент на ручку. Со злостью ударяю ладонью.

— Ну, давай же! — Только не сейчас. Мы не можем остановиться на полпути.

— Грей! — Бри отпихивает меня в сторону и прицеливается во встроенный защелкивающий механизм внутри дерева. Она один раз стреляет, второй, и блокировка сбрасывается.

Офис пуст.

Мы входим туда с пистолетами наготове, осматривая комнату. Бумаги валяются на полу. Ящик письменного стола выдвинут, как будто документы были забраны в спешке.

— Вот она, — говорит Бри. Она нашла секцию полок, о которой упомянула Эмма, хотя я и не могу представить, как Эмма узнала о них. Может быть, она была в офисе Франка и увидела их открытыми или поймала кого-то в момент, когда туда входили или выходили.

Бри толкает ее и секция отступает, а затем скользит за остальные полки, чтобы открыть второй офис с темно-серым унылым и узким коридором, уходящим налево. Ряд экранов с видеонаблюдением висят на стенах, показывая в настоящее время площадь. Без Копий бой стал равным. В этом кабинете нет стульев, нет замысловатых драпировок или большого стеклянного окна. Единственным декоративным украшением является фоторамка, подпирающая стоящий рядом одинокий компьютер. Женщина на фото выглядит странно знакомой, хотя я не могу припомнить, что когда-либо встречался с ней.

Выстрел оглушает меня в тесном помещении.

Я пригибаюсь, руками заслоняя голову. Второй выстрел — или, может быть, это та же пуля поражает экран, который потрескивает и темнеет. Франк выскакивает из-за большого шкафа и мчится по коридору. Я посылаю пулю ему в след. Она попадает ему в ногу. Он пошатывается у поворота и стреляет вслепую в нашу сторону. По чистой случайности пуля попадает в стену, а не в меня.

Я поворачиваю за угол, только чтобы увидеть, как он поворачивает за другой.

— Черт, это место большое. Бри? — поворачиваюсь я. Ее нет за мной. — Бри!

Когда я отступаю, мои легкие готовы сжаться. Я почти попал во вторичный офис. Она находится на полу, сидит, прислонившись к стене.

Я падаю на колени и подползаю к ней.

— Ты в порядке? — Мои руки проверяют ее лицо, ее тело.

— Просто царапина, — говорит она, морщась от боли, когда моя рука касается ее предплечья. — Вот здесь.

Я отстраняюсь. А потом я замечаю каплю на плече ее куртки — кровь и тот факт, что ее рубашка короче, чем она должна была бы быть. Бледный лоскут, оторванный от подола рубашки, находится в ее руке. Она пытается прижать материал к ране, чтобы замедлить кровотечение.

— Иди, — говорит она. — Я буду сразу за тобой.

— Мы остаемся вместе.

— Грей...

— Нет. Погоди. — Я выхватываю у нее обрывок ткани и обматываю его вокруг ее бицепса. — Порядок?

— Порядок.

Я помогаю ей встать на ноги — она морщится, — и мы движемся по коридору. Он часто разделяется и ответвляется. Франк, должно быть, имел доступ к половине Объединенного Центра через эти коридоры.

Мы поворачиваемся или останавливаемся прямо как он. Его путь достаточно легко отследить из-за крови, льющейся из его ноги — она испачкала стены, где он останавливался, оперевшись на стену, капала на пол, когда он падал во время бега.

Еще один поворот и перед нами узкая лестница. Я поднимаюсь на половину пролета и оглядываюсь через плечо. Бри стоит, дрожа, прислонившись к стене.

— Я буду прямо за тобой, — обещает она. — Иди. Хорошо?

Я медленно делаю небольшой шаг в ее направлении.

— Иди!

Мои ноги несут меня остаток лестницы. Я плечом вышибаю дверь, и она, стуча, открывается в ослепительный свет. Я на крыше с вертолетом, освещенным сзади как солнцем, его лопасти крутятся. Моя челка попадает мне на глаза, и мелкие камушки на крыше скачут и крутятся вокруг моих ног. Щурясь от ветра, я замечаю движение около передней части машины. Я стреляю, и пилот замирает. Другой член Ордена прыгает с тыла и моя пуля находит его, прежде чем его ноги успевают коснуться крыши. Больше движения я не вижу.

— Франк!

Я не забираюсь в вертолет. Он сам придет ко мне. В открытую. Туда, где я смогу увидеть его и с легкостью пристрелить.

— Теперь, когда твои Копии мертвы и никто не хочет стоять на твоей защите, ты побыстрому сматываешься, да?

Никакого ответа.

— Нет другого пути, как только через меня.

С поднятыми руками Франк выходит из вертолета на крышу.

— Грей, — говорит он. — Не Похищенный парень. Ты здесь, чтобы пристрелить меня?

— Поверь мне, ты заслуживаешь худшего.

— За то, что пытался защитить людей? Они нуждаются в том, чтобы им говорили, о чем думать и что делать. Ты только посмотри на них. — Он показывает в неопределенном направлении в сторону квартала. — Они разрывают друг друга на части. Людям нельзя

доверять их собственную жизнь, нельзя оставлять их наедине со своими мыслями.

— Достаточно!

— Итак, ты собираешься меня пристрелить? Вот так *тот*, кто искал свободу, освободит своих людей? Убив единственного человека, который защищал их?

— Да.

Я нажимаю спусковой крючок.

Раздается щелчок.

Но пуля не вылетает.

Заклинило? Не может быть, я в шоке. Это пистолет Копии с тренировочного поля. Я не знаю, как долго я его таскал и не считал, сколько раз выстрелил.

Моя голова дергается к Франку, а он уже в процессе вытаскивания своего оружия. Я валю его на землю. Он медлителен, и я легко уворачиваюсь от удара, который он наносит. Он бросает мне в лицо пыль и щебень, что лишает меня преимущества. Я моргаю из-за того, что мои глаза начинаю жечь и отшатываюсь в сторону. Мое бедро ударяется об край крыши, который отделяет меня от смертельного падения. Руки Франка держат меня за мою рубашку. Он толкает меня назад.

Я чувствую, как теряю равновесие, что я свалюсь, если он применит больше силы, надавив на меня. Я желаю, чтобы мои ноги вросли в крышу. Мои руки пытаются схватиться за что-то, за что-нибудь, чтобы удержать себя на *этой* стороне уступа. Единственное, что они находят это кулаки Франка, сжимающие мою рубашку.

И потом, без всякой видимой причины, Франк останавливается.

Я моргаю, пытаюсь избавиться от последних частиц грязи, и вижу, что заставило его ослабить хватку.

Эмма.

Эмма не более чем в трех шагах от меня с пистолетом, нацеленным Франку в сердце.

Ее фигурка небольшая, но она стоит достаточно близко, чтобы не заметить ее. Мне *так* кажется. Ее рука дрожит, а в уголках глаз появились морщинки от прицеливания. Она возможно не найдет в себе силы, чтобы спустить курок. Эмма боец, когда речь идет о *спасении* жизни: зашивании ран, вправке костей и заботе при болезнях. Она спасает, но не убивает. Она не смогла даже убить того Члена Ордена, что валяется внизу. Все, что она сделала — это вколола ему наркотик.

Я смотрю в сторону лестницы, отчаянно пытаюсь увидеть там Бри. Дверь колотится на ветру.

— Отпусти его, — говорит Эмма. Намного быстрее, чем я ожидал от него, Франк отпускает меня. Я отскакиваю прочь, потирая свои горящие глаза.

— Теперь садись на край.

Он подчиняется.

Эмма подходит ближе. Один шаг. Второй.

— Куколка, ты не можешь сердиться на меня, — говорит Франк. — Не после всего того, что я для тебя сделал.

— Не называй меня так.

— Пожалуйста, — говорит он, поднимая руки в капитуляции. — Я уеду, я сделаю все, что ты хочешь, но, пожалуйста, прояви милосердие. Все, что я когда-либо хотел — это исправить людей. Я не злодей, вы сделали меня таким.

— Ты угнетал всех, кто обращался к тебе за советом. Ты убивал людей за наличие

собственного мнения.

— Ты смотришь на это с неправильной стороны. Ты с Греем и все эти безмозглые романтики Повстанцы считают, что ответ состоит в том, чтобы позволить людям стать дикими, — говорит он. — Но строй и правила обеспечивают порядок. Слишком много свободы делает людей скучающими и жадными. Они рвут друг друга в клочья. Все увидят это, если они перестанут бороться со мной и выслушают. Все, что я делал — это защищал людей. Вся моя жизнь была потрачена на то, чтобы людям жилось спокойно и безопасно, и...

— Жилось в страхе, — говорю я. — Боясь сказать то, что у них на уме.

— Людям нельзя доверять! — На его лбу раздувается вена. — Ничего такого, что может быть разрушено, и уж точно не будущее.

— Прекрати это! — кричит Эмма. — Ни слова больше. — Пистолет трясется в ее руке и Франк видит это.

— Положи пистолет на землю, куколка. Ты не понимаешь, что творишь.

— Я сейчас выдвигаю требования.

Он смеется, и она выпускает пулю в его ногу, как будто она Бри. Как будто она ничего не боится, и нажать на курок просто необходимо. Такую же решимость я наблюдал на лице Бри, а теперь она на лице Эммы. Этот взгляд человека говорит о том, что он совершает что-то невысказанное. Убийство никому не дается легко.

Франк матерится от боли и резко вздрагивает, пытаясь схватиться за ногу, но когда Эмма вновь нацеливает дуло пистолета на его сердце, он замирает. Капелька пота падает с его брови и ударяется о покрытую пылью плоскую крышу.

— Пообещай, что все мои люди смогут свободно уйти, — говорит Эмма. — Все в Клейсуге и любые другие подопытные группы. Проекту «Лайкос» конец.

— Уже сделано.

Она прижимает дуло к его лбу.

— Поклянись, что ты позволишь людям выбрать нового правителя. Любого, кого поддержит большинство.

— У тебя есть мое слово.

— Они будут судить тебя, если они посчитают это нужным, и если каким-то чудом они позволят тебе уйти, ты исчезнешь. Навсегда.

— Представляется вполне справедливо.

— Хорошо. — Она опускает пистолет. — В таком случае в этом новом мире нет места для тебя, или тем более нет нужды в таком человеке как ты. — Она хватается за лодыжки и поднимает их.

Это происходит, как и в одночасье, так и в замедленном темпе. То, что кажется часами — это как он зависает на краю от смерти — импульс, независящий от него — и после он опрокидывается. Его руки пытаются зацепиться. Шок проступает на его лице. И он исчезает.

Я бросаюсь к краю крыши, выглядывая из-за нее.

Димитрий Октавиан Франк мертв, валяется переломанный у подножия своего штаба. Кровь вокруг его головы такая же темная, как и его мундир.

Эмма опускается на крышу и расслабляется. Она откидывает пистолет. Ее плечи трясутся. Она плачет — без звука, только слезы.

— Не прикасайся ко мне, — говорит она, когда я подхожу ближе.

— Эмма... ты только...

— Не смей.

Она сидит на коленках, решимость исчезла с ее лица, она стала выглядеть намного моложе.

— Спасибо тебе, — говорю я.

Эмма вытирает щеки тыльной стороной руки. Мне следует сделать что-нибудь, а не просто стоять и смотреть, как она плачет, но она сказала мне держать дистанцию. Я чувствую себя совершенно бесполезным. Она пялится на пистолет, находящийся на расстоянии вытянутой руки от ее коленей, и я начинаю беспокоиться, что она совершенно замкнется в себе, если я не удержу ее внимание. Я начинаю говорить.

— Как ты нас нашла?

— Я оставила Сэмми в больнице с другими медсестрами. Я обнаружила, что дверь офиса Франка открыта и затем пошла по кровавым следам.

Кровавые следы.

— Бри! — Мои глаза метнулись в сторону лестницы.

— Грей подожди. — Я бросаю взгляд на Эмму и уже знаю, что она собирается произнести, я знаю в точности, насколько все будет скверно, когда я войду на лестницу. Я бросаюсь бежать. Через всю крышу. К двери.

Я падаю на колени, только взглянув на нее.

Она сидит ссутулившись всего в двух шагах от вершины лестницы, ее здоровая рука спрятана внутри ее кожаной куртки, а под ней находится раненая рука, как будто она сдерживает судорогу. На ее лбу выступил пот. Она бледная, как смерть.

— Ты сказала это царапина. — Я подтягиваю ее к себе. — Ты сказала, что он едва попал в тебя. — Она прислоняется ко мне. — Бри?

— Я не хотела, чтобы ты... задерживался... или вообще не пошел за ним. — Она съезживается. — Я не хотела, чтобы ты... знал.

— Знал? — я беру ее лицо в свои руки и провожу своими пальцами по ее коже, убеждаясь, что она настоящая.

— О двух пулях.

— Бри, о двух пулях где? *Где?*

— Одна царапина... а другая...

Она поднимает руку, которую я только недавно перебинтовал, и убирает свою вторую руку от туловища. Под ее курткой море крови.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— **О, НЕТ. НЕТ, НЕТ, НЕТ.**

Я прижимаю свою руку к ее руке, направляя ее обратно к ране. Кровь просачивается сквозь пальцы, липкая и теплая.

— Эмма! — кричу я в сторону крыши.

Бри дышит с трудом. Ее веки подрагивают.

— Ты достал его? — спрашивает она.

— Ага. Мы достали его.

Она с трудом едва мне улыбается, а потом прислоняется к стене и стонет.

— Эмма!

Она стоит наверху лестницы, глядя на нас.

— Я могу попробовать, — говорит Эмма. — Все, что я могу сделать, это попробовать.

Я тяну Бри, поднимая ее. Она больше не может держаться на ногах, так что я подхватываю ее рукой под колени и несу. Эмма протискивается мимо нас, чтобы идти впереди.

В больнице полно медицинского персонала, большинство из них лечат раненых членов Ордена, которые были возвращены в Объединенный Центр с площади. Эмма указывает на пустующую кровать и я опускаю Бри на жесткий матрас.

— С тобой все будет хорошо, — говорю ей я, но я никогда не видел, чтобы она была в таком плохом состоянии. Она вся в крови, ее кожа слишком бледная и что-то потухло в ее глазах. Она витает где-то еще. — Бри?

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Я целую костяшки ее пальцев.

Эмма раздает приказы другому врачу. Надо снять куртку с Бри и ей нужны болеутоляющие.

— Грей, тебе придется уйти, — говорит Эмма.

Но я не хочу отпускать руку Бри. Возможно, она никогда вновь не будет теплой. Эмма отталкивает меня. Пальцы Бри липкие в моих руках.

— Кто-нибудь, выведите его отсюда, — орет Эмма. — Выведите его за дверь.

Меня выдворяет здоровенный санитар, выталкивая меня в коридор. Дверь захлопывается перед моим носом. Когда я хватаюсь за ручку, дверь заперта. Все, с чем я остаюсь — это окошечко с видом на суматоху внутри. Уперевшись кулаками в стекло, с комком в горле, я смотрю.

Рукав кожаной куртки Бри разрезают, потом освобождают от него ее плечо. Весь правый бок от плеча до грудной клетки, темный от крови. Они срезают с нее рубашку и переворачивают на живот. Врач подходит к окошку и опускает шторку.

Я ударяю ладонями по стеклу, крича имя Бри. Шторка не поднимается. В течение длительного времени, достаточно долго, чтобы я перестал стучать и вместо этого сполз на пол. Мой отец, Блейн, теперь она? Это на самом деле сломает меня. Это разорвет меня на части. Сколько частей себя я должен потерять и остаться при этом в строю?

Я смотрю на ее кровь на моих руках.

Я не могу перестать трястись.

Кто-нибудь должен сказать, что мне делать. Кто-нибудь должен, иначе я просто сойду с ума.

«Ты точно не можешь сидеть здесь и жалеть себя», — слышу я журящий меня голос Блейна в моем ухе. — «Франк мертв, а все остальные все еще сражаются. Пойди и скажи им, что пора остановиться».

Он осуждал бы меня даже сейчас. Но неужели я сделал недостаточно? Мало пожертвовал? Сколько мне еще нужно отдать?

«Все», — говорит Блейн. — *«Потому что люди верили».*

И вот после чего, истинное воздействие работы Беа ударяет в меня — истории "Предвестника", пропаганда, которая была распространена во всех городах, слухи, которые передавались шепотом в тихих улочках. Я думал, что они все врут, но это не так. Они только будут врать, если я не сделаю этого, если я решу так с ними поступить.

Я не единственный кто потерял брата, отца или друга. Я не единственный кто ошибался. Внизу, на той площади, будущее всех висит на волоске, или может быть пуля слишком близко, чтобы забрать у них его. И если я сейчас не смогу стать рядом с ними, ради

чего это все было сделано?

Я бросаю взгляд на окошко палаты Бри. Шторка все еще опущена.

«*Это последняя вещь, которую тебе нужно сделать*», — обещает Блейн. — «*Она поймет*».

Всегда есть кое-что еще. После этого будет еще что-то. Такова жизнь.

Но он прав. Если бы наши судьбы поменялись ролями и он был бы на моем месте, я знаю, он бы уже был в центре города.

Я делаю глубокий вдох и встаю. Потому что я должен. Так как на самом деле, когда я смотрю на все произошедшее в целом, не остается иного выхода.

В нескольких кварталах от площади столько мусора на дороге, что я отказываюсь от автомобиля, который я взял около Объединенного Центра и продолжаю свой путь пешком. Выстрелы палят нещадно, мир — одно бушующее пламя. Меня в конечном итоге загоняют в узкий переулок, где я сижу за мусорным баком, в то время как члены Ордена пытаются снять меня с крыши. Я идиот, вооруженный все тем же пистолетом без патронов, которым я застрелил пилотов Франка, и у меня нет никакого плана. Так или иначе, это все казалось намного проще, в моей голове.

— Ты что хочешь, чтобы тебя убили?

Я смотрю через дорогу и вижу двоюродного брата Элии, выглядывающего из-за двери. Он указывает на следы темной жидкости на земле. Сначала я думаю, что это кровь, но понимаю, что это вылившееся топливо из перевернутого автомобиля Ордена в конце переулка.

Двоюродный брат Элии зажигает спичку и бросает ее на бензин. Пламя змеится дорожкой и когда на ее пути встречается машина, меня обдаёт взрывной волной, добравшейся до костей. Выстрелы редуют. В момент тишины я проскакиваю через переулок под прикрытием дыма в здание напротив.

Мы поднимаемся на несколько пролетов и находим Элию кричащего в рацию и склонившегося над столом с полудюжиной Повстанцев. Он весь в крови, но он полностью подвижен, так что кровь не может быть его. Я рассказываю ему о Франке, и он сразу же начинает раздавать приказы.

— Кто-нибудь позвоните в Объединенный Центр. Я хочу получить видео с телом. Двое охранников с Греем отправляйтесь туда. — Он указывает на балкон, который выходит на площадь. — И достаньте для него бронезилет. Я не хочу рисковать.

Прежде чем я действительно готов, я выхожу на балкон с парой Повстанцев по обе стороны от меня. Я съеживаюсь, ожидая пули, но ничего не происходит. Платформа Франка, с которой он произносил речи до этого, захвачена. Куда ни кинешь взгляд везде брошенные машины и растерзанные тела. Некоторые одеты в черную униформу, но почти столько же в обветшалой одежде. Группа граждан зажата в углу. Толпа подростков разбила лобовое стекло автомобиля Ордена, вытащив солдат из машины. Я чувствую вкус крови в воздухе и вижу ее на улицах. Мир окрашен в темные цвета.

Мне передают микрофон. Элия говорит, что будет достаточно громко. Все что организовал Франк для своего выступления, теперь работает для нас.

Слышится пронзительный свист и белая вспышка озаряет купол. Что-то взрывается в виде многолучевой синей звезды — фейерверк, который на мгновение становится громче, чем крики и вопли. Почти таким же громким, как хлопки выстрелов.

Шума и инородного цвета достаточно, чтобы люди на площади приостановились. Они

посмотрели вверх, пораженно уставившись на стену позади платформы, которая стала транслировать видео валяющегося тела Франка.

Это мой сигнал.

— Франк мертв, — говорю я в краткий миг затишья боя.

Мой голос гулко проносится по площади. Так громко, что я могу поспорить на то, что Блейн — где бы он ни был — слышит меня. Осознав это, меня накрывает волна спокойствия.

Люди оборачиваются, пытаюсь определить, откуда исходит мой голос. Некоторые замечают меня. Другие, кто еще не увидели доказательства смерти Франка, находят ее на стене позади переполненной сцены.

— Некоторые из вас знают меня, а остальные из вас, вероятно, не верят тому, что я говорю, — продолжаю я. — Меня называли по-разному: Экспат, Мятеежник, беглец ищущий свободу — но, правда в том, что я просто пытаюсь выжить. Я пытаюсь делать это изо дня в день. Как и вы.

Я осознаю, что люди сейчас на самом деле слушают меня. Не все из них, но достаточно много. Солдаты, которые загнали своих жертв в угол, приостановились. Мальчишки, вытаскивающие мужчин из машины Ордена, опустили свои руки. Люди все еще сжимают кулаки и удерживают оружие. Но они слушают.

— Я знаю, как тяжело возможно сложить оружие. Я понимаю. Особенно когда сражение кажется единственным выходом, чтобы добиться справедливости. Но те из вас кто борется за свободу, уже не имеют причин продолжать делать это — Франка больше нет — а те из вас кто дерется на стороне Франка — больше не связаны службой Ордену. Только если вы сами этого не хотите.

— Если это продолжится, мы не будем больше уничтожать врагов. Мы будем убивать соседей. А я устал сражаться, — говорю я. — Так чертовски устал. Я хочу домой. Я снова хочу начать жить.

Почти прямо подо мной мальчик опускает деревянную битую. Два члена Ордена стоят на расстоянии вытянутой руки от него, но он позволяет бите выпасть из своей руки, как будто бы это щит в котором он больше не нуждается. Они смотрят на мальчика, потом на свои пистолеты. Такое чувство, что это длится вечность, но после они прячут их в кобуры.

А потом прекращение кровопролития распространяется как лесной пожар. Оружие падает, кулаки разжимаются повсеместно. Не каждый подчиняется. Остаются крики определенных членов Ордена и я до сих пор слышу бои вне поля зрения, за пределами площади, где люди не могли увидеть на экране видео или услышать мои слова. Но многие предпочли сдаться. Они все еще смотрят на меня. Я не знаю из-за чего, может, потому что я первый, вот что приходит на ум. Я передаю микрофон охраннику и делаю приветствие Экспатов, прижимая его к груди. Потом я зеркально делаю приветствие другой рукой, и перекрещиваю мои руки, так что пальцы на обеих руках образуют буквы. В и З. Восток и Запад.

Вот тогда меня и находит пуля.

Я не слышу выстрела, но эта боль от пули, когда она меня поражает, не похожа ни на что другое. Она цепляет мой палец и попадает в мой бронежилет чуть выше сердца. На мгновение я теряю способность дышать.

Охранники подхватывают меня прежде, чем я успеваю согнуться, и тянут меня внутрь в безопасное место здания. Я кидаю прощальный взгляд на площадь. Уже в этот момент, рой членов Ордена и мирных жителей нападают на того, кто, должно быть, был стрелком. На

того, кто настолько упрям, что не повелся на зеркальное приветствие моих рук.

Это прекрасно, но я истощен.

Я мог бы проспать несколько дней.

«Хотел бы я, чтобы ты был здесь в этот момент», — говорю я Блейну мысленно. — «Я думаю на этот раз, я бы заставил тебя гордиться мной».

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я МЧУСЬ ОБРАТНО В ОБЪЕДИНЕННЫЙ Центр на машине. Я снял жилет, и кроме уже налившегося синяка на мне ничего нет. Элия по-прежнему предлагает мне обратиться к врачу, но есть только одно место в больнице, в которое мне надо попасть.

Тот же медик, что вышвырнул меня, покидает комнату Бри, когда я бегу по коридору. У него жутко опустошенное лицо, и когда он выставляет свои руки перед собой, чтобы остановить меня, я чувствую, что мое сердце разорвется в груди.

— Полегче, сынок, — говорит он. — Полегче. Она не...

— Дайте мне ее увидеть! — кричу я, пытаюсь пройти мимо него.

Он хватает меня за плечи, трясет, но я уже разрушен.

— Я имею право знать! — я чувствую, как мои колени подкашиваются. — Мне неважно если она... Я должен...

— Она спит! — кричит он. — Она под кучей медикаментов. Ты не можешь вломиться туда как безумец.

Спит. Следующий вдох, который я делаю, ощущается как будто бы мои легкие наполняются двойной порцией кислорода.

— Пуля вошла в спину и застряла чуть ниже подмышки, — объясняет он. — Ей повезло, что она в конечном итоге не оказалась с раздробленными ребрами.

— Но она в порядке?

Он кивает.

— Она может потерять некоторую подвижность с той стороны, но с ней все будет в порядке.

Я наклоняюсь, пытаюсь заглянуть через дверной проем.

— Могу я...?

— Просто иди спокойнее. У нее впереди долгий восстановительный процесс.

Бри подперта подушками и когда я вхожу, она спит. Она одета в чистый балахон, под которым ее правое плечо забинтовано. Они даже позаботились о ее разорванных швах. Свежий кусок марли охватывает уголок ее рта и большую часть щеки.

Я быстро вхожу в палату, сажусь на краешек ее кровати. Она не шевелится.

— Эй, — говорю я. — Бри?

Ее глаза, открываясь, блуждают, и когда она понимает, что я сижу рядом, я клянусь, она на самом деле светится.

— Эй, — вторит она.

— Как ты?

— Устала.

— Ты напугала меня, Бри. — Я кладу руку на ее бедро, а она переплетает свои пальцы с моими. — Я бы пропал, если бы ты... Я бы не справился.

— Тебе никто не нужен, чтобы идти по жизни, — говорит она медленно, словно слова

это тяжкий труд.

— Мне нужна ты.

— Нет, не нужна.

— Но *хочу* тебя, — говорю я ей. — Я хочу быть с тобой каждую секунду. Все становится лучше с тобой.

— Ненасытный тупица.

Я пожимаю плечами.

— Не отрицаешь это?

— Не тогда, когда это касается нас.

Ей удается улыбнуться, но, похоже, это истощает ее. Я слегка сжимаю ее пальцы.

— Знаешь ли, — говорит она. — Я не настолько слаба, чтобы ты не мог меня поцеловать.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

— Не заставляй меня просить, — говорит она.

Что я и не делаю.

Первые дни после Праздничного Митинга были странными. Странно-сюрреалистичными. Странные, в подвешенном состоянии. Странно... оптимистичными.

У меня синяк на груди размером с мой кулак, но я никогда не чувствовал себя более счастливым. Мое объявление о смерти Франка было еще раз повторено во всем Таеме и в других купольных городах и, в конце концов, Орден отступил. Или, может быть, они поднялись — для граждан, для среднего класса, для которых они, как и предполагалось всегда работали. Оказывается, многие из них сомневались в своей работе уже некоторое время, но в то же время они ощущали себя в ловушке, чтобы что-нибудь с этим сделать. Зарплата была хорошей. Их семьи нуждались в зарплате. Работа давала им доступ к медицинской помощи, воде и к другим товарам, которые было не так легко найти, не находясь на службе. Еще, к тому времени как боевые действия полностью прекратились, жертв оказалось много с обеих сторон. Очень много пропавших членов Ордена. Даже больше чем рядовых граждан.

Тело Райдера было найдено среди затоптанных на площади, предоставив Элии унаследовать роль командира Повстанцев. Он уже собрал команды для работы по закрытию лабораторий, создающих Копии в Комплексе, и в ближайшие дни он намерен встретиться с Виком и с высокопоставленными чиновниками Ордена, чтобы обсудить будущее некогда разделенной страны.

— Ты останешься и поможешь с переходным периодом, не так ли? — спросил он меня. — Люди хотят видеть *борца за свободу*, принимавшего активное участие.

Даже прежде чем он говорит, «*пожалуйста*», я знаю, что не могу. Есть Стена, на которую мне нужно подняться, пыльное сообщество, в которое мне нужно вернуться. Я задерживаюсь так долго только потому, что я жду, когда Бри достаточно окрепнет для путешествия. Но Элия смотрит с такой надеждой, что я иду на компромисс. Я посмотрю на свой родной город и вернусь.

— Я ничего не буду обещать, насколько долго я там задержусь, — предупреждаю я. — Я никогда не представлял себя живущим где-то в таком...

— Свободном? Освобожденном? Революционном?

— Большом, — говорю я.

Через два дня после этого появляется Вик одетый в пару эффектных классических брюк

с рубашкой с воротником. Его волосы уложены на пробор и зачесаны назад, открывая его глаза, и когда он подмигивает мне, я вдруг понимаю, почему фотография в офисе Франка показалась мне такой знакомой. Глаза той женщины — они как у Вика. У него ее рот. И подбородок Франка и его безупречное хладнокровие.

Адам говорил, что это была просто история, но теперь я не удивлюсь, если Вик намеренно распускал слухи.

Вик нужного возраста — может быть, лет на тридцать моложе Франка. Он родился примерно через десять лет после того, как Франк пришел к власти, когда методы правления лишь только начинали становиться спорными и первые несколько поколений Похищенных из Проекта "Лайкос" столкнулись с операционными столами.

— Привет Вик, — говорю я, в то время как он пожимает мою руку в энергичном поздравлении. — Каково твое полное имя?

— Виктор Франк Лерой.

— Лерой это фамилия твоего отца?

— Моей матери. Я никогда не встречал своего отца.

Никогда не встречался с ним — в это я верю, но это не значит, что он не знал, кем он был. Это всегда имело какое-то личное отношение к Вику: борьба, последствия. Он ударил, когда Франк впервые за долгое время пошел на конфликт, в том числе и нападение на купол Таема было сделано просто для того, чтобы доказать, что это может быть сделано. Как мальчик, который пытается показать отцу, что он чего-то стоит. Да и его второе имя...

Вик ушел искать Элию и после чего будут бесконечные встречи, и я решаю, что это неважно. Я не хочу давить. Вик — личность, и то, что я знаю о нем — он хороший.

Бри снова на ногах. Несмотря на многочисленные предупреждения, она продолжает пытаться отжиматься, только добиваясь жгучей боли в плече, после чего немедленно следует угрюмый взгляд. Она не хмурится, когда она извиняется передо мной, из-за сомнений во мне, в Харви, в плане. Она говорит с настоящей искренностью, и я говорю ей забыть об этом. Это осталось позади. Это уже не важно.

— Я должна признать, что была неправа, — говорит она.

— Почему?

— Потому что я должна, и ты заслуживаешь того, чтобы услышать это от меня. И также еще потому, что я не хочу, чтобы ты держал на меня обиду. Я коварная в этом плане.

Мы узнаем, что Сентябрь и Эйден находятся в пути на восток. Они неплохо показали себя, несмотря на бои, которые вспыхнули в Бон Харборе в День Разъединения, и хотя мне не терпится увидеть их, я уйду к тому времени, когда они придут. Бри стало достаточно хорошо, чтобы отправиться сейчас, и мы уходим утром. Все, что осталось — это поговорить с Эммой.

Ее ответ не тот, что я ожидал.

— Я останусь здесь, — говорит она, когда я нахожу ее выходящей из палаты Сэмми. У нее аптечка в руках и бинты, засунутые под мышку. — Больницы переполнены, и я не могу позволить себе отступить, не когда так много раненых. Скажи маме, что я люблю ее, и что я здесь, если вдруг она решит когда-нибудь прийти. Ты собираешь сказать им, что можно перелезть Стену, верно? Из-за этого ты возвращаешься?

Не сказать им, чтобы можно перелезть, а рассказать им *правду*, чтобы позволить им иметь то, чего не было у стольких жертв Проекта "Лайкос": выбора. Все же, я киваю.

— Как поживает Сэмми? — спрашиваю я.

— Ох, он большой ребенок. Он продолжает говорить, что ему надо поменять бинты, и что ему больно, и он клянется, что подцепил инфекцию. — Она закатывает глаза. — Он мог бы быть уже на ногах несколько дней назад. У него был маленький прокол в легком после аварии. Такой маленький, что мы даже не оперировали. Это исцеляется самостоятельно. У него повязка только на запястье левой руки — растяжение связок — и это, конечно, не заразно.

— Он просто любит, когда ты посещаешь его, — говорю я. — Отсюда все жалобы.

— Он напоминает мне Кроу, — говорит она. — Слишком любит девочек, самоуверенный, саркастичный. Красивый и осознает это.

— Да, но ты в самом деле нравишься Сэмми. Я видел это. Ты ничего ему не должна, но я все же считаю, что тебе стоит дать ему шанс.

— Почему у меня возникает такое чувство, что ты беспокоишься обо мне?

— Потому что так оно и есть.

Как она не видит этого? Что я могу *не быть* в нее влюбленным, но я все еще люблю ее, что я всегда буду хотеть для нее самого лучшего. Так же я не хочу, чтобы Сэмми делали больно. Так же, как я бы сделал все, чтобы сохранить жизнь моему отцу или Блейну.

— Спасибо тебе за все, Эмма. На крыше, в больнице...

У меня не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность. Она много страдала из-за меня. А потом она спасла меня, когда я был повержен, и Бри, когда она была ранена.

— Я так и не простила тебя за то, что случилось в Комплексе, — признается она. — И я не знаю, смогу ли я когда-либо. Но все же, я хочу видеть тебя счастливым. Имеет ли это для тебя какое-то значение?

— Очень большое.

— Хорошо. Так что не напортачь теперь.

Она улыбается мне своей типичной полуулыбкой. В отличие от прошлого раза, когда она прокомментировала мои чувства к Бри, это не похоже на угрозу. Я не чувствую ничего, кроме высказывания. Мне вот интересно, а что если я неправильно истолковал то, почему Эмма вернулась в Сосновый Хребет. Я никогда не мог действительно понять ее, осознаю я. Я не могу смотреть на нее и точно знать, о чем она думает. Я не слышу ее слов, прежде чем она говорит их. Не так, как я могу с Бри.

— Мне нужно вернуться в крыло госпиталя, — говорит она. — Возможно, скоро мы еще увидимся.

— Да. Я тоже надеюсь.

Это прощание, но не насовсем.

— Как ты можешь уйти? — спрашивает Сэмми в этот вечер. Мы сидим на крыше Объединенного Центра, передаем выпивку из рук в руки, пока наши ноги болтаются над краем здания. — Помнишь, как мы говорили о будущем в Пайке? Я должен стать старым, толстым и жить по соседству с тобой. Я не смогу сделать это, если ты сбежишь, как только все уладится.

— Это же то будущее, где я живу на какой-нибудь тихой поляне в лесу, — напоминаю я ему. — Не хочу тебя шокировать, но Таем не очень-то подходит под это описание.

— Разве ты не видишь траву на этом тренировочном поле? — Он указывает на нее. — Зелено везде. Это просто джунгли. — Он делает большой глоток. — Это позор, что Харви пропустил это. Он наперед знал, что он не сделает это, да?

— Я так думаю. Именно с того момента, когда он заметил предохранитель в своем коде.

Сэмми присвистывает.

— Он никогда не вписывался в роль героя, легенды.

— Хотя он сыграл хорошо.

— Так он и сделал.

Сэмми проливает немного алкоголя из бутылки. Оно льется на поле под нами.

— За Харви Малдуна, — говорит он.

— И Клиппера, — я прикасаюсь к веревочному браслету мальчика на своем запястье.

Сэмми снова наклоняет бутылку.

— За Клейтона Клиппера Джонса.

— За... — мой голос пропадает.

— За Блейна Везерсби. Брата, друга, отца. Ушедшего, но не забытого.

Сэмми продолжает. Произносит имя моего отца, потом Адама, Райдера и так далее.

Возвращается к тем, кого мы уже оплакали, и приходит к тем, чьи имена мы даже не знаем — к тем, кто был повержен во время Митинга.

Бутылка почти пуста, когда Бри присоединяется к нам. Она протискивается между нами, садясь так, что ее ноги свисают над краем, как наши, и вырывает бутылку у Сэмми.

— Ты должен отправить свои соболезнования звездам. Иначе это пустая трата совершенно хорошего алкоголя.

— У тебя нет ни порядочности, ни уважения? — говорит Сэмми.

Она делает долгий глоток и морщится от крепости.

— Плохая рука или нет, но я еще надеру тебе зад, Сэмми.

— Правдивые слова, — говорю я.

— И думается мне, что я буду волноваться и скучать по вам, ребята. — Он глядит на город. Его профиль имеет горбинку на носу, в том месте, где его не выпрямили сразу после того, как он был сломан в Бурге. Такое впечатление, что зима случилась целую жизнь назад, и с другими людьми.

Мы некоторое время сидим в тишине, мы втроем с плечами, прижатыми друг к другу. Огни в домах гаснут, когда проходит время. Пара фейерверков взлетает рядом с площадью. Где-то играет музыка.

Гораздо позже Бри говорит, что уже ночь. Она и Сэмми дарят друг другу неловкое прощание — часть объятия, часть добродушного пихания — но я сомневаюсь, чтобы последую за ней. Я не понимал, как сильно я буду скучать по Сэмми, пока не настал тот самый момент, когда мы расстаемся.

— Ты в любом случае останешься в городе? — спрашиваю я его.

— Я провел столько лет, желая справедливости для моего отца, так что я едва знаю, что теперь мне делать с самим собой. — Он потирает затылок. — Основная борьба может быть и закончена, но еще долгая дорога впереди. Я думаю, что я должен быть здесь, чтобы помочь Элии и Вику. Плюс Эмма. Она через какое-то время будет рядом со мной только в том случае, если я буду рядом с ней.

— Она думает, что ты нахальный, — отмечаю я. — И кичливый.

Его лицо бледнеет.

— Но к тому же привлекательный.

Проблеск улыбки.

— Принято к сведению.

Сэмми хватается меня за правую руку и тянет в объятия, а другой рукой хлопает меня по

спине.

— У меня никогда не было родного брата, Грей. Тем более просто брата, так что я не мог понять твою боль. Не до сих пор. Не задерживайся надолго.

На лестничной площадке, я приостанавливаюсь, чтобы обернуться. Сэмми стоит на краю здания, свесив бутылку в своих пальцах, пока он смотрит на звезды.

Я потерял близнеца, но приобрел брата. Жизнь никогда не перестанет удивлять меня.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ИМЕННО В ЭТУ НОЧЬ МОИ СНЫ БЫЛИ ужасны. Выстрел в Бри, только чтобы удостовериться, что она не Копия. Убийство Блейна, с учетом того, что у меня у единственного был пистолет. Мой отец, хватающий меня за лодыжку, когда "Кэтрин" уходит под воду, уговаривающий меня не оставлять его. И кровь. Кровь, крики и взрывы, и бесконечное дребезжание будильника, который медленно сводит меня с ума.

Я просыпаюсь в поту. Требуется время, чтобы вспомнить где я и что Блейн ушел насовсем. Что мой отец находится на дне Залива. Что Клиппер не встретит свое четырнадцатилетие. Я думал, что рядом спящая Бри поможет мне держать страх на расстоянии, но похоже невозможно спрятаться от призраков в темноте.

Я выскальзываю из постели и подхожу к окну. Объединенный Центр возвышается над городом, и из нашей комнаты у меня первозданный вид на темные крыши и горизонт просматривается далеко вперед. Солнце только начало подниматься.

Я слышу зевок Бри, и вот она уже возле меня, оборачивает руку вокруг моего пояса.

— Кошмары?

Я киваю.

— Тогда, может, пойдём, — предлагает она. — Возможно хорошо, что мы оба встали.

Элия послал Рейда — капитана Повстанцев, представляющего группу Б, в Декстен. Мы с Бри сегодня утром должны позаботиться об Клейсуге, а потом сразу же отправиться в Солтвотер. Так что ранний старт имеет смысл.

— О чем ты думаешь? — спрашивает она.

Я беру ее за подбородок и целую.

— Не бери в голову. Все хорошо. — Она улыбается, и ее повязка на щеке морщится.

Она прекрасна. Слепляющая, как полыхающий лесной пожар. Она не просто девушка, стоящая передо мной, в ней также заключаются все неосязаемые вещи. Теперь я вижу ее насквозь, и знаю, что то, что находится внутри ее, заставляет меня чувствовать себя непобедимым, так что я удивляюсь, как я мог прожить без нее даже один день.

Я снова ее целую.

— Я соберу мои вещи, — говорю я.

Ее руки путешествуют от моих плеч, останавливаясь на моих запястьях.

— Это же ненадолго?

— Ты так говоришь, как будто это обязанность.

Мы берем лестницу и садимся в машину, Бри ведет.

— Ты первый, — говорит она у Стены.

От запаха деревьев я пьянею — ель и сосна со смолой — и от вида глинистых охотничьих троп, я чуть не падаю на колени. Издали дома выглядят более потрепанными, чем я помню, менее прочными. Коза блеет на нас. Молодая девушка кормит ее и замирает,

потом бежит в сторону Колокола Совета.

Нас встречают наконечники стрел и вырезанные луки. Мальчишки, держащие их, выглядят так молодо. И тоще. Мы с Бри показываем наши ладони, объясняя, что мы не собираемся приносить никакого вреда. Это занимает некоторое время, но меня признают.

— Этого не может быть. — Мод пробирается сквозь растущую толпу. Она выглядит даже хуже, чем я помню. Позади нее Картер пробивает себе путь между сомкнутыми плечами.

— Грей! Где Эмма? Где моя дочь?

Мод, хмурясь, опирается тростью на глинистую землю.

— Я надеюсь, у тебя есть объяснение?

Рассказ о сути всего произошедшего займет только утро, но делиться всей историей — объяснять, *почему да зачем* — кажется невыполнимым. Некоторые переживания не вписываются в слова, независимо от того, сколько их есть в вашем распоряжении, или во временной отрезок, в который можно было бы сложить их вместе. Все же, мы пытаемся.

Приличное количество людей перелезают сразу же. Для других эти новости надо переварить. Они могут в конечном итоге уйти, но Клейсут их дом. Это все, что они когда-либо знали. Я очень хорошо помню чувство, когда открывается правда. Это как летишь и тонешь одновременно, мир взрывается под ногами. Некоторых это парализует.

Когда у меня, наконец, появилась возможность посетить Кейл, уже почти полдень. Моя грудь горит. Это будет привет и пока на одном дыхании.

— Па! — подбегает Кейл. Она сильно выросла с того времени, как я ушел. Я в дверном проеме падаю на колени и позволяю ей столкнуться с моей грудью. — Па! — говорит она снова. — Ты 'ернулся!

Это разбивает мое сердце. Выражение ее лица. Явное счастье. Тот факт, что она не видит разницы.

— Нет, это дядя Грей, Кейл, — говорю я ей. — Я Грей.

— А где Па?

Я едва могу говорить. Ее глаза — это глаза Блейна. Все остальное у нее от Саши, ее матери, но глаза Кейл — голубые, прозрачные и добрые, так что у меня создается впечатление, что я гляжу на своего брата.

— Он не со мной, горошинка. Он не вернется.

— Он 'се еще путешест'ует? Мама го'орит, что да. Она го'орит, что мне надо смотреть на небо когда я хочу с ним пого'орить, потому что он 'итает в облаках.

Я целую ее белые кудряшки.

— Ага. Что-то вроде этого.

Саша появляется за Кейл. Она хмурится, но не выглядит печальной. Больше похоже на печальную радость, чем на что-то еще.

— Я так по тебе скучал, — говорю я Кейл. — И твой отец, где бы он ни был, скучает по тебе еще больше.

Она улыбается.

— Я ужасно себя чувствую из-за этого, но мне нужно будет уехать на несколько дней.

— Ты же только что сюда приехал.

— Я знаю. Но есть еще кое-что, что мне нужно сделать. — Кое-что. Всегда будет что-то еще. — Все же я обещаю, что вернусь.

— И когда ты 'ернешься, ты будешь 'егда жить с нами! — Воскликает Кейл. — Ты

будешь дома.

— Дом здесь, Кейл. Я прижимаю палец к ее груди. — И здесь. Я прижимаю ее пальчик к своей груди. — Дом не имеет значения. Это люди. Когда ты с ними, и когда вы не вместе, они все еще здесь.

Она сияет лучезарной улыбкой. Я думаю, что она слышала только, как я говорил *дом*. Мои глаза щиплет.

— Не грусти, дядя Грей. Вот, будь 'еселым! — Она протягивает деревянную уточку на колесах и убегает играть с тряпичной куклой.

— Это было быстро? — спрашивает Саша, в то время как я поднимаюсь на ноги.

— Быстрее чем удар молнии. Он ничего не почувствовал.

Уголок ее губы подрагивает.

— Хорошо, — говорит она. — Это хорошо.

Уже далеко за полдень, когда мы с Бри садимся в лодку на восточном побережье. Тучный мужчина в качестве платы за проезд соглашается на наши рабочие услуги, говоря нам, что мы можем начать с мытья палубы.

Работа тяжелая, но это хорошо, и ощущение изношенной деревянной ручки в моей ладони желанный контраст, если сравнивать с пистолетом. Думаю, что я когда-то страдал от такой работы. Считал, что мне *надо* держать оружие и мчаться в бой.

Порыв ветра застает меня врасплох, и я прикрываю глаза. Очертание побережья потихоньку исчезает в дали. Горизонт манит. Есть островитяне, которых надо навестить, Бри ждет не дождется встретиться с Хитом. Потом вернемся в город, и целый ряд возможностей появится у нас помимо этого. Я буду по дню брать на каждую. Они могут быть незаметны, но если идти по правильному пути, они будут материализоваться. Отсутствие чего-либо, наконец, осознаю я, не означает, что этого не существует.

Пара чаек кричит над головой, паря в воздухе, как будто они созданы для ничего другого. Их крики радикально отличаются от гагар, насколько я помню.

— Бри! — Она отрывается от работы. Я складываю ладони вместе и дую в них. Крик гагары получается более слабым, чем тот звук, который я умудрился выдать на кухне Сентября.

— Это было жалко, — говорит Бри.

— Это уже прогресс. Я бы не смог так сделать несколько дней назад.

— Так ты предполагаешь, что сделал лучше, если я хвалю бездарность? — Она указывает пальцем на меня. — И бездарность — это щедрое повышение.

Со шваброй, подставленной под сгиб ее локтя, она свистит несколько раз, доказывая свою точку зрения.

— Это маленькое чудо и я тебя люблю, — говорю я.

Она ухмыляется.

— Я тоже.

Капитан орет на нас, чтобы мы возвращались к работе, и я конечно обрызгиваю Бри водой со швабры, прежде чем берусь за работу. Она проклинает меня. Я заплачу за это позже, но в данный момент все идеально — птицы, горизонт, лодка и Бри. Я не знаю, что будет дальше, но я знаю, что мы справимся. Мы выкуем наше счастье. Мы есть у друг друга и глубоко в душе — в самом центре моего существа — этого кажется достаточно. *Более* чем достаточно.

Я чувствую это и я также знаю это.

Некоторые вещи никогда не меняются.

БЛАГОДАРНОСТИ

Окончание трилогии — это радостно-печальная вещь. Я провела последние пять лет в мире Грея и небольшая армия людей поддерживала меня на этом пути.

В первую очередь, мой агент, Сара Кроу. Спасибо, что поверила в эту историю, когда она была одной из многих в куче на выброс, и за помощь мне пройти все перипетии на пути в ее публикации, которые за этим последовали. Знай, что ты сделала всю неопределенность в этой отрасли для меня менее пугающей.

Я обязана пропеть бесконечным хором "спасибо" коллективу HarperTeen/Дети Харпер-Коллинс. Моему редактору, Эрике Суссман, помогавшей мне скомпоновать этот цикл в историю, которую я хотела рассказать — историю, которую я всегда себе воображала, но сумела запечатлеть на бумаге, только благодаря ее мудрым советам и проницательным вопросам. Большое спасибо также Сьюзен Кац, Кристине Колангело, Каре Браммер, Элисон Лайснау, Стефани Стайн, Кэтрин Силсенд, Eric Reads — за их неиссякаемый энтузиазм и поддержку литературы для молодежи, (танцую*), и конечно, Эрин Фитцсиммонс, которая продолжала создавать для моих книг самые потрясающие обложки и внутренние рисунки какие только можно было себе представить.

Я все эти годы опиралась на несколько доверенных читателей и критику коллег. Сьюзан Деннард, Дженни Мартин, Эйприл Тучолк: спасибо за ваше время и обратную связь. Я в долгу перед вами за свой успех. Саре Дж. Маас, Алекс Брекен, Джоди Мидоуз, Кэт Чжан Friday the Thirteeners, Lucky Thirteeners и прекрасные парни и девушки из Pub(lishing) Crawl пишущие приятели, как вы — бесценны. Я так благодарна, что прошла это путешествие с вами.

Я хотела быть писателем с тех пор как смогла держать карандаш, и я пишу эти слова сегодня только из-за поддержки и одобрения моих родителей. Мама и папа спасибо за все.

Моя сестра, Келси, была первым читателем этой серии, возможно, его первой фанаткой. Всем, кто наслаждался историей Грея, должен сказать ей спасибо, потому что я не выдала бы несколько глав, если бы не ее постоянные вопросы: “Ну что там дальше?” Так что спасибо за все твое нытье, Келс. Реально.

Дополнительная благодарность моему мужу, Робу, который по-прежнему поддерживает все мои творческие начинания. (Также спасибо за то, что терпел меня в одной поездке на машине, когда я провела три часа, учась делать крики гагар своими руками. Для исследовательских целей.) Я люблю тебя как до Луны и обратно.

Библиотекари, педагоги, книготорговцы: пусть вам светят золотые звезды. Спасибо вам, что вкладываете книги в руки молодых читателей и поддерживаете мою серию последние несколько лет.

И, пожалуй, самое главное, благодарю от души *тебя*, уважаемый читатель. Спасибо, что позволил мне рассказать тебе эту историю о мальчике и Стене, и о его поисках ответов. Я надеюсь, что это только начало для тебя. А еще лучше, я надеюсь, что в один прекрасный день я буду читать что-то твое. Идти вперед и мечтай. Иди и пиши!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

**Примечание переводчика: в скобках автор пишет о *book shimmy* (анг.) — что является спонтанным танцем от эмоций, вызванных книгой, которую вы сейчас читаете.*

